

2026

Том 5, № 3

Vol 5, No. 3

ISSN 2782-618X (Print)

ISSN 2782-4373 (Online)

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №3 2026 Vol 5, No.3

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

Учредитель – Институт ноономики
и Нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте

Founder – S.Y. Witte Institute of Noonomy
and New Industrial Development (INID)

Зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
от 22.11.2021 г. ПИ № ФС77–82239)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Mass Media Registration Certificate PI
No. FS77–82239 of 22.11.2021)

Журнал является периодическим научным
изданием, выходящим 4 раза в год

The journal is a periodical scientific
publication published four times a year

Редакция журнала в обязательном
порядке осуществляет экспертную оценку
(рецензирование, научное и стилистическое
редактирование) всех материалов,
публикуемых в журнале

The editorial board without fail provides
expert assessment (peer review, scientific
and stylistic editing) to all content in the
journal

Официальный сайт Журнала:
noonomy-journal.ru

Official Journal website:
noonomy-journal.ru

Свободная цена

Free pricing

Полное или частичное воспроизведение
материалов, содержащихся в настоящем
издании, допускается с письменного
разрешения редакции. Ссылка на журнал
«Ноономика и ноообщество.
Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте»
обязательна

Materials included in this publication may be
reproduced in whole or in part with written
permission from the publishers, in which
case you are compelled to provide a citation
referencing the *Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte
INID journal*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАХТИЗИН А. Р., д-р экон. наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Россия);

БРИГОС ХЕСУС ПАСТОР ГАРСИЯ, ведущий научный сотрудник Института Философии (Куба);

ВАН ВЭНЬ, профессор, декан факультета глобального лидерства, декан Института финансовых исследований Чунъян Китайского народного университета (КНР)

ГЛАЗЬБЕВ С. Ю., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, Государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси (Россия);

ГОРШКОВ М. К., д-р филос. наук, профессор, академик РАН, директор Института социологии РАН (Россия);

ГРИНБЕРГ Р. С., д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, научный руководитель Института экономики РАН (Россия);

ГЭЛБРЕЙТ Дж. К., профессор государственного управления, заведующий подразделением государственных и бизнес-отношений, профессор Школы по связям с общественностью Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США);

ДЕСАИ Р., профессор, директор Исследовательской группы проблем геополитэкономики Университета Манитобы (Канада);

ДЫНКИН А. А., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия);

КВИНТ В. Л., д-р экон. наук, профессор, иностранный член РАН, заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия – США);

КОЛГАНОВ А. И., д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института экономики РАН (Россия);

ЛЭЙН Д., профессор колледжа Эммануэля Университета Кембриджа (Великобритания);

ЛЕМЕЩЕНКО П. С., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой международной политической экономики Белорусского государственного университета (Беларусь);

МАКАРОВ В. Л., д-р физ.-мат. наук, академик РАН, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Россия);

МАКСИМЦЕВ И. А., д-р экон. наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Россия);

ОКРЕПИЛОВ В. В., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН (Россия);

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №3 2026 Vol 5, No.3

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

ОНИШИ ХИРОШИ, профессор Университета Кэйо, вице-президент Всемирной политэкономической ассоциации (IPPE) (Япония);

ПОРОХОВСКИЙ А. А., д-р экон. наук, профессор, научный руководитель кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (Россия);

ПОРФИРЬЕВ Б. Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, Руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия);

СИЛИН Я. П., д-р экон. наук, профессор, ректор Уральского государственного экономического университета (Россия);

СМИРНОВ А.В., д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Россия);

ТОЛКАЧЕВ С. А., д-р экон. наук, профессор, первый заместитель заведующего кафедрой макроэкономического прогнозирования и планирования Финансового университета при Правительстве РФ (Россия);

ТОЩЕНКО Ж. Т., д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института социологии РАН (Россия);

ФРИМАН А., визит-профессор Университета Лондон-Метрополитен (Великобритания);

ЧЕН ЭНЬФУ, президент Всемирной политэкономической ассоциации (WAPPE), главный профессор Университета Китайской академии общественных наук, член Президиума Академического отделения Китайской академии общественных наук (КНР)

EDITORIAL COUNCIL

A.R. BAKHTIZIN, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of the RAS (Russia);

JESUS PASTOR GARCIA BRIGOS, lead researcher at the Institute of Philosophy (Cuba);

WANG WEN, Professor, Dean of the School of Global Leadership, Dean of the Chongyang Institute for Financial Studies at Renmin University of China (PRC)

S.Yu. GLAZIEV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, State Secretary of the Union State of Russia and Belarus (Russia);

M.K. GORSHKOV, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia);

R.S. GRINBERG, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia);

J.K. GALBRAITH, Professor of Public Administration, Head of Government and Business Relations, Professor of Lyndon B. Johnson School of Public Affairs at the University of Texas, Austin (USA);

R. DESAI, Professor, Director of the Geopolitical Economy Research Group at the University of Manitoba (Canada);

A.A. DYNKIN, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, President of the E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia);

V.L. KVINT, Doctor of Economics, Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Economic and Financial Strategy at the Lomonosov Moscow State University School of Economics (Russia – USA);

A.I. KOLGANOV, Doctor of Economics, Professor, Head of the Laboratory for Comparative Studies of Socio-Economic Systems at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia);

D. LANE, Professor, Emmanuel College, University of Cambridge (UK);

P.S. LEMESHCHENKO, Doctor of Economics, Professor, Head of the International Political Economy Department, Belarusian State University (Belarus);

V.L. MAKAROV, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

I.A. MAKSIMTSEV, Doctor of Economics, Professor, Rector of St. Petersburg State University of Economics (Russia);

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №3 2026 Vol 5, No.3

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

V. V. OKREPILOV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Regional Economy Problems of the Russian Academy of Sciences (Russia);

HIROSHI ONISHI, Professor at Keio University, Vice-President of the World Political Economy Association (IIPPE) (Japan);

A. A. POROKHOVSKY, Doctor of Economics, Professor, Head of the Political Economy Department of the Faculty of Economics at Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher at the Institute of the United States and Canada of the Russian Academy of Sciences (Russia);

B. N. PORFIRIEV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the Economics Section of the Social Sciences Department of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia);

Ya. P. SILIN, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Ural State University of Economics (Russia);

A. V. SMIRNOV, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

S. A. TOLKACHEV, Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Department of Macroeconomic Forecasting and Planning at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia);

Zh. T. TOSHCHENKO, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia);

A. FREEMAN, Visiting Professor, University of London-Metropolitan (UK);

ENFU CHENG, President of the World Political Economy Association (WAPE), Principal Professor at the University of the Chinese Academy of Social Sciences, Member of the Presidium of the Academic Division of the Chinese Academy of Social Sciences (PRC)

编辑顾问委员会

巴赫季津 A. R.: 经济学博士, 俄罗斯科学院教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 俄罗斯科学院中央经济与数学研究所所长。

布里戈斯·杰苏斯·帕斯托尔·加西亚: 哲学研究所主任研究员 (古巴)。

王文: 教授, 中国人民大学全球领导力学院院长、重阳金融研究院院长(中国)

格拉斯耶夫 S. Yu.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 欧亚经济委员会一体化和宏观经济委员会成员 (部长) (俄罗斯)。

戈尔什科夫 M. K.: 哲学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院社会学研究所主任 (俄罗斯)。

格林别尔克 R. S.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 俄罗斯科学院经济研究所学生导师 (俄罗斯)。

伽尔布莱特 J. C.: 德克萨斯大学奥斯汀分校林登-约翰逊公共关系学院行政管理教授, 行政和商业事务部负责人 (美国)。

德赛 R.: 教授, 马尼托巴大学地缘政治经济研究部主任 (加拿大)。

德恩金 A. A.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院主席团成员, 俄罗斯科学院世界经济和国际关系国家研究所所长 (俄罗斯)。

克文特 V. L.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院外籍院士, 莫斯科大学经济学院经济和金融战略教研室主任 (俄罗斯、美国)。

科尔卡诺夫 A. I.: 经济学博士, 教授, 莫斯科大学经济系社会经济系统比较研究实验室主任, 俄罗斯科学院经济研究所首席研究员。

莱茵 D.: 剑桥大学伊曼纽尔学院教授, (英国)。

列梅辛科 P. S.: 经济学博士, 教授, 白俄罗斯国立大学国际政治经济系主任 (白俄罗斯)。

马卡罗夫 V. L.: 物理数学博士, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院中央经济和数学研究所学生导师 (俄罗斯)。

马克西姆采夫 I. A.: 经济学博士, 教授, 圣彼得堡国立经济大学校长 (俄罗斯)。

奥克列比洛夫 V. V.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院区域经济问题研究所学生导师 (俄罗斯)。

大西広: 庆应大学教授, 世界政治经济学协会 (IIPPE) 副主席 (日本)。

波罗霍夫斯基 A. A.: 经济学博士、教授, 莫斯科大学经济系政治经济学教研室导师、俄罗斯科学院美国和加拿大研究所首席研究员 (俄罗斯)。

波尔菲里列夫 B. N.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院主席团成员, 俄罗斯科学院社会科学部经济处处长, 俄罗斯科学院经济预测研究所学生导师 (俄罗斯)。

希林 Ya. P.: 经济学博士, 教授, 乌拉尔国立经济大学校长 (俄罗斯)。

斯米尔诺夫 A. V.: 哲学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士。

托尔卡切夫 S. A.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯联邦政府金融大学宏观经济预测和规划教研室第一副主任 (俄罗斯)。

托先科 Zh.T.: 经济科学博士, 教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 俄罗斯科学院社会学研究所首席研究员 (俄罗斯)。

弗里曼 A.: 伦敦大学都市分校客座教授 (英国)。

程恩富: 世界政治经济学会(WAPE)会长, 中国社会科学院大学首席教授, 中国社会科学院学部主席团成员 (中国)。

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №3 2026 Vol 5, No.3

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОДРУНОВ С.Д., главный редактор, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, исполнительный директор Института ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов;

ВОЕЙКОВ М.И., д-р экон. наук, профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН;

ГОРОДЕЦКИЙ А.Е., д-р экон. наук, профессор, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН;

ДОРОФЕЕВА Л.В., канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН;

ЗОЛОТАРЕВ А.А., канд. экон. наук, руководитель отдела по организационно-административной работе Института ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте;

НОВИКОВА И.В., д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова;

ПЛОТНИКОВ В.А., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

ПЬЯНКОВА С.Г., д-р экон. наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета;

СМАГИНА В.В., д-р экон. наук, профессор, проректор – главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;

ТКАЧЕНКО Е.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

ЧЭНЬ ХУН, заместитель директора, научный руководитель, профессор Института марксизма Хайнаньского педагогического университета (КНР);

ЯКОВЛЕВА Н.Г., д-р экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН.

EDITORIAL BOARD

S.D. BODRUNOV, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Executive Director of the S.Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development, President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists;

M.I. VOEYKOV, Doctor of Economics, Professor, Head of the Political Economy Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences;

A.E. GORODETSKY, Doctor of Economics, Professor, Head of the research area of “Institutes of modern economy and innovative development”, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences;

L.V. DOROFEEVA, Candidate of Economic Sciences, Senior research scientist Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences;

A.A. ZOLOTAREV, Candidate of Economic Sciences, Head of Organizational and Administrative Department of the S.Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development;

I.V. NOVIKOVA, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic and Financial Strategy at the Lomonosov Moscow State University School of Economics;

V.A. PLOTNIKOV, Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics;

S.G. PYANKOVA, Doctor of Economics, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management at the Ural State University of Economics;

V.V. SMAGINA, Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector – Chief Scientific Secretary of Derzhavin Tambov State University;

E.A. TKACHENKO, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Production Complexes at St. Petersburg State University of Economics;

CHEN HONG, Deputy Director, Academic Director, Professor, Institute of Marxism, Hainan Normal University;

N.G. YAKOVLEVA, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher at the Centre for Social Sector Economic Theory at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №3 2026 Vol 5, No.3

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

学刊编辑委员会成员

博德鲁诺夫 S. D.: 主编, 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 执行院长维捷智慧型经济和新兴工业发展研究院, 俄罗斯自由经济协会会长, 国际经济学家联盟主席。

沃耶伊科夫 M. I.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院经济研究所政治经济部主任。

戈罗杰茨基 A. E.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院经济研究所现代经济和创新制度学科主任。

达罗费耶娃 L. V.: 多罗费耶娃 L. V., 经济学副博士, 俄罗斯科学院区域经济研究所高级研究员。

佐洛塔列夫 A. A.: 经济学副博士, 组织行政部主任维捷智慧型经济和新兴工业发展研究院。

诺维科娃 I. V.: 经济学博士, 副教授职称, 莫斯科大学经济学院经济和金融战略教研室教授。

波洛特尼科夫 V. A.: 副主编, 经济学博士, 圣彼得堡国立经济大学一般经济理论和经济思想史教研室教授。

波杨科娃 S. G.: 经济学博士, 俄罗斯自然科学院院士, 乌拉尔国立经济大学区域、城市经济和管理教研室教授。

斯马金娜 V. V.: 经济学博士, 教授, 坦波夫国立大学副校长、首席科学秘书。

特卡钦科 E. A.: 经济学博士, 教授, 圣彼得堡国立经济大学企业和生产综合体经济与管理系教授。

陈红: 海南师范大学(中国)马克思主义学院副院长、学生导师、教授。

雅科弗列娃 N. G.: 经济学博士, 副教授, 俄罗斯科学院经济研究所社会部门经济理论中心主任研究员。

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №3 2026 Vol 5, No.3

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

СОДЕРЖАНИЕ

НООНОМИКА И НООПЕРЕХОД

С.Д. Бодрунов

Когнитивная революция: искусственный интеллект как фактор нооперехода. 13

Джузеппе Ло Брутто, Эдуардо Кривелли Минутти

Между технофеодализмом и ноономикой: Латинская Америка и Карибский бассейн в формировании нового глобального порядка 22

Т.Н. Шушунова

Ноополис как стратегический ответ на вызовы глобальной конкуренции за знания в эпоху ноономики 43

М.В. Гречко, А.Л. Ванян

Российская экономика в координатах нооперехода: эмпирика и практика индикации 57

Г.А. Маслов

Истоки нооперехода: опыт социально-экономической модернизации Китая конца XX – начала XXI вв. 80

НООПЕРЕХОД: ЗНАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ

С.Д. Бодрунов

Ноопереход: промышленная политика как инструмент формирования материального базиса НИО.2 98

М.С. Чистяков

Знаниеемкие технологии как ключевой фактор новой парадигмы развития 114

В.С. Воронов, В.Р. Смирнова, С.В. Чернявский

Цифровая трансформация инвестиционных возможностей в эпоху нооперехода 128

НООНОМИКА: РЕЦЕНЗИИ

Пьерлуиджи Орати

О закономерностях ноономики в связи с наследием профессора В. Орати. 140

НООНОМИКА: КОНФЕРЕНЦИИ

Научный семинар ИНИР им. С.Ю. Витте в Кыргызском экономическом университете 142

Анонсы

Конгресс Всемирной Ассоциации Ноономики (17-18 сентября 2026 г., Рим). 144

Тунчжоуский форум (10-11 октября, Пекин) 146

НООНОМИКА: ВЫСТАВКИ

Книги о ноономике на крупнейшей книжной выставке-ярмарке Италии. 147

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №3 2026 Vol 5, No.3

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

CONTENTS

NOONOMY AND NOOTRANSITION

S.D. Bodrunov

The Cognitive Revolution: Artificial Intelligence as a Factor of the Nootransition 13

G. Lo Brutto, E. Crivelli Minutti

Between Techno-Feudalism and Noonomy: Latin America and the Caribbean
in the Configuration of a New Global Order 22

T.N. Shushunova

Noopolis as a Strategic Response to the Challenges of Global Competition
for Knowledge in the Era of Noonomy. 43

M.V. Grechko, A.K. Vanyan

The Domestic Economy in the Context of Noot-ransition: Empirical Evidence
and Practical Implications. 57

G.A. Maslov

The Origins of Nootransition: The Experience of Socio-Economic Modernization
in China in the Late 20th – Early 21st Centuries 80

NOOTRANSITION: KNOWLEDGE AND TECHNOLOGIES

S.D. Bodrunov

The Nootransition: Industrial Policy as a Tool for Shaping the Material Base
of NIS.2. 98

M.S. Chistyakov

Knowledge-Intensive Technologies as a Key Factor in the New Development Paradigm . . . 114

V.S. Voronov, V.R. Smirnova, S.V. Chernyavsky

Digital Transformation of Investment Opportunities in the Era of Nootransition 128

NOONOMY: REVIEWS

Pierluigi Orati

Regarding Regularities of Noonomy in View of the Legacy of Professor V. Orati 140

NOONOMY: CONFERENCES

A Scientific Seminar of the S.Y. Witte INID at the Kyrgyz Economic University 142

Announcements

Annual Congress of the World Association of Noonomy (WAN). 144

Tongzhou Global Development Forum 146

NOONOMY: EXHIBITIONS

Books of Professor S.D. Bodrunov at the Largest Book Fair in Italy 147

目录

智慧型经济学与智慧型转型

博德鲁诺夫S. D.	
认知革命——人工智能是智慧型转型的影响因素.....	13
洛·布鲁托、米努蒂 E.K.	
技术封建主义与智慧型经济之间:新世界秩序形成时代的拉丁美洲和加勒比地区 ...	22
舒舒诺娃T. N.	
智慧型城市是对智慧经济时代全球知识竞争挑战的战略回应.....	43
格雷奇科M. V., 瓦尼亚恩A. L.	
慧型转型过程中的俄罗斯经济状态——指标的实证和实践	57
马斯洛夫G. A.	
智慧型转型的源头:20世纪末至21世纪初中国社会经济现代化的经验	80

智慧型经济转型:知识与技术

博德鲁诺夫S. D.	
智慧型转型:工业政策是构建第二代新工业社会物质基础的工具.....	98
奇斯佳科夫M. S.	
知识密集型技术成为新发展范式的关键因素.....	114
沃罗诺夫V. S., 斯米尔诺娃V. R., 切尔尼亚夫斯基S. V.	
向智慧经济过度时期投资机会的数字化转型	128

智慧经济:书评

皮耶路易吉·奥拉蒂	
论智慧型经济学的内部规律与V.奥拉蒂教授的思想遗产	140

智慧经济:会议

谢·尤·维特维特新兴工业发展研究所科学研讨会(吉尔吉斯经济大学)	142
预告	
世界智慧型经济学协会大会.....	144
通州论坛(10月11日,北京)	146

智慧经济:展览

智慧型经济学相关书籍于意大利最大图书博览会展出.....	147
------------------------------	-----

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-13-21

С.Д. Бодрунов

Институт ноономики и Нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте (Санкт-Петербург, Россия)

КОГНИТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР НООПЕРЕХОДА

Аннотация: Искусственный интеллект рассматривается нами как один из наиболее мощных технологических факторов когнитивно-индустриальной революции, ускоряющий повышение знаниеинтенсивности производства и одновременно обостряющий вопрос о целях общественного применения новой технологической мощи. В своих исследованиях мы отмечаем, что ИИ, являясь элементом техносферы, не обладает самостоятельной исторической субъектностью – направленность его применения определяется общественными отношениями, характером собственности и ценностными приоритетами. Различение алгоритмической рациональности и ноорациональности позволяет выявить цивилизационную развилку: цифровая мощь способна вести как к технократическому господству, когнитивному неравенству и информационному отчуждению, так и к расширению пространства творчества, свободному обмену знаниями и солидарному созиданию. Преодоление этих противоречий мы связываем с равнодействующей «квадриги ноономики» – научно-технического прогресса, диффузии собственности, социализации общества и солидаризма, совместное действие которых направлено на подчинение технологической мощи развитию человека. Движение к ноономике предполагает сознательное стратегирование развития ИИ во имя мира, сохранение человеческого контроля и ограничение автономизации военных систем. Когнитивно-индустриальная революция становится фактором нооперехода лишь тогда, когда знание превращается в общественное благо, высвобождается время – в пространство творческой самореализации, а человек сохраняет положение высшей ценности и субъекта общественного развития.

Ключевые слова: ноономика, ноопереход, искусственный интеллект, когнитивно-индустриальная революция, НИО.2, ноорациональность, квадрига ноономики, солидаризм, человеческое достоинство.

Для цитирования: Бодрунов С.Д. (2026). Когнитивная революция: искусственный интеллект как фактор нооперехода // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 5, № 3. С. 13–21. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-13-21

Sergey D. Bodrunov

S. Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development (St. Petersburg, Russia)

THE COGNITIVE REVOLUTION: ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FACTOR OF THE NOOTRANSITION

Abstract: We consider artificial intelligence as one of the most powerful technological factors of the cognitive-industrial revolution, which accelerates the increase in the knowledge intensity of production while concurrently intensifying the question regarding the goals of the societal application of this new technological power. In our studies, we note that AI, as an element of the technosphere, does not possess independent historical agency; the direction of its application is determined by social relations, the nature of property ownership, and value priorities. The distinction between algorithmic rationality and noorationality allows us to identify a civilizational crossroads: digital power is capable of leading both to technocratic dominance, cognitive inequality, and informational alienation, and to the expansion of creative space, the free exchange of knowledge, and solidarity-based creation. We link the resolution of these contradictions to the resultant force of the “quadriga of noonomy” – scientific and technological progress, the diffusion of property ownership, the socialization of society, and solidarism – whose joint action is aimed at subordinating technological power to human development. The movement toward noonomy presupposes conscious strategizing for the development of AI in the name of peace, the preservation of human control, and the limitation of the autonomization of military systems. The cognitive-industrial revolution becomes a factor of the nootransition only when knowledge turns into a public good, liberated time transforms into a space for creative self-realization, and the human being retains the status of the highest value and the subject of societal development.

Keywords: noonomy, nootransition, artificial intelligence, cognitive-industrial revolution, NIS.2, noorationality, quadriga of noonomy, solidarism, human dignity.

For citation: Bodrunov S. D. (2026). The Cognitive Revolution: Artificial Intelligence as a Factor of the Nootransition. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 3, pp. 13–21. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-13-21

博德鲁诺夫S. D.

维捷智慧型经济和新兴工业发展研究院 (INID) (俄罗斯, 圣彼得堡)

认知革命——人工智能是智慧型转型的影响因素

摘要:我们认为,人工智能是认知和工业革命中最强大的技术因素之一,它既加速了生产知识密集度的提升,同时也使新技术力量社会应用的目的问题更加尖锐。我们在研究中发现,人工智能作为技术圈的组成部分,并不具备独立的历史主体性,也就是说其应用方向由社会关系、所有制性质以及价值取向所决定。区分算法合理性与智慧型合理性,有助于揭示文明发展的岔路口:数字力量既可能导致技术统治、认知不平等和信息异化,也可能拓展创造空间,促进知识自由交流和团结协作。我们认为,克服这些矛盾的关键在于“智慧型经济四驾马车”的合力,这四驾马车是科学技术进步、所有权扩散、

关键词: 智慧型经济、智慧型转型、人工智能、认知工业革命、NIS.2、智慧型合理性、智慧型经济四驾马车、团结主义、人格。

I. Когнитивно-индустриальная революция и человек

Алгоритм сам по себе целей не порождает; в нём закрепляются интересы и решения тех, кто располагает данными и определяет условия его применения. Кто владеет данными, тот во многом направляет результат; кто определяет меру эффективности, тот формирует и социальный эффект. То есть – обсуждение ИИ неизбежно превращается в разговор о власти, о собственности и, что самое главное, – об ответственности.

Тот, кто контролирует технологическую мощь, получает возможность направлять её применение и определять распределение создаваемых ею преимуществ и рисков.

«Искусственный интеллект представляет собой подлинную **когнитивно-индустриальную революцию**» [Франциск, 2024b]. Её содержание – в ускоренной имплементации знания в технологию и в росте «знаниевой» части продукта. Материальное производство сохраняет свое базовое значение, но приобретает новое качество: продукт обретает высокую **знаниеёмкость**, производство – **знаниеинтенсивность**, а инновация – почти непрерывный характер. Так формируется технологический базис того, что мы называем *Новым индустриальным обществом второго поколения* – **ННО.2** [Бодрунов, 2016].

Машина все чаще выполняет репродуктивные операции, а человеческая деятельность постепенно смещается к постановке задач, контролю и творческому поиску. Отсюда – возможность *редукции механизированного труда* и высвобождения жизненного времени для **немашинизируемой деятельности**. Это – движение от простого роста производительности к возвращению «человека человеку», к расширению пространства науки, культуры и созидания [Бодрунов, 2019].

Перспектива самодействующей производственной системы уже перестает быть отвлеченной гипотезой. Вопрос – кто и на каких принципах задаст ей внешний контур регулирования. С позиции теории ноономики этот контур формирует – *общество*, а мерой решений выступают – *разумные потребности личности*.

Но технология всего лишь создает *предпосылки*, а направление движения определяется общественным выбором. Когнитивно-индустриальная революция создает материально-технологические предпосылки нооперехода, но вовсе не гарантирует его.

Одинаковые технологии могут привести либо к цифровой технократии, либо способствовать ускорению построения **ноообщества** – в зависимости от общественных отношений, целей и ценностей их применения. В первом случае ИИ ускоряет концентрацию власти и усиливает информационное отчуждение. Во втором – служит инструментом свободного обмена знаниями и солидарного творчества. Это – системная развилка, она же – «*точка бифуркации*» [Бодрунов, 2025a].

Технологическое высвобождение приобретает человеческий смысл лишь тогда, когда выигрыш времени превращается в возможность развития личности, а рост производительности – в *общее благо*. Иначе автоматизация освобождает рабочее место, но вовсе не освобождает человека.

II. Цивилизационная развилка: алгоритмическая рациональность и ноорациональность

Алгоритмическая рациональность быстро находит средство в пределах заданной модели. **Ноорациональность** ставит более сложный вопрос – какой человеческой цели служит это средство и согласуется ли она с достоинством личности, ценностями культуры и общим благом. Поэтому мы разделяем мысль о том, что «*не всё можно предсказать, не всё можно просчитать*» [Франциск, 2024a].

Ограниченность *технократической модели* обнаруживается в момент, когда вычислимое объявляется разумным, а эффективность превращается в универсальную меру. **Ноономика** предлагает иной тип рациональности – переход от максимизации прибыли и потребления к разумному формированию и удовлетворению потребностей [Бодрунов, 2018].

Речь идёт о потребностях, возвышающих человека и расширяющих его способность к творчеству – **ноопотребностях**. Их критериальная база создается культурой. *Культура* – не внешнее украшение хозяйственной системы, а ее будущий императив, **ноо-ценностное ядро**. Алгоритм может предложить оптимальный маршрут, но смысл пути должно определять общество.

При сохранении прежней экономической логики цифровая мощь концентрируется быстрее, чем общество успевает выработать формы контроля. Возникают новые монополии ИИ и новая *асимметрия* – эпистемическая, экономическая, политическая [Лев XIV, 2026]. Она разделяет мир на тех, кто формирует архитектуру знания, и тех, кому остаётся принимать уже сконструированные решения; одновременно складывается новый слой собственников цифровой инфраструктуры, присваивающих *технологическую и когнитивную ренту*.

В результате возникает *когнитивный барьер*, а вслед за ним – зависимость в образовании, труде и общественном выборе. Технологическое богатство начинает соседствовать с культурной и нравственной бедностью. Мы рискуем стать «*богатыми технологиями и бедными человечностью*» [Франциск, 2024с]. И – подчеркнем – проблема заключена не в вычислительной мощности как таковой. Источник риска – в подчинении этой мощности логике накопления, контроля и превосходства.

Преодоление такого разрыва связано с равнодействующей «*квадриги ноономики*», в составе которой мы выделяем научно-технический прогресс, диффузию собственности, социализацию общества и солидаризм [Бодрунов, 2021]. *Научно-технический прогресс* дает импульс, но его социогуманитарная ориентация возникает через *диффузию собственности, социализацию и солидаризм*. Диффузия здесь означает, что доступ к данным и вычислительным моделям расширяется, а результаты исследований возвращаются обществу. Данные создаются общественным трудом – и потому требуют режима общего либо совместно используемого блага. Социализация возвращает инновации в сферу человеческого развития. Солидаризм переводит когнитивное взаимодействие от монопольного соперничества к сотрудничеству.

Так начинается **кристаллизация ноономики**. Возникают открытые *когнитивные экосистемы*, в которых знание умножается через обмен, а творческий результат становится основой совместного развития. Это – уже не «экономика знаний», торгующая интеллектуальным продуктом. Закон *возвышения потребностей* получает здесь новое цивилизационное содержание: рост знания призван расширять пространство человеческой свободы, а не умножать симулякры, подменяющие развитие потреблением. Это – движение к **ноо-пространству**, где знание становится общим когнитивным достоянием [Бодрунов, 2025b].

Вместе с технологией меняется и труд, его содержание. Автоматизация способна снять с человека тяжелую и повторяющуюся деятельность, однако свободное время еще предстоит превратить в пространство самореализации. Для этого образование должно быть доступным на протяжении всей жизни, а результаты роста производительности – работать на развитие общества.

Образование в условиях нооперехода соединяет техническое знание с гуманитарным пониманием и формирует способность к самостоятельному суждению. Оно преодолевает информационное отчуждение и готовит человека к участию в когнитивных экосистемах. Отсюда – возрастание человеческой субъектности, а не приспособление личности к темпу машины. Человек – высшая ценность и субъект нооперехода. ИИ призван поддерживать

немашиинизируемую деятельность, в которой человек исследует, создаёт и передаёт культуру. Информации может быть много; но мудрость рождается там, где знание соединяется со смыслом, ответственностью и доверием [Лев XIV, 2025].

III. ИИ во имя мира: стратегирование нооперехода

Движение общества к ноономике не может складываться как стихийный побочный результат рынка технологий. Оно требует сознательного стратегирования. Это – научно обоснованное согласование технологического развития с тем, как меняются образование и труд, а вслед за ними – общественные институты. Нужна «проактивная приверженность защите человеческого достоинства» [Франциск, 2024d], причем защита должна входить в архитектуру системы уже на этапе замысла.

Мы оцениваем технологию не только по скорости и коммерческой отдаче. Важнее другое – расширяет ли она свободу человека; делает ли общество более равным; укрепляет ли доверие и мир. Отсюда – необходимость опережающего управления, способного видеть отдаленные последствия и направлять НТП по гуманистической траектории. Стратегирование сохраняет пространство инициативы, но меняет критериальную основу развития: общественно значимый результат получает приоритет перед краткосрочной выгодой [Бодрунов, 2020; Бодрунов, 2025b].

Папа Лев XIV в энциклике **Magnifica Humanitas** вводит точное понятие – разоружение ИИ: «Разоружить – не значит отказаться от технологии; это значит не позволить ей господствовать над человеком» [Лев XIV, 2026]. Мы согласны и с этим подходом. **Ноопереход** – гуманистический, а не антитехнологический проект. Разоружение означает вывод ИИ из логики военного, экономического и когнитивного превосходства. Это – ограничение права силы в цифровой форме и возвращение технологии в пространство общественного обсуждения. ИИ должен работать там, где возрастает человеческий потенциал: помогать лечить и исследовать, учить, сохранять общий Дом, поддерживать диалог культур. В таком качестве он действует как технология доверия. При монопольном присвоении данных и моделей он, напротив, превращается в инфраструктуру диктата.

Самая жесткая проверка этого принципа – военная сфера, поскольку «не существует алгоритма, который мог бы сделать войну нравственно приемлемой» [Лев XIV, 2026]. Машина способна распознавать объект и рассчитывать действие, но нравственное суждение рождается из совести и личной ответственности; его основание – *признание другого как личности*.

Решение, влекущее смерть или иные необратимые последствия, должно оставаться под действенным человеческим контролем. И – что важно – ответственность начинается задолго до команды на применение системы. Она возникает в момент постановки задачи, продолжается при обучении модели и сохраняется в политическом решении о допустимости её использования.

ИИ во имя мира требует новой культуры международного сотрудничества. Право должно сдерживать автономизацию вооружений и гонку вычислительного превосходства. Наука должна укреплять открытые формы обмена, а государства – сокращать когнитивную зависимость, развивая собственную научно-образовательную инфраструктуру. Но мир – шире отсутствия боевых действий; он начинается там, где труд сохраняет достоинство, знание открыто, а народы участвуют в формировании технологического будущего совместно, а не порознь.

Именно поэтому солидаризм приобретает практический смысл. Он превращает взаимозависимость в осознанное сотрудничество и связывает технологическое лидерство с вкладом в человеческое развитие. Это – переход от культуры мощи к культуре совместного созидания, от цифровой конкуренции любой ценой к ответственности за общую судьбу.

Наш диалог «**Искусственный интеллект во имя мира**» способен стать площадкой для такого синтеза. В нем технологическая компетентность может быть соединена с нравственной и антропологической ответственностью, а политэкономический анализ – со стратегированием нооперехода.

И это уже не вопрос о том, будет ли ИИ менять общество. Вопрос в том, какое общество будет направлять ИИ. **Нооразум** – не максимальная вычислительная мощность; это – разум, способный ограничить собственную технологическую силу ради сохранения человека, общества и мира. И именно такой разум превращает когнитивно-индустриальную революцию из фактора господства в фактор развития.

Будущее ИИ определяется качеством целей, которые мы ему задаем. Будущее ноообщества – нашей способностью сделать знание общим благом, творчество – нормой человеческой жизни, а солидарность – принципом исторического действия.

Список источников

- Бодрунов С.Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 312 с.
- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Бодрунов С.Д. (2019). Общая теория ноономики. М.: Культурная революция. 504 с.
- Бодрунов С.Д. (2020). Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: ИНИР; Культурная революция. 224 с.
- Бодрунов С.Д. (2021). Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Экономическое возрождение России. № 1(67). С. 5–14. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-5-14.
- Бодрунов С.Д. (2025a). Ноономика как парадигма глобального развития // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 4, № 2. С. 13–33. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-2-13-33.
- Бодрунов С.Д. (2025b). От экономики – к ноономике (тезисы к вопросу о стратегировании интеллектуально-креативного аспекта (ноо) трансформации общества) // Экономическое возрождение России. № 1(83). С. 5–31. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31.
- Лев XIV (2025). Послание участникам Второй ежегодной конференции по искусственному интеллекту, этике и корпоративному управлению, 17 июня 2025 г. // Святой Престол. URL: <https://www.vatican.va/content/leo-xiv/en/messages/pont-messages/2025/documents/20250617-messaggio-ia.html> (дата обращения: 15.07.2026).
- Лев XIV (2026). Magnifica Humanitas. О защите человеческой личности в эпоху искусственного интеллекта: энциклика, 15 мая 2026 г. // Святой Престол. URL: <https://www.vatican.va/content/leo-xiv/ru/encyclicals/documents/20260515-magnifica-humanitas.html> (дата обращения: 15.07.2026).
- Франциск (2024a). Искусственный интеллект и мир: послание на LVII Всемирный день мира, 1 января 2024 г. // Святой Престол. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/>

ru/messages/peace/documents/20231208-messaggio-57giornatamondiale-pace2024.html (дата обращения: 15.07.2026).

Франциск (2024b). Выступление на сессии G7 по искусственному интеллекту, Борго-Эньяция, 14 июня 2024 г. // Святой Престол. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2024/june/documents/20240614-g7-intelligenza-artificiale.html> (дата обращения: 15.07.2026).

Франциск (2024c). Искусственный интеллект и мудрость сердца: к полноценно человеческому общению: послание на LVIII Всемирный день социальных коммуникаций, 24 января 2024 г. // Святой Престол. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/messages/communications/documents/20240124-messaggio-comunicazioni-sociali.html> (дата обращения: 15.07.2026).

Франциск (2024d). Послание участникам встречи «Этика искусственного интеллекта во имя мира» (Хиросима, 9–10 июля 2024 г.), 10 июля 2024 г. // Святой Престол. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/messages/pont-messages/2024/documents/20240710-messaggio-ai-ethics-forpeace.html> (дата обращения: 15.07.2026).

References

- Bodrunov S. D. (2016). *The Coming of New Industrial State: Reloaded*. 2nd edition, revised and expanded. St. Petersburg: S. Y. Witte INID Publ. 312 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2018). *Noonomy*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. 432 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2019). *General Theory of Noonomy*. Moscow: S. Y. Witte INID, Kul'turnaya revolyutsiya. 504 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2020). *Noonomy: Trajectory of Global Transformation*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. 224 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2021). Genesis of Noonomy: Scientific and Technological Progress, Diffusion of Ownership, Solidarism. *Economic Revival of Russia*. Vol. 67. No. 1. Pp. 5–14. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-5-14. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2025a). Noonomy as a Paradigm for Global Development. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*. Vol. 4. No. 2. Pp. 13–33. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-2-13-33. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2025b). From Economy to Noonomy (Theses on the Issue of the Intellectual-Creative Aspect Strategy of the Societal (Noo) Transformation). *Economic Revival of Russia*. Vol. 83. No. 1. Pp. 5–31. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31. (In Russ.).
- Leo XIV (2025). Message of Pope Leo XIV to Participants in the Second Annual Conference on Artificial Intelligence, Ethics, and Corporate Governance. 17 June 2025. *The Holy See*. URL: <https://www.vatican.va/content/leo-xiv/en/messages/pont-messages/2025/documents/20250617-messaggio-ia.html> (Access date: 15.07.2026). (In Russ.).
- Leo XIV (2026). Magnifica Humanitas of His Holiness Pope Leo XIV on Safeguarding the Human Person in the Time of Artificial Intelligence. 15 May 2026. *The Holy See*. URL: <https://www.vatican.va/content/leo-xiv/ru/encyclicals/documents/20260515-magnifica-humanitas.html> (Access date: 15.07.2026). (In Russ.).
- Francis (2024a). Message of His Holiness Pope Francis for the 57th World Day of Peace: Artificial Intelligence and Peace. 8 December 2023. *The Holy See*. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/ru/messages/peace/documents/20231208-messaggio-57giornatamondiale-pace2024.html> (Access date: 15.07.2026). (In Russ.).

Francis (2024b). Address of His Holiness Pope Francis: Pope Francis Attends the G7 Session on Artificial Intelligence. 14 June 2024. *The Holy See*. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2024/june/documents/20240614-g7-intelligenza-artificiale.html> (Access date: 15.07.2026). (In Russ.).

Francis (2024c). Message of His Holiness Pope Francis for the 58th World Day of Social Communications. Artificial Intelligence and the Wisdom of the Heart: Towards a Fully Human Communication. 24 January 2024. *The Holy See*. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/messages/communications/documents/20240124-messaggio-comunicazioni-sociali.html> (Access date: 15.07.2026). (In Russ.).

Francis (2024d). Message of the Holy Father Francis to the Participants in the “AI Ethics for Peace” Gathering (Hiroshima, 9-10 July 2024). 10 July 2024. *The Holy See*. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/messages/pont-messages/2024/documents/20240710-messaggio-ai-ethics-forpeace.html> (Access date: 15.07.2026). (In Russ.).

Информация об авторе

Бодрунов Сергей Дмитриевич

Исполнительный директор Института ноономики и Нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Всемирной Ассоциации Ноономики (WAN), Президент Вольного экономического общества (ВЭО) России, член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16)

E-mail: inir@inir.ru

Information about the author

Sergey D. Bodrunov

Executive Director of the S. Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development, President of the World Association of Noonomy (WAN), President of the Free Economic Society (VEO) of Russia, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economics, Professor (16 Bol'shaya Monetnaya ul., St. Petersburg, 197101, Russia)

E-mail: inir@inir.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-22-42

Джузеппе Ло Брутто

Институт социальных и гуманитарных наук «Альфонсо Велес Плиего» Университета Пуэбла (Пуэбла, Мексика)

Эдуардо Кривелли Минутти

Университет Пуэбла (Пуэбла, Мексика)

МЕЖДУ ТЕХНОФЕОДАЛИЗМОМ И НООНОМИКОЙ: ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И КАРИБСКИЙ БАСЕЙН В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Аннотация: в настоящей статье рассматривается положение Латинской Америки и Карибского бассейна в контексте трансформации современной мировой системы, характеризующейся переходом к многополярности (многополярному порядку) и появлением новых технологических укладов. На основе анализа теорий технофеодализма и ноономики утверждается, что регион сталкивается со структурной двойственностью, в рамках которой подчеркивается его роль как поставщика критически важных минералов для энергетического перехода и его сохраняющаяся технологическая и цифровая зависимость. Основная гипотеза заключается в том, что региональная стратегия, основанная на цифровой интеграции, согласованном регулировании и сотрудничестве Юг-Юг, может укрепить переговорную позицию региона и снизить его структурную уязвимость. Анализ подкрепляется эмпирическими данными об инвестициях в исследования и разработки, производстве патентов и потоках прямых иностранных инвестиций в цифровые технологии, выявляя сохраняющиеся асимметрии между регионом и глобальной инновационной системой.

Ключевые слова: технофеодализм, ноономика, мировой порядок, технологическая зависимость, сотрудничество Юг-Юг, Латинская Америка, цифровой суверенитет.

Для цитирования: Ло Брутто Д., Минутти Э.К. (2026). Между технофеодализмом и ноономикой: Латинская Америка и Карибский бассейн в формировании нового мирового порядка // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 5, № 3. С. 22–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-22-42

Giuseppe Lo Brutto

Institute of Social Sciences and Humanities “Alfonso Vélaz Pliego” at the Benemérita Universidad Autónoma de Puebla (Puebla, Mexico)

Eduardo Crivelli Minutti

Benemérita Universidad Autónoma de Puebla (Puebla, Mexico)

BETWEEN TECHNO-FEUDALISM AND NOONOMY: LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN IN THE CONFIGURATION OF A NEW GLOBAL ORDER

Abstract: This paper examines the structural position of Latin America and the Caribbean in the context of the transformation of the contemporary world-system, characterized by the transition towards a multipolar order and the emergence of new technological paradigms. Through the analysis of techno-feudalism and noonomy theories, it is argued that the region faces a structural duality, in which its role as a provider of critical minerals for the energy transition and its persistent technological and digital dependence are highlighted. The central hypothesis holds that a regional strategy based on digital integration, regulatory coordination, and South-South cooperation could strengthen the region's bargaining power and reduce its structural vulnerabilities. The analysis is supported by empirical data on Research and Development investment, patent production, and foreign direct investment flows in digital technologies, revealing persistent asymmetries in the global innovation system in the region.

Keywords: techno-feudalism, noonomy, world order, technological dependence, South-South cooperation, Latin America, digital sovereignty.

For citation: Lo Brutto G., Crivelli Minutti E. (2026). Between Techno-Feudalism and Noonomy: Latin America and the Caribbean in the Configuration of a New Global Order. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 3, pp. 22–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-22-42

朱塞佩·洛·布鲁托

普埃布拉大学“阿尔丰索-韦莱斯-普利埃戈”社会与人文科学研究所(墨西哥, 普埃布拉)

爱德华多·克里韦利·米努蒂

普埃布拉大学(墨西哥, 普埃布拉)

在技术封建主义与智慧型经济之间： 新世界秩序形成时代的拉丁美洲和加勒比地区

摘要: 本文探讨了当代世界体系转型背景下拉丁美洲和加勒比地区的现状, 该转型以向多极化(多极秩序)过渡和新型技术范式的出现为特征。基于对技术封建主义和智慧经济理论的分析, 本文认为该地区正面临结构二元性: 一方面, 其作为能源转型所需关键矿产供应方的角色日益凸显; 另一方面, 其技术与数字领域的依赖性依然存在。文章的主要推断为: 基于数字一体化、协调监管和南南合作的区域战略能够增强该地区的谈判地位, 并降低其结构上的脆弱性。该分析以研发投入、专利生产投资

и цифровых технологий. В то время как общество выступает в роли «крепостных», создающих стоимость, часто бесплатно, для новой доминирующей элиты.

Ключевые слова: технологическая феодализация, технологический капитализм, цифровые платформы, цифровые платформы, цифровые платформы.

Ссылка на статью: Ло Брутто, Д., Минутти Э.К. (2026). Технологическая феодализация и технологический капитализм: новая парадигма. *Вестник ВШЭ*, Vol. 5, No. 3, pp. 22–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-22-42

Введение

Современная международная система переживает фазу системного хаоса, характеризующуюся ослаблением динамики традиционной власти [Валлерстайн, 2015; Арриги, 2007] и, возможно, постепенным переходом от однополярной гегемонии к многополярной или многоцентричной конфигурации, подразумевающей перераспределение экономических, технологических и военных возможностей между центрами и периферией [Амин, 1990]. В любом случае, как и в предыдущих гегемонических переходах, устоявшиеся правила международного порядка становятся условными и подверженными пересмотру [Фридман и Чейз-Данн, 2005], вынуждая государства и транснациональные субъекты пересматривать стратегии, альянсы и формы управления в условиях растущей фрагментации. Такая структурная трансформация глубоко перестраивает основы экономической и технологической власти, порождая неопределенность в отношении контуров формирующегося мирового порядка, но также открывает возможности для пересмотра периферийных позиций в мировой системе.

В этих условиях Четвертая промышленная революция и эпоха больших данных во многом определяют ритмы и темпы такой глобальной трансформации. Контроль над данными и их обработка стали центральной осью глобального соперничества, коренным образом перестраивая международные иерархии [Зубофф, 2019; Коулдри и Мехиас, 2019; Най, 2020]. Технологические преобразования также создают напряжение в институциональной конфигурации формирующегося нового мирового порядка. В этом смысле такие фигуры, как Питер Тиль [2007; Тиль и Мастерс, 2014]¹, выступают за технологические инновации, институциональные преобразования и инициативы, подобные «автономным зонам» инициативы или проектам частного суверенитета, предполагая перестройку политического уклада, в котором лидерство осуществляется не на основе демократического консенсуса, а стратегически организованными меньшинствами в контексте технологического капитализма. Как утверждает Янис Варуфакис [2023], такая позиция отражает появление того, что он называет «технофеодализмом», систему, в которой цифровые платформы действуют как феодалы, извлекая алгоритмическую ренту и одновременно фрагментируя государственный суверенитет². В противоположность этому Сергей Бодрунов [2020] предлагает альтернативную концепцию, основанную на парадигме ноономики, предполагающей, что знание может стать основным источником стоимости, с акцентом на совместное производство знаний и развитие внутреннего научного потенциала.

¹ Питер Тиль — миллиардер, предприниматель, соучредитель PayPal и влиятельный инвестор, известный своими либертарианскими взглядами на технологии и политику.

² Для Яниса Варуфакиса этот технофеодализм подразумевает подчинение традиционного капитала цифровому капиталу, в то время как общество выступает в роли «крепостных», создающих стоимость, часто бесплатно, для новой доминирующей элиты.

Это теоретическое противоречие отражает реальные политические альтернативы для периферийных экономик, в которых обсуждается вопрос о том, что важнее: воспроизводство технологической зависимости или построение цифрового суверенитета посредством инвестиций в научный и институциональный потенциал. Латинская Америка и Карибский бассейн оказались в особенно уязвимом положении в рамках этой глобальной реконфигурации, особенно потому, что страны региона сочетают историческую зависимость от товарного экспорта с новыми формами цифрового подчинения, сохраняя периферийное участие в новой динамике современного капитализма [Чимоли, Прими и Феррас, 2014; Перес, 2010]. Парадоксальным образом, концентрация запасов критически важных минералов, необходимых для энергетического перехода и развития передовых технологий, наделяет регион Латинской Америки и Карибского бассейна переговорным потенциалом, который еще не был в полной мере реализован. Таким образом, гипотеза данной статьи предполагает, что потенциал региональных субъектов зависит от развития собственных технологических возможностей и сильных институтов цифрового управления, что требует стратегии сотрудничества Юг-Юг и переосмысления связей с великими державами в условиях борьбы и конкуренции в текущем системном хаосе.

Цель данной работы состоит в анализе научно-технического потенциала Латинской Америки и Карибского бассейна в контексте нынешнего системного хаоса и возможного перехода к новому мировому порядку. Анализ подкрепляется данными об инвестициях в исследования и разработки, производстве патентов и потоках прямых иностранных инвестиций в цифровые технологии, что свидетельствует об асимметрии глобальной системы инноваций. Текст состоит из четырех разделов. В первом разделе рассматриваются технофеодализм и ноономика как конкурирующие парадигмы; во втором разделе раскрывается двойственное структурное положение Латинской Америки и Карибского бассейна, сочетающее в себе потенциал и технологическую отсталость; в третьем разделе освещаются противоречия в торговле и технологических инвестициях в регионе; работа завершается разделом с выводами.

1. Технофеодализм и ноономика как конкурирующие парадигмы

Нынешний исторический момент вписан в то, что Иммануил Валлерстайн определяет как период структурной неопределенности, характеризующийся истощением исторического капитализма как мировой системы и терминальным кризисом его механизмов накопления и легитимации, действующих с XVI века [Валлерстайн, 2015]. О таком истощении свидетельствует невозможность поддерживать долгосрочные тенденции системы, географическую экспансию, интенсификацию международного разделения труда и концентрацию капитала [Харви, 2003], в условиях насыщения рынка, подъема новых держав и системного экологического кризиса [Мур, 2015], формирующих современный системный хаос, который проявляется в геополитических конфликтах, геоэкономической конкуренции между державами и технологическом соперничестве [Айкенберри, 2018; Аллисон, 2017]. Как предупреждает Валлерстайн, исторические гегемонистские переходы представляют собой не просто замену доминирующих держав, а глубокие перестройки (реконфигурации), в результате которых периферия может испытывать как восходящую полупериферизацию, так и углубление зависимости [Валлерстайн, 1983], так что формирующийся новый порядок не гарантирует автоматически благоприятного перераспределения власти,

а может порождать фрагментацию и конфликты в отсутствие надежных многосторонних институтов. Для Латинской Америки и Карибского бассейна эта ситуация представляет собой одновременно угрозу зависимого воспроизводства, но также, возможно, историческую возможность для диверсификации международных связей [Ягуарибе, 1970].

В рамках этого перехода концепция технофеодализма, разработанная Янисом Варуфакисом [2023], позволяет нам понять мутацию современного капитализма в сторону конфигурации, где крупные технологические платформы функционируют как «цифровые феодалы», заменяя традиционную капиталистическую прибыль рентой как доминирующей формой присвоения излишков посредством контроля над интерфейсами, присвоения данных и взимания платы за транзакции в замкнутых экосистемах [Варуфакис, 2023]. Эта модель диалектически соотносится со «Штрауссианским моментом», выделенным Питером Тилем, возрождающим политическую философию Лео Штрауса (1899-1973)¹, для которого декадентские либеральные общества требовали «великих людей» и чрезвычайных мер, даже обманчивых или авторитарных, для сохранения цивилизационного порядка, тем самым оправдывая технологический авторитаризм как фаталистический ответ на упадок Запада. С этой точки зрения передовые технологии надзора и биотехнологии выступают в качестве сдерживающих факторов (катехон) по отношению к тому, что Тиль называет Антихристом, понимаемым как глобальная тоталитарная система, основанная на технологическом застое и бюрократическом контроле, тем самым оправдывая расширение деятельности таких компаний, как Palantir, посредством военных и разведывательных контрактов [Тиль, 2007].

Последствия такого «Штрауссианского» технофеодализма для Латинской Америки имеют структурный характер, поскольку регион формируется как периферийное пространство для извлечения данных и цифровой ренты, где инфраструктура, финансируемая из центров, порождает критические уязвимости в технологическом суверенитете, контроль над данными и отмывание налогов [Варуфакис, 2023], воспроизводя классическую асимметрию, когда периферия поставляет материальные ресурсы, а центр контролирует платформы и нематериальную ренту [Марини, 1991]. Однако системный хаос предоставляет стратегические лазейки для формулирования альтернатив, основанных на расширенном сотрудничестве Юг-Юг, выходящем за рамки традиционной меркантильной логики, посредством передачи потенциала, совместного строительства цифровой инфраструктуры и развития региональных институтов управления знаниями, что позволяет добиваться лучших условий для научно-технического обмена и доступа к рынкам, используя преимущества межгегемонистской конкуренции [Линь и Ван, 2017], при условии, что этот переход будет сопровождаться институциональной основой, объединяющей производство знаний и социальное развитие.

В качестве альтернативного горизонта этой конфигурации теория ноономики Бодрюнова [2020] предлагает цивилизационную перестройку (реконфигурацию), в рамках которой знание становится основным источником экономической и социальной ценности. Название происходит от греческих слов *noos* (разум/интеллект) и *nomos* (закон/порядок), а теория описывает экономику, в которой процессы автоматизации, основанные на данных и алгоритмах, создают стоимость посредством совместного производства зна-

¹ В основе идей Лео Штрауса лежит критика современности, защита классической политической философии и мысль о том, что политическую истину, возможно, следует оставить элитам, а не доверять массам.

ний, выходя за рамки меркантильной логики меновой стоимости¹. Речь идет не просто о технологических изменениях, а о цивилизационной трансформации, которая ставит под сомнение господство меновой стоимости и основана на принципах внутренней технологической реиндустриализации, построения общества знаний, развития устойчивой биоэкономики, технологического и цифрового суверенитета, сотрудничества в рамках программы «Инвестиции плюс развитие» и регионального управления интеллектуальной собственностью [Бодрунов, 2020], тем самым определяя путь преодоления асимметрии мировой системы, требующий инвестиций в науку и технологии наряду с созданием институтов, способных в эмансипаторском ключе способных связывать производство знаний с социальным развитием.

2. Двойственное структурное положение Латинской Америки и Карибского бассейна

Латинская Америка и Карибский бассейн занимают двойственное положение в современной глобальной политической экономике. С одной стороны, регион стал важнейшим геоэкономическим игроком благодаря концентрации стратегических минералов для глобального энергетического перехода. Согласно данным Экономической комиссии по странам Латинской Америки и Карибского бассейна, в регионе сосредоточено приблизительно 60% мировых запасов лития², а также значительные месторождения меди, никеля и редкоземельных элементов [Экономическая комиссия по Латинской Америке и странам Карибского бассейна, 2023]. Эта позиция открывает перед регионом значительные переговорные возможности в условиях, когда декарбонизация развитых экономик зависит от доступа к этим ресурсам.

Однако этот потенциал резко контрастирует с ограниченными научными и цифровыми возможностями региона, что усиливает его зависимость от внешних факторов. Как показывают Марио Чимоли, Аннализа Прими и Жуан Карлос Феррас [2014] в своем анализе «структурных технологических возможностей», в Латинской Америке сохраняется устойчивый разрыв в инвестициях в исследования и разработки, высшее научное образование и производство инновационных знаний. Этот разрыв является результатом исторических моделей производственной специализации, которые препятствуют инвестициям в высокотехнологичные виды деятельности и накоплению собственных инновационных возможностей. Расходы на исследования и разработки являются ключевым показателем уровня инвестиций в науку, технологии и инновации, отражающим финансовые ресурсы, которые государства выделяют на укрепление своих научных систем и технологического потенциала. Имеющиеся данные по основным экономикам Латинской Америки выявляют тревожные тенденции недостаточного инвестирования и региональной концентрации, как это видно на следующем графике.

¹ В указанных обстоятельствах сетевое коллективное производство, основанное на цифровых всеобщих достояниях, распределенном сотрудничестве и открытом доступе, снижает центральную роль частной собственности и ослабляет рыночный обмен как организующий принцип. Таким образом, стоимость определяется уже не рыночной ценой, а социальной полезностью и способностью к коллективному воспроизводству, что предвосхищает посткапиталистические формы, ориентированные на всеобщие достояния, а не на накопление капитала [Бодрунов, 2020].

² Литий сосредоточен главным образом в Литиевом треугольнике, географическом регионе, расположенном в южных Андах, на стыке границ Аргентины, Боливии и Чили.

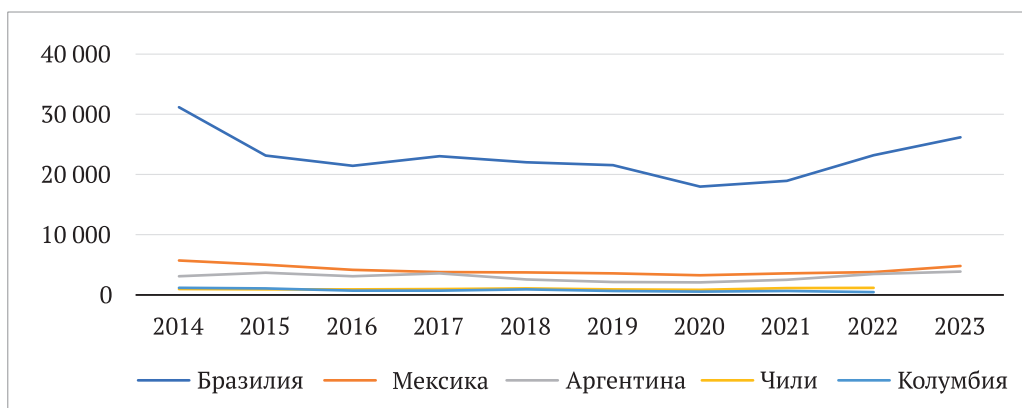

График 1. Расходы на исследования и разработки (в долларах)

Источник: RICYT [2026].

Бразилия концентрирует большую часть региональных расходов на исследования и разработки, на ее долю приходится более 60% от общего объема расходов в Латинской Америке и Карибском бассейне. За ней следуют Мексика и Аргентина с существенным отрывом, на их долю приходится приблизительно 11% и 9% соответственно. На Чили и Колумбию приходится около 3% на каждую, в то время как на остальную часть региона – приблизительно 12% [RICYT, 2026]. Такая концентрация свидетельствует о крайне неравномерной региональной структуре, а также о том, что абсолютный уровень инвестиций остается значительно ниже международных стандартов. В то время как развитые экономики и развивающиеся державы Восточной Азии инвестируют от 2% до 4% своего ВВП в исследования и разработки, в большинстве стран Латинской Америки этот показатель ниже 0,5% [Экономическая комиссия по Латинской Америке и странам Карибского бассейна, 2023]. Экономический кризис 2020 года, связанный с пандемией COVID-19, также выявил структурную финансовую уязвимость национальных научно-технических систем, многие из которых пострадали от значительного сокращения бюджета, что повлияло на непрерывность исследовательских проектов и удержание научных кадров.

Без постоянных инвестиций построение автономной экономики знаний маловероятно. Как утверждает Перес [2010], периферийные экономики, которые не могут связать свои естественные сравнительные преимущества с развитием внутреннего технологического потенциала, как правило, попадают в ловушку «путей зависимости», когда производственная специализация исторически усиливается в секторах с низкой технологической сложностью. Низкий уровень инвестиций в исследования и разработки в основных экономиках Латинской Америки отражается в относительно небольшом количестве заявок на патенты и выданные патенты, что свидетельствует об ограниченных возможностях региона по преобразованию научных инвестиций в технологические инновации. Этот показатель особенно показателен в сравнении со странами, такими как Китай и США, на которые приходится значительно большая доля глобальных заявок на патенты и выданные патенты, как видно на следующем графике.

Как видно на графике, с 2010 года в Китае наблюдается ускоренный рост числа заявок на патенты, в настоящее время оно превышает полтора миллиона заявок в год. В Соединен-

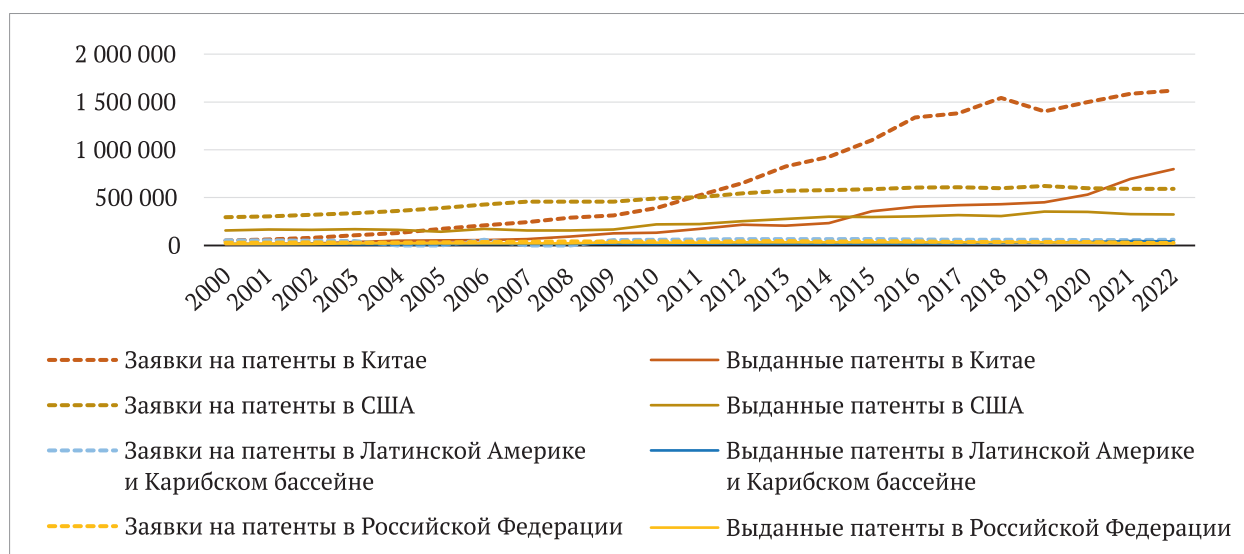

График 2. Заявки на патенты и выданные патенты в Китае, США, Латинской Америке и Карибском бассейне.

Источник: Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) [2026].

ных Штатах сохраняется стабильно высокий базовый уровень, составляющий сотни тысяч заявок в год. В отличие от них, Латинская Америка и Карибский бассейн остаются на периферии в сфере производства интеллектуальной собственности, ежегодно подавая менее 59 000 заявок и выдавая менее 41 000 патентов во всем регионе [ВОИС, 2026]. Бразилия демонстрирует наиболее устойчивый региональный рост, в то время как Аргентина, Чили и Колумбия остаются в относительном застое. Однако следует отметить, что этот разрыв не обязательно означает отсутствие научного потенциала. Пример России показателен, поскольку, несмотря на наличие солидного научно-технического потенциала, а именно второй по величине научной силы в мире по данным Всемирного банка [Всемирный банк, 2024], ее модель ставит во главу угла государственный контроль и воспроизводство технологий, а не коммерциализацию знаний [Мозер, 2013; Ли, 2024]. Это ставит под сомнение западное предположение о том, что большее количество патентов подразумевает большую инновационность, и открывает дискуссию о технологических иерархиях и различных способах организации национальных инновационных систем.

Таким образом, для Латинской Америки и Карибского бассейна центральный вопрос заключается не просто в увеличении числа патентов, а в разработке инновационных моделей, соответствующих их условиям развития, которые отдадут приоритет решению конкретных социальных и производственных проблем, а не подражанию западным моделям интеллектуальной собственности [Аросена и Зуц, 2010]. Количество научных работников, занимающихся исследованиями и разработками, на миллион жителей является еще одним важнейшим показателем научно-технического потенциала страны, отражающим размер человеческого капитала, направленного на создание знаний, инновации и технологическое развитие. Однако по этому показателю Латинская Америка и Карибский бассейн также демонстрируют значительные отставания и прерывистый прогресс по сравнению с мировыми научными державами, как видно на следующем графике.

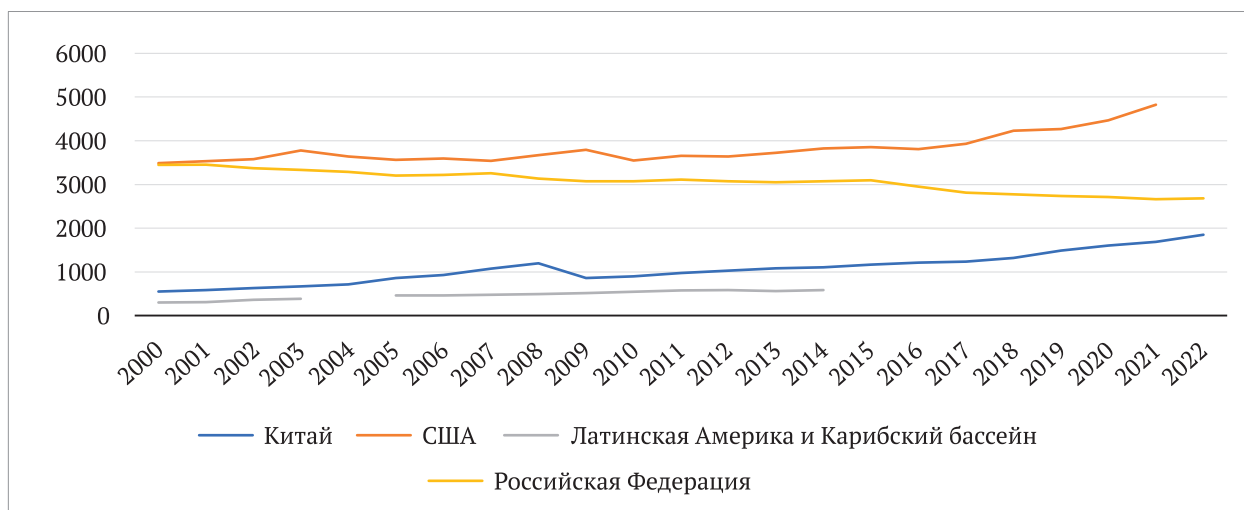

График 3. Научные работники, занимающиеся научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельностью в Китае, США и Латинской Америке и Карибском бассейне (на миллион человек)

Источник: Всемирный банк [2024].

Как видно на графике, в Соединенных Штатах наблюдается более высокая плотность научных работников, за ними следуют развитые экономики Западной Европы. Китай добился быстрой конвергенции благодаря постоянным государственным инвестициям, удвоив плотность научных работников за последнее десятилетие. Это расширение отражает целенаправленную стратегию накопления научного потенциала, сформулированную в пятилетних планах технологического развития [Чен и Ву, 2025]. В Латинской Америке и Карибском бассейне Аргентина лидирует по плотности научных работников, за ней следуют Бразилия и Мексика, однако прогресс остается ограниченным из-за хронических бюджетных ограничений и слабого участия частного сектора в финансировании исследований. Региональный научный дефицит усугубляется утечкой мозгов в научные центры Севера, явлением, которое сохраняется, несмотря на программы репатриации, реализуемые некоторыми странами [Мейер и др., 2023].

Россия, несмотря на замедление темпов научного роста в последние годы, сохраняет значительный резерв человеческого капитала, который продолжает оставаться основой ее научно-исследовательской экосистемы. Однако санкции и структурные ограничения, затронувшие российскую научную систему, ограничили научно-технический обмен с Латинской Америкой, что исторически являлось каналом доступа к технологическим знаниям для региона в советский и постсоветский периоды. В любом случае, сохранение этих научно-технических возможностей свидетельствует о том, что для Латинской Америки и Карибского бассейна эта ситуация вписана в более широкие структурные противоречия международной системы, в которой регион стремится диверсифицировать своих технологических партнеров и уменьшить зависимость от традиционных инновационных центров, но продолжает сталкиваться с асимметрией в доступе к знаниям, финансированию и научной инфраструктуре, что обуславливает его интеграцию в формирующийся мировой порядок.

3. Структурные противоречия в торговле и технологических инвестициях

Исторически сложилось так, что Латинская Америка и Карибский бассейн экспортировали продукцию и товары низкой сложности, импортируя при этом технологические компоненты и технологии с более высокой добавленной стоимостью, управляющие производственными процессами, а также цифровые услуги, которые все чаще выступают посредниками в экономической и социальной деятельности. Эта асимметрия привела к устойчивому дефициту торгового баланса в технологическом секторе и оттоку капитала в глобальные инновационные центры [Марини, 1991]. Таким образом, в нынешний момент системного хаоса регион Латинской Америки и Карибского бассейна сталкивается с очевидными структурными противоречиями в своих внешнеторговых моделях, поскольку регион в основном экспортирует товары низкой сложности, такие как продукция на предприятиях типа «макиладора» (мексиканские сборочные производства, работающие на экспорт) в Мексике, и импортирует программное обеспечение, цифровые услуги и высокотехнологичные компоненты, что усиливает его периферийное положение и технологическую зависимость.

Мексика доминирует в региональном экспорте товаров информационно-коммуникационных технологий благодаря производству на предприятиях типа «макиладора», но в этой модели местная добавленная стоимость ограничена, а зависимость от импортных комплектующих высока [Дуссель Петерс, 2020]. Остальная часть региона участвует в этой торговле лишь в незначительной степени, за исключением некоторых стран, занимающихся сборкой электронных устройств, таких как Коста-Рика и Бразилия. Аналогичным образом, потоки прямых иностранных инвестиций в цифровые технологии в Латинской Америке и Карибском бассейне в период с 2005 по 2024 год отражают различные геополитические и стратегические приоритеты основных участников, формируя карту многогранной технологической зависимости, как это видно на следующем графике.

График 4. Экспорт и импорт товаров информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в миллионах долларов США

Источник: ЮНКТАД [2025].

Эти данные следует интерпретировать с осторожностью, поскольку значительная часть технологического экспорта Латинской Америки и Карибского бассейна приходится на товары средней технологичности или продукцию, собранную с использованием импортных комплектующих, а не на инновации, разработанные на местном уровне [ОЭСР, 2025]. Следовательно, регион демонстрирует относительно низкий уровень производственной сложности, поскольку, согласно индексу сложности экономики, большинство экономик Латинской Америки занимают средние или низкие позиции в глобальном рейтинге, ниже сопоставимых азиатских экономик, таких как Вьетнам или Малайзия¹ [Хаусманн и др., 2014]. Соединенные Штаты остаются основным источником прямых иностранных инвестиций в цифровые технологии в регионе, концентрируя от 60% до 90% от общего годового объема; эти инвестиции быстро росли в период с 2005 по 2011 год, увеличившись с примерно 0,5 млрд долларов до 7,2 млрд долларов, параллельно с региональной экспансией крупных американских технологических корпораций, таких как Google, Amazon, Microsoft, Facebook и Uber [Монге-Гонсалес, Ривера, Малдер и Менесес, 2025; Дуссель Петерс, 2021], как показано на следующем графике.

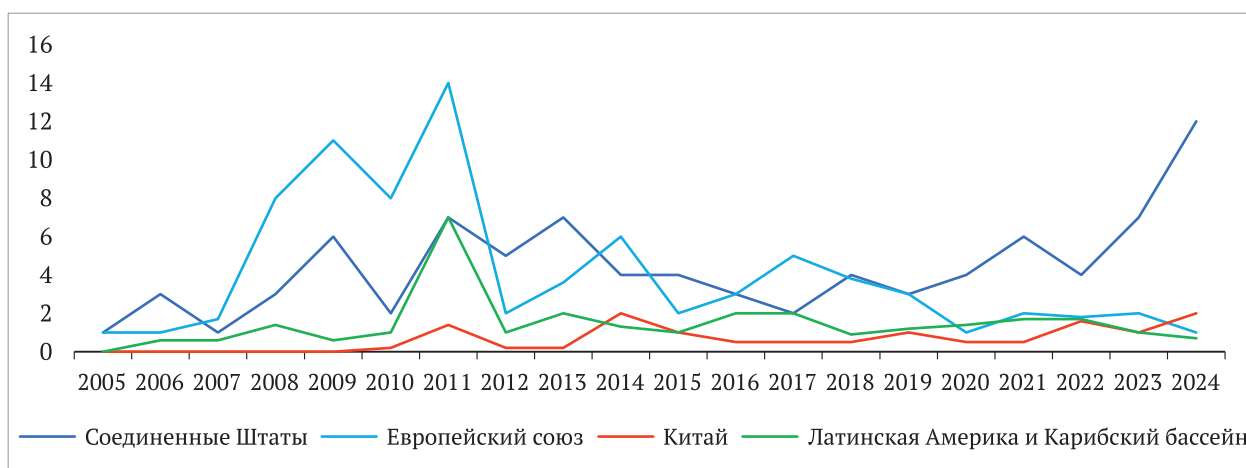

График 5. Объемы объявленных проектов прямых иностранных инвестиций в страны Латинской Америки и Карибского бассейна, связанных с цифровыми технологиями (в миллиардах долларов США)

Источник: Экономическая комиссия по Латинской Америке и странам Карибского бассейна [2025].

Соединенные Штаты сохраняют ведущую роль в технологических инвестициях в регионе за счет расширения деятельности крупных технологических компаний, таких как Google, Amazon, Microsoft, Meta, Uber, работающих в странах Латинской Америки и Карибского бассейна². Это расширение тесно связано с новой Стратегией национальной безопасности

¹ В отличие от Латинской Америки, эти азиатские страны продвинулись в направлении экспорта с более высоким технологическим содержанием благодаря активной промышленной политике, привлечению прямых иностранных инвестиций и постепенному развитию местных возможностей.

² Китай усиливает свое технологическое влияние в Латинской Америке, расширяя свои государственные телекоммуникационные корпорации (Huawei, ZTE, Alibaba Cloud), устанавливая доминирующее положение в сфере критической инфраструктуры, контролируя 44,6% рынка 5G в Бразилии и примерно 55% сетей 4G в Мексике, а также расширяя свое присутствие за счет подводных кабелей до Амазонии и центров обработки данных в Мехико и Сан-Паулу для развития искусственного интеллекта и региональных облачных технологий [BNamericas, 2026; Д'Сола, 2024].

правительства Дональда Трампа, которая ориентирована на сохранение гегемонии США в полушарии [Белый дом, 4 декабря 2025 г.], что заставляет Соединенные Штаты сосредоточить свое внимание на критически важных объектах инфраструктуры, включая цифровые платформы, облачные и информационные сервисы, создавая критически важную зависимость региональной цифровой инфраструктуры [Бейтман, 2022]. Европейский союз занимает более скромное положение, но при этом уделяет большое внимание регулированию и рыночной ориентации, стремясь получить доступ к таким секторам, как возобновляемые источники энергии, телекоммуникационная инфраструктура и цифровые финансовые услуги.

Со своей стороны, Китай существенно увеличил свои инвестиции в рамках проекта «Цифровой шелковый путь» и различных инициатив по технологическому сотрудничеству. Это расширение включает в себя телекоммуникационную инфраструктуру (в частности, 5G), центры обработки данных и платформы электронной коммерции, предлагая альтернативы исключительной зависимости от западных поставщиков [Арсентьева, 2024; Чунчжи, 2025]. Аналогичным образом Россия поддерживает избирательное и относительно ограниченное технологическое взаимодействие, хотя и постепенно наращивает его в таких секторах, как кибербезопасность, ядерная энергетика и космическое сотрудничество с отдельными странами региона (в основном Венесуэлой, Кубой и Никарагуа), что, с точки зрения США, представляет более серьезную угрозу, чем китайское присутствие [Эллис, 19 января 2022 г.; Пелькастре, 13 января 2023 г.]. Поэтому в ответ на это Соединенные Штаты продвигают и поддерживают идеологические и политические течения, соответствующие их интересам, в странах Латинской Америки..., опираясь на элитарные представления о технологической мощи, связанными со «Штрауссианскими» интерпретациями лидерства и технологического управления, которые стремятся укрепить глобальную архитектуру, где контроль над знаниями и цифровой инфраструктурой сосредоточен в руках небольшого числа государственных и корпоративных субъектов [Друри, 1997; Тиль, 2014].

Проблема заключается в том, что большая часть региональной цифровой инфраструктуры финансируется из внешних источников, и поэтому страны Латинской Америки и Карибского бассейна более уязвимы к потере технологического суверенитета и контроля над данными. Зависимость от иностранных платформ для обработки национальных данных, облачного хранения и предоставления критически важных цифровых услуг создает риски для национальной безопасности и ограничивает возможности региона по развитию собственных цифровых отраслей [Герра, Суарес и Серратто-Паргман, 2022]. Такие процессы усиливают периферийное положение Латинской Америки и Карибского бассейна в глобальной политической экономике данных и новой форме цифрового империализма, в которой стоимость, создаваемая цифровизацией, имеет тенденцию концентрироваться в технологических центрах международной системы, воспроизводя новые формы зависимости, совместимые с логикой технофеодализма.

Институциональная разобщенность, асимметрия между странами и ограниченные инвестиции в исследования и разработки затрудняют разработку устойчивой региональной стратегии, способной противостоять формирующейся технологической иерархии в новом мировом порядке. Несмотря на это, Латинская Америка и Карибский бассейн имеют богатую историю инициатив сотрудничества Юг-Юг, направленных на снижение структурной

технологической уязвимости, хотя эти усилия были фрагментарными и осуществлялись неравномерно. Начиная с последней четверти XX века, были опробованы региональные проекты в области науки, техники и инноваций, направленные на укрепление внутреннего потенциала посредством исследовательских сетей, программ научного сотрудничества и механизмов технологической интеграции. В приведенной ниже таблице, например, обобщены основные инициативы сотрудничества Юг-Юг в Латинской Америке и Карибском бассейне, которые предпринимались с 1980-х годов с целью снижения технологической уязвимости стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

Таблица 1

Инициативы сотрудничества Юг-Юг в Латинской Америке и Карибском бассейне с целью снижения структурной технологической уязвимости

Область	Инициатива / Механизм / Год	Статус
Технологическое сотрудничество	Программа интеграции и сотрудничества Аргентины и Бразилии (PICAB), МЕРКОСУР – 1986 год	Действует
Общество, основанное на знаниях	План действий CELAC – 2022 год	Действует
Энергетический переход	Карибская инициатива по возобновляемым источникам энергии, CARICOM – 2013 год	В стадии реализации
Технологическое прогнозирование	Технологическая обсерватория, Тихоокеанский альянс – 2014 год	Действует
Интеллектуальная собственность	Единый режим промышленной собственности, Андское сообщество – 2000 год	Действует
Академическая мобильность	Стипендиальная программа Тихоокеанского альянса – 2013 год	Действует
Цифровая инфраструктура	Сеть взаимодействия центров хранения и обработки данных CELAC – 2021 год	В разработке
Космическое сотрудничество	Космическое агентство МЕРКОСУР – 2019 год	В стадии реализации
Биотехнологии	Биотехнологический институт МЕРКОСУР – 2003 год	Действует
Экономика замкнутого цикла	Стратегия развития экономики замкнутого цикла Анд – 2021 год	Утверждено
Цифровые технологии	Региональное соглашение о сотрудничестве в области ИКТ, SICA – 2017 год	Действует
Цепочки создания ценности знаний	Стратегические проекты CELAC по развитию цепочек создания стоимости – 2022 год	Утверждено

Источник: Собственная разработка

Эти инициативы, продвигаемые CELAC (Сообщество латиноамериканских и карибских государств), МЕРКОСУР, Андским сообществом, Тихоокеанским альянсом, CARICOM (Карибское сообщество) и SICA (Система центральноамериканской интеграции), охватывают такие важнейшие аспекты, как цифровая инфраструктура, биотехнологии, возобновляемые источники энергии, академическая мобильность и технологическое прогнозирование. Несмотря на фрагментарный характер, они указывают на формирующиеся формы региональной интеграции, основанные на знаниях, которые можно было бы сформулировать в виде последовательной стратегии в рамках современного технологического

развития. Программа интеграции и сотрудничества Аргентины и Бразилии (PICAB) является наиболее надежным примером двустороннего технологического сотрудничества в регионе, охватывающим все аспекты: от ядерных и космических проектов до биотехнологий и обороны. Ее устойчивость в условиях смены правительств и экономических циклов демонстрирует потенциал технологического сотрудничества Юг-Юг при наличии устойчивой политической воли. Однако нынешняя реальность демонстрирует значительные противоречия при согласовании этих планов с другими развивающимися державами Глобального Юга.

Например, технологическое сотрудничество с Китаем, которое в XXI веке набирает обороты [Уайз, 2020], Соединенные Штаты пытаются блокировать посредством прямого дипломатического давления, угроз санкций и тарифов, чтобы ограничить проекты в области критической инфраструктуры, такие как телекоммуникации, подводные волоконно-оптические кабели и стратегические порты [Хундман, 2026]. Соединенные Штаты приняли широкую и четко сформулированную стратегию по маргинализации китайских интересов в регионе [Белый дом, 4 декабря 2025 г.], что привело к параличу некоторых социально-экономических проектов развития и вынудило страны Латинской Америки и Карибского бассейна преодолевать растущую напряженность между стремлением к диверсифицированному технологическому сотрудничеству и требованиями геополитической координации. Сотрудничество некоторых стран Латинской Америки и Карибского бассейна с Россией, исторически важное в таких секторах, как атомная энергетика и космос, также пострадало от западных санкций и переориентации ее геостратегических приоритетов на Восточную Европу. Это сократило возможности для устойчивого научного сотрудничества с Латинской Америкой и Карибским бассейном, сместив часть этих взаимодействий в сторону более избирательных или двусторонних схем.

Таблица 2

Синтез по категориям ноономики в Латинской Америке и Карибском бассейне

Принцип ноономики Бодрунова	Выявленные инициативы	Уровень развития
Технологическая реиндустриализация	PICAB (МЕРКОСУР), Технологическая обсерватория Тихоокеанского альянса, Биотехнологический институт МЕРКОСУР	Средний
Общество, основанное на знаниях	План действий CELAC, стипендии Тихоокеанского альянса, IberCultura Viva	Средне-высокий
Биоэкономика и устойчивое развитие	Карибская инициатива по возобновляемым источникам энергии, Стратегия развития экономики замкнутого цикла Анд, Нагойский протокол	Средний
Технологический/цифровой суверенитет	Сеть центров обработки данных CELAC, платежная система ALADI, сотрудничество в области кибербезопасности SICA	Низкий-средний
Сотрудничество в области НИОКР	PICAB, Космическое агентство МЕРКОСУР, Андская сеть телемедицины	Средний
Региональная интеллектуальная собственность	Андское решение № 486, регулирование генетических ресурсов	Средний

Источник: Собственная разработка

В этом регионе закладываются, хотя и неравномерные, основы новой политической экономики знаний. Такие инициативы, как сотрудничество Аргентины и Бразилии (PICAB) и программа обмена знаниями CELAC, демонстрируют ноономический потенциал, в терминах С.Д. Бодрунова [2020]. Фактически, применяя теоретические категории Бодрунова [2020], можно оценить состояние прогресса Латинской Америки и Карибского бассейна на пути к обществу, основанному на знаниях, поскольку, несмотря на научно-техническую отсталость, некоторые страны, особенно Бразилия, Мексика и Аргентина, обладают соответствующими возможностями, которые могут стать потенциальной основой для более автономного технологического развития, учитывая взаимосвязь между наукой, промышленностью и политикой преобразования знаний в производственные системы, основанные на инновациях, и переход к экономике, ориентированной на знания, как показано в таблице 2.

Как показано в предыдущей таблице, Латинская Америка и Карибский бассейн находятся в том, что можно охарактеризовать как раннюю ноономическую фазу, все еще сильно обусловленную технологическими иерархиями международной системы, с сохранением капиталистических и неодевелопменталистских парадигм, которые увековечивают именно те противоречия, которые Бодрунов определяет как фундаментальные препятствия для перехода к ноономике, поскольку меновая стоимость продолжает преобладать над потребительной стоимостью, сохраняется концентрация знаний как товара и подчинение технологического развития логике капиталистического накопления [Бодрунов, 2020]. Следует помнить, что ноономика - это не просто модель технологического развития, а новая цивилизационная парадигма, ориентированная на когнитивный суверенитет и общественное управление знаниями.

Таким образом, укрепление схем сотрудничества Юг-Юг в Латинской Америке и Карибском бассейне потенциально может способствовать «геополитическому когнитивному разрыву», который, в соответствии с Бодруновым, позволит представить инклюзивную и плюралистическую глобализацию. Это видение особенно совпадает с Глобальной инициативой развития, продвигаемой Китаем, которая предлагает альтернативный международный порядок, способный реагировать как на современные структурные кризисы, так и на чаяния взаимосвязанного человечества [Вадель и Стаяно, 2025], в отличие от иерархических и исключаяющих подходов, которые исторически поддерживали традиционный либеральный порядок, управляемый с Запада [Ласкуреттес, 2020]. Здесь важно различать процессы международного сотрудничества в Латинской Америке и Карибском бассейне, которые потенциально могут стать векторами структурных преобразований, и те, которые воспроизводят историческую логику зависимости, как показано в следующей таблице.

Сравнение схем сотрудничества в стратегических областях в Латинской Америке и Карибском бассейне выявляет принципиальные различия. В то время как механизмы, продвигаемые Китаем и странами БРИКС, как правило, делают упор на создание физической и цифровой инфраструктуры, а процессы передачи технологий, хотя и неявно, не всегда формально институционализированы, соглашения, продвигаемые западными игроками, отдают приоритет открытости торговли, нормативным стандартам и защите интеллектуальной собственности. Последний подход, как правило, ограничивает свободу действий для развития автономных технологических возможностей в периферийных экономиках.

Таблица 3

Основные рамки сотрудничества между Латинской Америкой и Карибским бассейном, а также странами БРИКС, Соединенными Штатами и Европейским союзом в стратегических областях развития

Соглашение / Механизм (Год)	Ключевые области	Статус
Инициатива «Один пояс, один путь» (2013) [участие зависит от страны]	Инфраструктура, энергетика, цифровая связь	Различный
Новый банк развития (2014)	Финансирование инфраструктуры, устойчивое развитие	Действует
Форум Китай-CELAC (2015)	Технологическое сотрудничество, проекты развития	Действует
Договор между Мексикой, Соединенными Штатами и Канадой (2020)	Торговая интеграция, промышленные цепочки поставок	Действует
Соглашение об ассоциации между ЕС и МЕРКОСУР (2019, политическое соглашение)	Торговое и регуляторное сотрудничество	Не действует
Программа «Горизонт Европа» (2021) [рамки открытого участия] (CELAC-ЕС)	Научные исследования, инновации	В процессе реализации

Источник: Собственная разработка

Таким образом, Латинская Америка и Карибский бассейн оказались на геостратегическом перекрестке, где разворачивается дискуссия между диверсификацией международных связей, широко рекомендуемой в литературе по вопросам зависимости и автономии [Ягуарибе, 1979], которая открывает потенциал для достижения лучших условий переговоров, и рисками, связанными с глобальной фрагментацией, характерной для системного хаоса, которая заставляет периферийные страны нести все более высокие транзакционные издержки, связанные с неприсоединением. Сотрудничество Юг-Юг с Китаем, Россией и другими развивающимися державами должно развиваться в направлении обмена технологическими возможностями и регионального управления. Это подразумевает переход от финансирования инфраструктуры к совместному созданию научного потенциала, эффективной передаче знаний и разработке региональных технологических стандартов, сохраняющих автономию в принятии решений.

Заключение

В нынешних условиях системного хаоса передовые технологии стали центральной осью дискуссии о структурной перестройке (реконфигурации), ставя фундаментальные вопросы о природе формирующегося нового мирового порядка. В ходе дискуссии часто смещаются акценты между потенциалом этих технологий для преобразования общества и риском того, что они усугубят существующее структурное неравенство. С этой точки зрения Бодрунов утверждает, что расширение искусственного интеллекта, цифровизация и экономика, основанная на знаниях, могут проложить путь к новым формам социально-экономической организации, ориентированным на творчество и развитие человека, формируя то, что он называет эпохой ноономики [Бодрунов, 2020]. В противоположность этому, Тиль и Мастерс [2014] рассматривают технологические инновации как фактор, оказывающий глубоко разрушительное воздействие на современную глобальную экономику, подчеркивая, что концентрация рыночной власти в

стратегических секторах усиливает геополитическую конкуренцию и, с западной точки зрения, усиливает необходимость сохранения контроля над новыми технологиями.

Таким образом, Варуфакис предупреждает, что растущая концентрация технологической власти в руках крупных корпораций и цифровых платформ может усилить динамику технофеодального типа, в которой доступ к цифровым средствам производства монополизруется гегемонистскими субъектами, способными извлекать ренту из глобальных цифровых экосистем [Варуфакис, 2023]. Эта тенденция свидетельствует о том, что формирование нового мирового порядка происходит в условиях системного хаоса, характеризующегося одновременно глубокими технологическими преобразованиями, растущей геополитической напряженностью между великими державами и ослаблением традиционных механизмов глобального управления [Арриги, 2007]. По мнению Ачарьи [2014], эта динамика, помимо того, что является симптомом относительного упадка международного порядка, возглавляемого Соединенными Штатами, также объясняет переход к более многополярной конфигурации, где наблюдается большее число участников, но также и растущие конфликты и глобальная фрагментация.

В этом сценарии передовые технологии приобретают все большее значение как движущие силы экономических изменений и стратегические инструменты власти и межгосударственной конкуренции, способные переопределить иерархии международной системы и изменить динамику глобального лидерства [Тиль, 2007]. В рамках такой структурной трансформации Латинская Америка и Карибский бассейн продолжают занимать структурно ограниченное положение из-за сохраняющихся пробелов в научных исследованиях, технологических инновациях и цифровой инфраструктуре, что ставит регион на периферию по отношению к основным центрам накопления интеллектуального и технологического капитала. Следовательно, дальнейшая траектория развития региона будет зависеть не столько от простого глобального распространения технологий, сколько от способности государств и региональных механизмов формулировать согласованные стратегии научного, промышленного и цифрового развития, позволяющие избежать воспроизведения исторических моделей структурной зависимости.

Отсутствие скоординированных региональных стратегий в вопросах цифрового управления, инвестиций в знания и сотрудничества Юг-Юг ограничивает возможности региона для маневра, повышая риск того, что включение региона в международную систему продолжит воспроизводить открытые возможности перехода модели технологической зависимости и периферийной специализации. В этих условиях для стран Латинской Америки и Карибского бассейна крайне важно продвигаться к увеличению инвестиций в исследования и разработки, укреплять свой цифровой суверенитет, формулировать производственные стратегии в отношении критически важных минералов и консолидировать региональную институциональную структуру посредством расширения процессов сотрудничества Юг-Юг, что может стать способом воспользоваться окном возможностей, открывающимся в нынешний момент системного хаоса. В противном случае формирующийся технологический уклад рискует воспроизвести новые формы структурной зависимости. Однако, если такие преобразования будут стратегически спланированы, они могут заложить основы для более глубоких структурных изменений и даже открыть возможность перехода к ноономической модели, предложенной Бодроновым [2020] в качестве альтернативного горизонта противоречиям современного капитализма.

Список источников / References

- Acharya A. (2014). *The End of American World Order*. Polity Press.
- Allison G. (2017). *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Houghton Mifflin Harcourt.
- Amin S. (1990). *Delinking: Towards a Polycentric World*. Zed Books.
- Arocena R., Sutz J. (2010). Weak Knowledge Demand in the South, North–South Asymmetries, and the Scope for Relevant Science and Technology Policies. *Science and Public Policy*. Vol. 37. No. 4. Pp. 267–278.
- Arrighi G. (2007). *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. Verso.
- Arsentyeva I. I. (2024). China's Digital Silk Road: Challenges and Opportunities for Latin America and the Caribbean. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 24. No. 1. Pp. 51–64.
- Bateman J. (2022). *The US-China Technological Decoupling*. Carnegie Endowment for International Peace.
- Bodrunov S. D. (2020). *Noonomía*. PyV.
- n. a. (2026). Where China is supplying telecoms in Latin America. *BNamericas*. <https://www.bnamericas.com/en/features/where-china-is-supplying-telecoms-in-latin-america>
- Cimoli M., Primi A., Ferraz J. C. (2014). Science, Technology and Innovation Policies in Global Open Economies: Reflections from Latin America and the Caribbean. *Journal of Globalization, Competitiveness, and Governability*.
- Chunzhi L. (2025). Building a “Digital Silk Road” between China and Spanish-speaking American countries: Current Situation, Challenges and Opportunities. *Journal of Business Theory and Practice*. Vol. 13. No. 2.
- n. a. (2023). Panorama de la inserción internacional de América Latina y el Caribe 2023: transición estructural para una recuperación sostenible e inclusiva. *Comisión Económica para América Latina y el Caribe [CEPAL]*. Naciones Unidas.
- n. a. (2025). La inversión extranjera directa en América Latina y el Caribe, 2025. *Comisión Económica para América Latina y el Caribe [CEPAL]*. Naciones Unidas.
- Couldry N., Mejias U. A. (2019). *The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. Stanford University Press.
- D'Sola, P. (2024). *Huawei's Expansion in Latin America and the Caribbean: Views from the Region*. Special Report No. 529. U.S. Institute of Peace.
- Drury S. B. (1997). *Leo Strauss and the American Right*. St. Martin's Press.
- Dussel Peters E. (2020). *Monitor of Chinese OFDI in Latin America and the Caribbean 2020*. Red ALC-China.
- Dussel Peters E. (Ed.). (2021). *La nueva relación comercial entre América Latina y el Caribe y China: ¿Hacia una mayor integración o una nueva dependencia?* UNAM.
- Ellis R. E. (2022). Russia's Latest Return to Latin America. *Global Americans*. <https://globalamericans.org/russia-return-latin-america/>
- Friedman J., Chase-Dunn C. (2005). *Hegemonic Declines. Present and Past*. Routledge.
- Harvey D. (2017 [2003]). *El nuevo imperialismo*. Akal.
- Hausmann R., Hidalgo C. A., Bustos S., Coscia M., Simoes A. (2014). *The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity*. MIT Press.
- Hundman E. (2026). *China's Management of Electromagnetic Spectrum Resources*. U.S.-China Economic and Security Review Commission.

- Ikenberry G. J. (2018). The End of Liberal International Order? *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. Pp. 7-23.
- Jaguaribe H. (1970). Dependencia y autonomía en América Latina. In: Jaguaribe H., Ferrer A. y Dos Santos T. *La dependencia político-económica de América Latina*. (1-86). Siglo XXI.
- Jaguaribe H. (1979). Autonomía periférica y hegemonía céntrica. *Estudios Internacionales*. Vol. 46. No. 12. Pp. 91-130.
- Chen J., Wu F. (2025). Innovation System for Chinese Modernization: Connotations and Strategic Priorities. *China Economist*. Vol. 20. No. 6. Pp. 51-65.
- Lascurettes K. M. (2020). *Orders of Exclusion: Great Powers and the Strategic Sources of Foundational Rules in International Relations*. Oxford University Press.
- Lee K. (2024). National Innovation Systems and Alternative Pathways for Latecomers. In: *Innovation-Development Detours for Latecomers: Managing Global-Local Interfaces in the De-Globalization Era*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 25-63.
- Lin J. Y., Wang Y. (2017). *Going Beyond Aid, Development, Cooperation for Structural Transformation*. United Kingdom: Cambridge Press University.
- Marini R. M. (2015 [1991]). *Dialéctica de la dependencia*. In: Marini R. M. *América Latina, dependencia y globalización*. Siglo XXI. Pp. 107-150
- Meyer J. B., Brown M., Kaplan D. (2023). *Scientific Diasporas: A New Approach to the Brain Drain*. UNESCO Publishing.
- Monge-González R., Rivera L., Mulder N., Meneses J. (2025). Integración regional en la era digital: el potencial aporte del comercio de servicios modernos. *Serie Comercio Internacional*. No. 187. (LC/TS.2025/58). CEPAL.
- Moore J. W. (2020 [2015]). *El capitalismo en la trama de la vida. Ecología y acumulación de capital*. TdS.
- Moser P. (2013). Patents and Innovation: Evidence from Economic History. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 27. No. 1. Pp. 23-44.
- Guerra J. T., Suárez M., Cerratto-Pargman T. (2022). Construyendo soberanía digital en América Latina: Un análisis de las iniciativas de cuatro colectivos sociales. *Chasqui. Revista Latinoamericana de Comunicación*. No. 149. Pp. 227-242.
- Nye J. S. Jr. (2020). The Rise of China. In: *The Struggle for Power: U.S.-China Relations in the 21st Century*; L. Bitounis J. Price (Eds.). Aspen Strategy Group. Pp. 133-140.
- n. a. (2025). Remedies in Digital Markets in Latin America and the Caribbean. *Organisation for Economic Co-operation and Development*. OECD Publishing.
- Pelcastre J. (2023). Russia and Nicaragua Agree on Cybersecurity Cooperation. *Diálogo Américas*. URL: <https://dialogo-americas.com/articles/russia-and-nicaragua-agree-on-cybersecurity-cooperation/>
- Pérez C. (2010). Technological Revolutions and Techno-Economic Paradigms. *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 34. No. 1. Pp. 185-194.
- n. a. (2026). R&D Expenditure in Dollars. *Red Iberoamericana de Indicadores de Ciencia y Tecnología [RICYT]*. URL: <https://www.ricyt.org/category/indicadores/>
- n. a. (2025). National Security Strategy of the United States of America. *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>
- Thiel P. (2007). The Straussian Moment. In: *Politics and Apocalypse*; Hamerton-Kelly R. (Ed.). Michigan State University Press. Pp. 189-218.

- Thiel P., Masters B. (2015 [2014]). *De cero a uno. Cómo inventar el futuro*. Planeta.
- n. a. (2025). UNCTADstat: Bilateral Trade Flows by ICT Goods Categories, Annual. *United Nations Conference on Trade and Development [UNCTAD]*. URL: <https://unctadstat.unctad.org/>
- Vadell J., Staiano F. (2025). Multipolaridad del caos sistémico: neoimperialismo vs humanismo chino. In: *La cooperación Sur-Sur en la policrisis de la globalización capitalista*; Domínguez R., Lo Brutto G., Vadell J. (Ed.). BUAP-UC. Pp. 63-76.
- Varoufakis Y. (2023). *Techno-Feudalism: What Killed Capitalism*. Penguin Random House.
- Wallerstein I. (1983). The Three Instances of Hegemony in the History of the Capitalist World-Economy. *Comparative Sociology*. Vol. 24. No.1. Pp. 100-108.
- Wallerstein I. (2015). La crisis estructural o porqué los capitalistas ya no encuentran gratificante al capitalismo. In: Wallerstein I., et al., *¿Tiene futuro el capitalismo? Siglo XXI*. Pp.15-46
- Wise C. (2020). *Dragonomics. Integración política y económica entre China y América Latina*. Universidad del Pacífico.
- n. a. (2024). Researchers in R&D (Per Million People). World Development Indicators. *World Bank*. URL: <https://datos.bancomundial.org/indicador/SP.POP.SCIE.RD.P6?locations=CN-World>
- n. a. (2026). WIPO Statistics Database: Patent applications and grants by origin and office. *World Intellectual Property Organization [WIPO]*. URL: <https://www.wipo.int/ipstats/>
- Zuboff S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Public Affairs.

Информация об авторах

Джузеппе Ло Брутто

Доктор политической экономии и развития (PhD), директор Института социальных и гуманитарных наук имени Альфонсо Велеса Плиего при Автономном университете Пуэбла (ICSyH-BUAP), координатор исследовательской группы по сотрудничеству Юг-Юг в рамках Испанской сети исследований в области развития (GICSS-REEDES).

E-mail: giuseppe.lobrutto@correo.buap.mx

Эдуардо Кривелли Минутти

Доктор социологических наук (PhD), профессор бакалаврской программы по международным отношениям и магистерской программе по международным отношениям и правам человека на факультете политических и социальных наук Автономного университета Пуэбла, секретарь-координатор исследовательской группы по сотрудничеству Юг-Юг в рамках Испанской сети исследований в области развития (GICSS-REEDES).

E-mail: eduardo.crivelli@correo.buap.mx

Information about the authors

Giuseppe Lo Brutto

PhD in Political Economy and Development, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities “Alfonso Vélaz Pliego” at the Benemérita Universidad Autónoma de Puebla (ICSyH-BUAP), Coordinator of the Research Group on South-South Cooperation within the Spanish Network of Development Studies (GICSS-REEDES).

E-mail: giuseppe.lobrutto@correo.buap.mx

Eduardo Crivelli Minutti

PhD in Sociology, Professor of the Bachelor's Degree in International Relations and the Master's Program in International Relations and Human Rights at the Faculty of Political and Social Sciences of the Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, Secretary of the Coordination of the Research Group on South-South Cooperation within the Spanish Network of Development Studies (GICSS-REEDES).

E-mail: eduardo.crivelli@correo.buap.mx

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-43-56

Т.Н. Шушунова

Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева (Москва, Россия)

НООПОЛИС КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ ЗА ЗНАНИЯ В ЭПОХУ НООНОМИКИ

Аннотация: В статье рассматривается ноополис как новая форма организации городского пространства в условиях становления ноономики. Показано, что накопление технологических решений в рамках модели умного города не обеспечивает переход к более высокому качеству городской жизни, так как развитие умного города сопровождается ростом цифрового неравенства, исключительно практической, хозяйственной функциональностью в ущерб комфорту, экологии и социальной среде, достижением целей развития с помощью технологий, инженерных решений и цифровых систем. Главным критерием успеха становится эффективность, а житель рассматривается как пользователь, который должен подстроиться под систему. Рассмотрена концепция ноополиса как качественно иного типа городской системы, в которой знания, культура, наука, общественный интеллект и воспроизводство человеческого потенциала становятся базовыми источниками управления. В статье ноополис интерпретируется как пространственный базис ноономики, как среда, в которой происходит преобразование самого характера общественного воспроизводства: от производства вещей к производству знаний, культурных смыслов, общественных связей и условий для развития человека.

Ключевые слова: ноополис, ноономика, ноосфера, человеческий капитал, городское развитие, экономика знаний, умный город, общественный интеллект, устойчивое развитие.

Для цитирования: Шушунова Т.Н. (2026). Ноополис как стратегический ответ на вызовы глобальной конкуренции за знания в эпоху ноономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 5, № 3. С. 43–56. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-43-56

Tatyana N. Shushunova

D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (Moscow, Russia)

NOOPOLIS AS A STRATEGIC RESPONSE TO THE CHALLENGES OF GLOBAL COMPETITION FOR KNOWLEDGE IN THE ERA OF NOONOMY

Abstract: This article examines noopolis as a new form of urban space organization in the context of the emergence of noonomy. It is shown that the accumulation of technological solutions within the smart city model does not ensure a transition to a higher quality of urban life, as the development of smart cities is accompanied by a growing digital divide, focusing exclusively on practical, economic functionality at the expense of comfort, ecology, and the social environment,

and achieving development goals through technology, engineering solutions, and digital systems. Efficiency becomes the primary criterion for success, and residents are viewed as users who must adapt to the system. The concept of noopolis is explored as a qualitatively different type of urban system, in which knowledge, culture, science, public intelligence, and the reproduction of human potential become the fundamental sources of governance. The article interprets noopolis as the spatial basis of noonomy, an environment in which the very nature of social reproduction is transformed: from the production of things to the production of knowledge, cultural meanings, social connections, and conditions for human development.

Keywords: noopolis, noonomy, noosphere, human capital, urban development, knowledge economy, smart city, public intelligence, sustainable development.

For citation: Shushunova T. N. (2026). Noopolis as a Strategic Response to the Challenges of Global Competition for Knowledge in the Era of Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 3, pp. 43–56. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-43-56

舒舒诺娃Т. Н.

俄罗斯门捷列夫化工大学(俄罗斯, 莫斯科)

智慧城市是对智慧经济时代全球知识竞争挑战的战略回应

摘要: 本文探讨了在智慧经济形成背景下作为城市空间组织新形式的“智慧城市”。文中指出, 在智能城市模型框架内积累技术解决方案并不能确保城市生活质量的提升, 因为智能城市的发展伴随着数字不平等的加剧, 只注重实用性和经济功能而牺牲了舒适度、生态与社会环境, 且发展目标的实现完全依赖于技术、工程解决方案和数字系统。效率成为成功的主要标准, 而居民则被视为必须适应系统的用户。本文探讨了“智慧城市”概念, 将其视为一种本质上截然不同的城市系统, 其中知识、文化、科学、社会智慧以及人类潜能的再生产成为管理的基本要素。本文将“智慧城市”视为智慧经济的空间基础, 即社会再生产本质发生转变的环境: 从物质生产转向知识生产、文化创作、社会关系构建以及个体发展条件创造。

关键词: 智慧城市、智慧经济、智慧圈、人力资本、城市发展、知识经济、智能城市、社会智能、可持续发展。

引用注释: 舒舒诺娃Т. Н. (2026). 智慧城市是对智慧经济时代全球知识竞争挑战的战略回应//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 3, pp. 43–56. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-43-56

Введение

Современный город переживает глубокую трансформацию. Еще недавно основным ориентиром городской модернизации выступала цифровизация на основе внедрения платформенных сервисов, интеллектуальных транспортных систем, сенсорных сетей, алгоритмов обработки данных и систем мониторинга. Но чем глубже современный город по-

гружается в цифровую оболочку, тем отчетливее становятся противоречия его развития: технологическая насыщенность сама по себе еще не создает ни содержательного развития, ни общественной целостности, ни нового качества человеческой жизни. Мы научились лучше видеть город, но далеко не всегда лучше его понимать. Мы научились быстрее принимать решения, но далеко не всегда стали мудрее в выборе целей. И именно здесь начинается настоящая научная проблема.

Сегодня город уже нельзя описывать только как административную единицу, территорию с высокой концентрацией населения и капитала или совокупность инфраструктурных систем. Современный мегаполис – это сложнейшая социально-экономическая система, в которой переплетены потоки энергии, информации, капитала, символов, культурных практик, институтов и человеческих ожиданий. Но если так, то и его развитие не может оцениваться только по классическим параметрам роста. Нельзя считать, что город состоялся, если он быстрее перевозит, эффективнее взимает, плотнее собирает и удобнее обслуживает. Эти показатели необходимы, но они не отвечают на главный вопрос: во что именно превращается человеческая жизнь в подобной среде? Становится ли она богаче, свободнее, культурнее, осмысленнее? Расширяет ли такой город пространство человеческого развития или, наоборот, делает человека лишь более приспособленным элементом в идеально отлаженной системе?

Именно поэтому в современной теории и практике городского управления назревает поворот от технократической модели к антропоцентричной [Шушунова, 2024, с. 271]. Возрастает внимание к человеческому капиталу, к качеству социальной среды, к устойчивости, к институтам участия, к городскому знанию, к культурной насыщенности и, что особенно важно, к самому целеполаганию управления. На первый план постепенно выходит мысль, что технологии должны быть не предметом гордости сами по себе, а инструментом более высокого порядка – инструментом гармонизации развития общества, экономики и природы. Это означает, что город будущего нужно рассматривать уже не только как умный город, но и как более сложную форму – ноополис.

Понятие ноополиса позволяет выйти за рамки дихотомии между «цифровым» и «нецифровым» городом. Ноополис – это не отказ от технологий, а их подчинение цели создания такой городской среды, в которой знания, наука, культура и технологии служат не сами себе, а всестороннему развитию человека, общественного интеллекта и гармоничному воспроизводству природы и общества. Это не просто город знаний, устойчивый город или площадка для креативной экономики. Это город, в котором наука, образование, культура, коллективное мышление, открытые знания и экологическая ответственность жителей становятся внутренней логикой всей системы. Иначе говоря, ноополис – это город, где развитие подчинено не ускорению процессов городской экономики как таковых, а развитию самого человека и общественного интеллекта [Castells, 2010, p. 99–101].

Такое понимание города опирается, с одной стороны, на отечественную интеллектуальную традицию, связанную с учением В. И. Вернадского о ноосфере, а с другой – на современную экономическую мысль, прежде всего на теорию ноономики С. Д. Бодрунова. В. И. Вернадский показал, что человечество вступает в такую фазу развития, когда научная мысль и разумная деятельность становятся геологической силой планетарного масштаба [Вернадский, 1991, с.148]. То есть человечество в своем развитии достигло такого состояния развития, когда совокупная научная мысль и деятельность людей стали фактором, спо-

собным изменять биосферу в глобальном, планетарном масштабе. Он назвал это состояние ноосферой — «сферой разума».

С. Д. Бодрунов, развивая эту идею уже в политэкономическом ключе, обосновывает движение общества к ноономике – такому состоянию, в котором знание, культура, творчество и развитие человека начинают вытеснять узкую логику вещного производства и рыночной утилитарности [Бодрунов, 2019, с. 9].

Ноономика как новая стадия общественного развития фиксирует исторический сдвиг, при котором знание, творчество, образование, культура и всестороннее развитие человека начинают вытеснять сугубо рыночную и утилитарную логику хозяйствования. В этом контексте ноополис выступает пространственным выражением ноономики, ее территориальной и институциональной формой. Именно в нем становится возможным преобразование города из пространства накопления капитала в пространство выращивания общественного интеллекта. Это такая организация города, в которой производство знания, общественного интеллекта, человеческих способностей и культурных кодов становится важнее простого накопления сервисов и физических мощностей. Следовательно, вопрос о ноополисе – это вопрос не только урбанистический, но и политэкономический. Это понимание нового типа общественного воспроизводства и той городской среды, которая этому типу соответствует.

Потому исследование ноополиса имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Речь идет не о конструировании утопии, а о выявлении уже существующих тенденций, которые позволяют по-новому взглянуть на траекторию развития современных мегаполисов. В настоящее время ряд городов мира демонстрирует такие элементы организации городской среды, которые не сводимы к привычной логике умного города и все более отчетливо указывают на становление иной модели развития. Анализ этих элементов позволяет лучше понять не только будущее города, но и будущее экономики как таковой.

Именно это и составляет цель данной статьи – показать, что ноополис следует понимать как пространственную форму ноономики, а также выявить на примере конкретных городов те элементы, которые уже сегодня указывают на движение в этом направлении.

Методология исследования

Методологически данная работа исходит из того, что город нельзя анализировать как сумму отраслей, функций и сервисов. Такой взгляд слишком беден для понимания современной городской динамики. Город приходится рассматривать как целостную воспроизводственную систему, внутри которой экономические, культурные, экологические, технологические и политические процессы связаны куда теснее, чем это предполагают отраслевые схемы анализа. Поэтому в статье сочетаются системный, политэкономический и сравнительно-институциональный подходы.

Системный подход позволил увидеть город не как набор автономных подсистем, а как организм, в котором изменение одного элемента неизбежно затрагивает другие. Это особенно важно для анализа ноополиса: здесь невозможно отдельно рассматривать транспорт, цифровую инфраструктуру, образование, управление и экологию, поскольку именно способ их соединения и образует качественно новый тип городской целостности.

Политэкономический подход нужен, чтобы не растворить проблему в модной риторике о «цифровой трансформации». Вопрос о городе – это всегда вопрос о способе общественного воспроизводства. Когда меняются технологии, меняются не только инструменты, но и

отношения между людьми, между трудом и знанием, между обществом и природой, между властью и жителями. Именно поэтому ноополис интересует нас не как улучшенная административная модель, а как пространство, где меняется сама доминирующая логика развития.

Сравнительно-институциональный подход использовался для анализа практик мегаполисов. Города, выбранные для исследования, важны не потому, что они «лучшие» в некоем универсальном рейтинге, а потому, что каждый из них демонстрирует разные, но показательные формы отхода от узко технократической модели. В одном случае это кооперация науки, администрации и горожан; в другом – сочетание цифрового управления с институтами медиации и участия; в третьем – построение открытой городской цифровой инфраструктуры как общественного блага. Именно в этих различиях и проявляется эмпирический смысл понятия ноополиса.

Концептуально-теоретический анализ трудов В. И. Вернадского, С. Д. Бодрунова, Д. Белла, М. Кастельса, Т. Шульца, Г. Беккера и др. позволил встроить исследование в логику эволюции общественной мысли – от представлений о постиндустриальном и информационном обществе к ноосферной и ноономической трактовке современности.

Эмпирическая база статьи включала материалы официальных городских платформ, документы по участию граждан в управлении мегаполисами, сайты инновационных кластеров городов и сервисов открытых данных. Использование этих источников важно не только по соображениям верифицируемости. Оно позволяет анализировать не внешний имидж городов, а институционально закреплённые механизмы, реальные, а не декларируемые элементы перехода к новой модели.

Теоретические основания концепции ноополиса

Ноополис – это не разновидность умного города, а иная историческая форма городской организации. Это означает смену исследовательских подходов к изучению города. Если в большинстве работ о городах будущего речь идет о цифровой эффективности, экологической устойчивости или инновационной емкости, то в данной статье акцент смещается на то, что можно назвать изменением общественной функции города. Ноополис понимается как такая среда, в которой знание, культура, наука и развитие человека становятся не внешним фактором экономики, а ее внутренними источниками развития.

Новым является акцент на том, что в ноополисе предметом управления становятся не только потоки транспорта, энергии, воды и данных, но и условия воспроизводства общественного интеллекта. Иначе говоря, речь идет не просто об управлении городской машиной, а об организации городской способности к мышлению. Такой подход позволяет увидеть, что современный кризис урбанистики связан не только с экологией или инфраструктурой, но и с тем, что город нередко оказывается беден по содержанию социальной и культурной жизни, даже будучи богатым на технологические решения.

Понять ноополис невозможно, если понимать город лишь как техническое устройство. Город никогда не был просто совокупностью зданий, дорог, труб и регламентов. Даже индустриальный город, который, казалось бы, наиболее близок к механической метафоре, в действительности представлял собой куда более сложную форму: он организовывал не только производство, но и образ жизни, иерархию времени, ритм труда, культурную дисциплину, способы социализации и даже тип личности. Тем более это относится к современ-

ному городу. Чем сложнее становится общество, тем очевиднее, что город – это не фон для экономических процессов, а форма их исторического существования.

Именно поэтому концепция ноополиса требует не технического, а цивилизационного подхода. Его первоисточники следует искать в теории ноосферы В.И. Вернадского. Ноосфера – это стадия развития биосферы, на которой разумная деятельность человечества становится определяющим фактором ее изменения [Вернадский, 2013, с.17]. Но принципиально важно вот что: речь идет не просто о накоплении знаний. Разум начинает менять мир не как сумма частных усилий, а как организованная, исторически значимая сила. Наука, коммуникации, техника, новые источники энергии, глобальные связи – все это перестраивает саму ткань существования человечества и ставит вопрос о новой ответственности разума перед миром.

Если перенести этот тезис в урбанистическую плоскость, мы увидим, что современные города являются, по сути, узлами концентрации ноосферы. В них сжаты в одном пространстве огромные объемы знаний, технологий, организационных форм, культурных кодов и социальных взаимодействий. Но одновременно именно в городе наиболее остро проявляются и противоречия этой новой эпохи: экологическая перегрузка, социальное неравенство, цифровая сегрегация, управленческая непрозрачность, распад общих смыслов, одиночество, дефицит времени и внимания. Иначе говоря, город оказывается узлом пространства, где разум одновременно и усиливается, и рискует сам себя разрушить. Поэтому город в ноосфере – это не просто город, где много научных и образовательных учреждений. Это город, где разум становится принципом организации системы. Не модным дополнением, не надстройкой поверх административной машины, а именно принципом. И вот здесь возникает понятие ноополиса. Ноополис – это такая стадия развития городов, в которой управление строится не на автоматическом воспроизводстве сложившихся интересов и не на слепой оптимизации потоков, а на научно и общественно осмысленной координации развития. Он ориентирован на долгосрочные последствия решений, на качество жизни его жителей, на культурное и экологическое воспроизводство среды, на формирование коллективной способности городских сообществ мыслить и действовать не ситуативно, а стратегически.

Но только теории ноосферы недостаточно. Она задает масштаб, но не дает полной политэкономической определенности. Здесь и вступает в силу теория ноономики С. Д. Бодрунова. В этой концепции развития экономики современное общество проходит исторический рубеж: производительные силы, основанные прежде всего на знаниях и новых технологиях, все больше подрывают старую логику экономики как системы, сосредоточенной на товаре, стоимости, ограниченности ресурсов и подчинении человеческого развития внешней хозяйственной целесообразности. Возникает возможность и вместе с тем необходимость иного способа общественного развития, в котором знание, творчество, культура и развитие человека приобретают приоритетное значение [Бодрунов, 2024, с.17]. Именно в этом смысле ноономика – не просто теория «экономики знаний». Это гораздо более глубокий тезис: знание перестает быть лишь фактором повышения производительности в прежней хозяйственной системе. Оно становится основанием нового качества общественного бытия. Меняется сама функция хозяйства: оно должно работать не на бесконечное расширение товарной формы, а на развитие человеческих способностей и создание условий для всестороннего раскрытия личности [Бодрунов, 2022, с.37]. Отсюда вытекает простая, но важная

мысль: если меняется содержание воспроизводства, то должна измениться и его пространственная форма. Этой формой и выступает ноополис.

Иначе говоря, ноополис – это город, соответствующий ноономике. Не обслуживающий ее извне, а выражающий ее внутреннюю логику. Если индустриальный город был построен вокруг фабрики, склада, железной дороги и кварталов дисциплинированной рабочей силы, если постиндустриальный город стал строиться вокруг офиса, сервиса, университета, финансового центра и платформенной инфраструктуры, то ноополис строится вокруг воспроизводства общественного интеллекта. Его центром становятся не просто объекты знания, а сама среда генерации, обмена, критики, практического применения и общественного распределения знания.

Здесь очень важно не впасть в иллюзию, будто речь идет только об университете, технопарке и стартапах. Это было бы слишком узко. Ноополис – это не технополис и не кампус-город. В нем наука и образование перестают быть сектором. Они становятся способом организации всей среды. Библиотека, исследовательская лаборатория, культурный центр, общественное пространство, гражданская платформа, открытая база данных, медицинская сеть, система непрерывного образования, экосистема городских экспериментов – все это образует единую когнитивную инфраструктуру. Мегаполис начинает жить, развивая не только транспортную инфраструктуру, энергоэффективность и оптимизируя бюджет, но и обмениваясь смыслами, компетенциями, проектными идеями, междисциплинарными связями.

В этом отношении концепция ноополиса опирается на классические работы о постиндустриальном и информационном обществе. Д. Белл еще в 1970-е годы указывал, что знания и теоретическая информация становятся центральным ресурсом новой общественной структуры [Белл, 2004, с. 145]. М. Кастельс позднее показал, что в сетевом обществе потоки информации и сетевые формы организации начинают определять экономическую и социальную динамику [Кастельс, 2000, с. 82]. Однако и здесь ноономика делает следующий шаг. Она не ограничивается фиксацией роста роли знания. Она ставит вопрос о том, как меняется сама цель общественного развития, если знание, творчество и культура становятся его главным содержанием/

Отсюда вытекает и новое понимание человеческого капитала. В работах Т. Шульца и Г. Беккера человеческий капитал рассматривался как запас знаний, навыков, образования и здоровья, увеличивающий будущий доход и производительность. Это был фундаментальный шаг в экономической мысли, потому что человек был выведен за пределы роли простого носителя труда. Но у этой концепции, при всей ее прогрессивности, сохранялась инструментальная рамка: образование и развитие человека оправдывались прежде всего через будущую экономическую отдачу. Для ноономики и для концепции ноополиса этого уже недостаточно. Человеческий капитал должен быть понят шире – как форма развития самого человека, как общественная цель, а не только экономический ресурс [Schultz, 1971, p. 78; Becker, 1962, p. 12].

Происходит принципиальный разворот. В ноополисе город больше не инвестирует в человека лишь затем, чтобы повысить конкурентоспособность территории или налоговую базу. Он инвестирует в человека потому, что развитие человека становится смыслом общественного воспроизводства. Образование в такой системе – не поставщик дипломов и не фабрика компетенций под текущий спрос рынка. Это непрерывный процесс форми-

рования способностей к мышлению, кооперации, творчеству и ответственному участию. Культура – не досуговый сектор, а механизм производства смыслов и общественной связанности. Здравоохранение – не просто лечение, а условие полноценного человеческого развития. Открытые данные – не только данные для приложений, а среда прозрачности, участия и коллективного понимания городской реальности.

Отсюда следует и новая логика оценки города. Если мы продолжаем измерять успех города только через ВРП, инвестиции, стоимость недвижимости, транспортную скорость или число стартапов, мы неизбежно остаемся внутри старой рациональности. Ноополис требует других индикаторов, даже если они пока менее привычны. Насколько город расширяет доступ к непрерывному образованию? Насколько он соединяет науку и повседневность? Насколько его среда способствует междисциплинарным контактам? Умеет ли он включать в цифровую и культурную экосистему пожилых, жителей с ограниченными возможностями? Снижает ли он когнитивные барьеры? Создает ли он пространство не только потребления, но и мышления? Это и есть подлинные вопросы нового городского развития.

Ноополис, таким образом, меняет не только предмет управления, но и сам тип рациональности, лежащий в основе городской политики. Традиционный город управлялся через контроль над материальными, ресурсными, финансовыми, информационными потоками. Управление сводилось к их распределению, учету, регулированию, нормированию. Умный город добавил к этому алгоритмы, цифровые панели и аналитику в реальном времени. Ноополис идет дальше. Он делает главным объектом управления не поток как таковой, а способность общества разумно организовывать свое развитие. Это означает, что управление должно работать с доверием, с вниманием, с институтами участия, с когнитивной доступностью среды, с культурной сложностью пространства, с диалогом между наукой и горожанами.

Здесь возникает еще один важный аспект – внимание как ресурс. В индустриальном городе главным дефицитом было рабочее время и источники энергии. В постиндустриальном – доступ к информации и мобильности. В современном обществе дефицитным ресурсом становится внимание. Город может быть великолепно цифровизирован, но, если он перегружает человека шумом, сигналами, интерфейсами, навязчивой рекламой, бесконечными транзакциями и фрагментированными решениями, он истощает способность к осмысленному действию. Ноополис должен не только распространять знания, но и сохранять условия для сосредоточения, понимания и коллективного мышления. В этом смысле он обязан быть не просто высокотехнологичным, а когнитивно экологичным.

Наконец, нельзя забывать о том, что ноополис – это «живой» город. Ноосфера у В.И. Вернадского не существует без биосферы. Следовательно, ноополис не может быть машиной, которая только потребляет ресурсы и экспортирует отходы. Его зрелость определяется способностью снижать энтропию собственной системы: развивать циркулярные процессы, переходить к более чистой энергетике, сокращать избыточные материальные потоки, проектировать среду так, чтобы она поддерживала здоровье, а не разрушала его. Но это опять же вопрос не только развития технических систем и технологий. Экологическая рациональность в ноополисе – это функция культуры, знания и коллективной ответственности. И потому экологическая политика здесь оказывается не отдельным направлением, а характеристикой всей системы.

Поэтому ноополис можно определить как такую стадию развития города, в которой наука, знания, культура, человеческое развитие, экологическая ответственность и институты

общественного участия соединяются в единую логику управления и воспроизводства. Это город, где технологии не исчезают, а занимают подходящее им место – место инструмента. Это город, где экономика не отменяется, но перестает быть самодовлеющей. Это город, где разум становится не внешней рефлексией над городским хаосом, а внутренним принципом его организации.

Ноополис и преодоление ограничений умного города

Справедливости ради нужно признать: концепция умного города сыграла исторически позитивную роль. Она разрушила инерцию старых бюрократических подходов к муниципальному управлению, заставила по-новому взглянуть на данные, на обратную связь, на интеграцию городских систем, на возможность видеть город в динамике, а не только в отчетности. Благодаря ей стало возможным гораздо точнее работать с транспортом, коммунальными сетями, городской безопасностью, распределением нагрузки и целым рядом других сфер [Song, 2023, p. 170].

Но у умного города есть внутренний предел развития, и он проходит там, где эффективность начинает подменять развитие. Умный город очень хорошо отвечает на вопрос: «Как сделать быстрее, точнее, дешевле, удобнее?». Но гораздо слабее отвечает на вопрос: «Зачем?». Можно идеально оптимизировать транспортные потоки и при этом не уменьшить отчуждение между районами. Можно собрать колоссальные объемы данных и при этом не создать общественную прозрачность системы управления городом. Можно дать жителю десятки цифровых сервисов и одновременно не сделать его участником принятия стратегических решений. Можно сократить время ожидания и увеличить плотность транзакций, но не приблизиться к более зрелой, культурной и устойчивой городской жизни [Chang, 2018, p. 17].

Именно поэтому ноополис не следует понимать как умный город 2.0. Это не просто следующая версия того же продукта. Это другая логика. В умном городе технологии зачастую задают рамку, внутри которой уже затем обсуждаются комфорт, устойчивость и участие. В ноополисе все наоборот: сначала определяется общественная цель, направленная на развитие человека, общественного интеллекта, культурной и экологической целостности, а затем уже технология занимает свое место в этой системе.

С этой точки зрения различие между умным городом и ноополисом такое же, как между расчетливостью и разумом. Расчетливость может быть чрезвычайно высокой и при этом не вести к подлинному развитию. Разум же предполагает способность видеть целое, учитывать долгосрочные последствия, удерживать нравственный и культурный горизонт, не растворяться в минутной выгоде. Ноополис – это попытка перевести городскую систему из режима расчетливости в режим разума.

Зарождение ноополисов

Анализ развития мировых мегаполисов показал, что элементы ноополиса уже существуют. Они не образуют завершенной модели, но складываются в узнаваемую концепцию.

Копенгаген, например, важен для анализа прежде всего тем, что инновационность здесь выстроена не как витрина технологий, а как форма кооперации. Лаборатория решений Копенгагена (Copenhagen Solutions Lab) прямо описывает себя как структуру, которая развивает и внедряет решения совместно с бизнесом и научно-образовательными учреждениями

в интересах городского развития¹. Важен сам принцип: не закрытая экспертная машина, а пространство интеграции науки, администрации и практического эксперимента. Не менее показателен пример и Гражданской ассамблеи Копенгагена (Copenhagen Citizens' Assembly), где репрезентативная группа жителей обсуждает будущее города и вырабатывает рекомендации по его развитию². Это уже не просто опрос общественного мнения, а институционализированная форма включения граждан в осмысленное обсуждение стратегических вопросов. А инновационный кластер Копенгагена (Innovation District Copenhagen) демонстрирует, что инновационная среда здесь понимается как территориальная экосистема: более 500 компаний и около 40 тысяч исследователей, студентов и сотрудников объединены в едином пространстве взаимодействия³. Все это позволяет говорить о Копенгагене как о городе, где знание постепенно превращается в ткань городской жизни, а не остается собственностью отдельных институтов.

Сеул представляет другую траекторию движения к ноополису. Здесь особенно интересно сочетание высокотехнологичной городской инфраструктуры с механизмами участия и медиации. Анализ официальных сайтов города показывал, что система партиципаторного бюджетирования действует в Сеуле с 2012 года и в течение нескольких лет обеспечивал стабильное включение гражданских предложений в бюджетный процесс⁴. Уже сам факт устойчивого институционального закрепления такой практики означает, что город начинает воспринимать жителя не только как получателя услуг, но и как соучастника распределения общественных ресурсов. Еще важнее, что Сеул создал особую систему управления конфликтов: город признает конфликт не как «сбой», который нужно быстро подавить, а как неизбежный элемент сложного общества, требующий процедур согласования и посредничества⁵. И даже внедрение IoT решений и цифровых инструментов мониторинга подается не просто как средство контроля, а как способ повысить общественную безопасность и качество городской среды⁶. Таким образом, Сеул демонстрирует важную вещь: ноополисные элементы могут расти и из среды города с высоким уровнем цифровизации, если технология не подменяет собой общественную логику, а включается в нее.

Пример Барселоны наиболее ярко показывает, как технологии могут служить городскому гуманизму. Платформа Decidim позиционируется как свободная, открытая и безопасная технология для участия граждан, а в документации она прямо называется инфраструктурой общих благ⁷. Это важная формулировка: цифровая платформа понимается не как частный сервис или инструмент административной мобилизации, а как общественное благо. Портал открытых данных мэрии Барселоны (Open Data BCN) поддерживает широкий каталог открытых наборов данных, делая информацию доступной для общественного использования⁸. Платформа Sentilo, в свою очередь, определяется как платформа с открытым

¹ Copenhagen Solutions Lab. Official site. 2026. URL: cphsolutionslab.kk.dk (датаобращения: 19.04.2026).

² OIDP. Copenhagen Citizens' Assembly. 2024. URL: oidp.net (датаобращения: 19.04.2026).

³ Innovation District Copenhagen. Official site. 2026. URL: innovationdistrictcopenhagen.dk (датаобращения: 19.04.2026).

⁴ Seoul Metropolitan Government. Participatory Budget System. 2026. URL: world.seoul.go.kr (датаобращения: 19.04.2026).

⁵ Seoul Metropolitan Government. Introduction to Conflict Management of Seoul. 2016. URL: english.seoul.go.kr (датаобращения: 19.04.2026).

⁶ Seoul Metropolitan Government. Voluntary Local Review 2025. URL: gold.uclg.org (дата обращения: 19.04.2026).

⁷ Decidim. Official platform documentation. 2026. URL: decidim.org (дата обращения: 19.04.2026).

⁸ Open Data BCN. Barcelona open data service. 2026. URL: opendataajuntament.barcelona.cat (датаобращения: 19.04.2026).

исходным кодом для датчиков и исполнительных устройств, рассчитанная на открытость и беспрепятственное взаимодействие¹. Иными словами, сама архитектура городской цифровой среды строится не вокруг закрытости, а вокруг совместимости и открытости. Наконец, квартал 22@Barcelona – это не просто инновационный квартал, а пример того, как исследовательская и предпринимательская активность может быть встроена в живую ткань города, а не изолирована в корпоративном анклав². Пример Барселоны в этом отношении особенно важен, потому что виден сам принцип: технология должна не замещать гражданина, а расширять поле его осмысленного участия.

В Москве тоже можно увидеть отдельные элементы ноополиса. Они пока не складываются в целостную модель, но тенденция заметна. Развитие зеленых территорий – это не просто благоустройство, а формирование экологического каркаса города. Модернизация общественного транспорта влияет не только на удобство передвижения, но и на качество воздуха, на уровень шума, на связность районов. Повышение доступности социальных услуг – это тоже часть более широкой задачи улучшения качества жизни. В последние годы в Москве реализуются проекты по созданию комфортной городской среды. Благоустройство общественных пространств, развитие пешеходной инфраструктуры – эти процессы идут достаточно активно. Город активно внедряет цифровые решения в управление транспортом, здравоохранением, городскими сервисами. Одна из заметных систем – управление дорожным движением на основе данных с камер и датчиков. Потоки регулируются не по жесткому графику, а в зависимости от реальной ситуации. Платформа «Активный гражданин» – это попытка встроить обратную связь от жителей в процесс принятия решений. Не всегда это работает идеально, но сам принцип важен: город перестает воспринимать граждан как пассивных получателей услуг. В здравоохранении внедрена единая цифровая система. Она позволяет координировать работу медицинских учреждений, сокращать очереди, повышать доступность помощи. Эти решения в совокупности демонстрируют сдвиг от разрозненных цифровых сервисов к интегрированной системе управления. Вместе с тем они пока во многом опираются на технологические решения. Это не плохо и не хорошо, это отражает промежуточный характер текущего этапа. Москва движется в сторону более сложной модели, но окончательный переход еще впереди.

В настоящее время ни один из рассмотренных мегаполисов не является ноополисом в полном и завершенном смысле, а скорее протонополисом. У каждого есть собственные ограничения, противоречия, зоны исключения, остатки старой логики управления. Но здесь важно другое. Все они показывают, что движение к новой модели развития мегаполиса возможно. Причем оно начинается не с покупки новой платформы и не с внедрения очередного набора сенсоров. Оно начинается там, где город перестает мыслить себя только как механизм обслуживания и начинает понимать себя как среду общественного разума.

Анализ результатов исследования

Полученные результаты позволяют сделать важный методологический вывод. Ноополис нельзя искать по формальным чек-листам. Его нельзя определить простым набором признаков, например, такими как «наличие открытых данных», «развитая цифровая ин-

¹ Sentilo. Official site. 2026. URL: sentilo.io (дата обращения: 19.04.2026). 22@Barcelona, the innovation district.

² Barcelona, 2009. URL: bcnroc.ajuntament.barcelona.cat (дата обращения: 19.04.2026).

фраструктура», «устойчивый транспорт» или «участие граждан». Все эти элементы могут присутствовать и в городе, который остается глубоко встроенным в старую экономическую и административную логику. Ноополис возникает там, где меняется не только инструментарий, но и сам смысл городской политики.

Это, возможно, самый трудный момент для практики управления. Проще всего модернизировать городские сервисы. Гораздо труднее изменить целеполагание. Проще внедрить платформу обратной связи. Гораздо труднее превратить ее в реальный механизм общественного мышления. Проще говорить о человеческом капитале как о конкурентном преимуществе территории. Гораздо труднее признать, что развитие человека должно стать не средством, а целью. Но без этого перехода ноополис невозможен.

Здесь концепция ноономики оказывается особенно необходимой, так как позволяет увидеть, что проблема города будущего не сводится к совершенствованию механизмов муниципального управления. Вопрос стоит шире: в каком направлении движется вся система общественного воспроизводства? Если знание, культура, творчество и развитие человека действительно становятся центральным содержанием новой постиндустриальной эпохи, то город обязан перестроиться соответственно. Он должен перестать быть просто вместилищем труда, капитала и сервисов. Он должен стать средой выращивания общественно-го интеллекта. Иначе говоря, ноополис – это не просто новая урбанистическая модель. Это форма цивилизационного перехода.

Ноополис следует понимать как качественно новый тип городской системы, возникающий в условиях перехода к ноономике. Он не является ни простой модернизацией умного города, ни комбинацией устойчивого города и города знаний. Его своеобразие состоит в том, что знания, наука, культура, человеческое развитие, общественное участие и экологическая ответственность образуют здесь внутреннее основание управления и воспроизводства. Ноополис предстает не как нейтральное пространство размещения хозяйственной активности, а как форма организации общественного разума и как пространственный базис нового качества общественной жизни.

Переход к ноополису означает изменение самой логики городской политики. В центре оказывается уже не только эффективность, но и развитие человека; не только обслуживание потоков, но и формирование условий для мышления, участия, доверия и культурного роста; не только цифровизация, но и подчинение технологий общественно значимым целям.

Анализ Копенгагена, Сеула, Барселоны, Москвы показал, что отдельные элементы ноополиса уже существуют в современной практике. Это проявляется в институционализации гражданского участия, открытых цифровых инфраструктурах, интеграции науки и городского управления, развитии инновационных районов и ориентации технологий на общественное благо. Но самое важное в этих примерах – не набор инструментов, а меняющаяся логика: город начинает учиться мыслить себя не «машиной для людей», а средой развития разума.

И в этом состоит, пожалуй, главный вывод. Будущее города зависит не от количества умных решений. Оно зависит от того, сумеет ли он стать пространством, где технологии служат не вещам, а человеку, не контролю, а развитию, не краткосрочной выгоде, а долгой и разумной истории городских сообществ. В этом смысле ноополис – не просто образ будущего города. Это образ более зрелой цивилизации.

Список источников

- Белл Д. (2004). Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 788 с.
- Бодрунов С.Д. (2024). Ноономика и ее роль в разрешении проблем современности: теоретические аспекты и практика управления социально-экономическим развитием // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3. № 4. С. 13-21. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-4-13-21.
- Бодрунов С. Д. (2019). Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. Т. 20, № 1. С. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1.
- Бодрунов С. Д. (2022). От ноономики – к ноосфере? // Ноономика и ноообщество: альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 1. № 3. С. 36–47. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-36-47.
- Вернадский В. И. (1991). Научная мысль как планетное явление. М.: Наука. 270 с.
- Вернадский В. И. (2013). Несколько слов о ноосфере. // Ноосферные исследования. № 1(1). С. 6-17.
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.
- Шушунова, Т. Н. (2024). Формирование ноопространств «умных» городов на основе принципа антропоцентричности. // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: Государственный университет управления. С. 271-274.
- Becker G. S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. // The Journal of Political Economy. vol. 70. no 5. Pp. 9–49.
- Chang D. L., Sabatini-Marques J., Da Costa E. M., Selig P. M., Yigitcanlar T. (2018). Knowledge-based, smart and sustainable cities: a provocation for a conceptual framework // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. Vol. 4. no. 1. Art. 5. DOI: 10.1186/s40852-018-0087-2.
- Schultz T. (1971). Investment in Human Capital: Role of Education and of Research. // New York, The Free Press, London, Collier-Macmillan Limited. 272 p.
- Song K., Chen Y., Duan Y., Zheng Y. (2023). Urban governance: A review of intellectual structure and topic evolution // Urban Governance. Vol. 3. No. 3. Pp. 169–185. DOI: 10.1016/j.ugj.2023.08.001.

References

- Bell D. (2004). *The Coming Postindustrial Society: An Experience of Social Forecasting*. Moscow: Academia Publ. 788 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2024). Noonomy and Its Role in Resolving Modern Problems: Theoretical Aspects and Practice of Managing Socioeconomic Development. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 3. No. 4. Pp. 13–21. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-4-13-21. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2019). Noonomy: Conceptual Foundations of the New Development Paradigm. *Bulletin of the Ural State University of Economics*. Vol. 20. No. 1. Pp. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1. (In Russ.).

- Bodrunov S. D. (2022). From Noonomy to the Noosphere? In: *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 3. Pp. 36–47. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-36-47. (In Russ.).
- Vernadsky V. I. (1991). *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*. Moscow: Nauka Publ. 270 p. (In Russ.).
- Vernadsky V. I. (2013). A Few Words about the Noosphere. In: *Noospheric Studies*. Vol. 1. No. 1. Pp. 6–17. (In Russ.).
- Castells M. (2000). *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Moscow: HSE University Publ. 608 p. (In Russ.).
- Shushunova T. N. (2024). Formation of Smart Cities' Noospaces Based on the Principle of Anthropocentricity. In: *The Role of Local Self-Government in State Development at the Current Stage: Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference*. Moscow: State University of Management. Pp. 271–274. (In Russ.).
- Becker G. S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. In: *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No 5. Pp. 9–49.
- Chang D. L., Sabatini-Marques J., Da Costa E. M., Selig P. M., Yigitcanlar T. (2018). Knowledge-Based, Smart and Sustainable Cities: A Provocation for a Conceptual Framework. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. Vol. 4. No. 1. Art. 5. DOI: 10.1186/s40852-018-0087-2.
- Schultz T. (1971). *Investment in Human Capital: Role of Education and of Research*. In: New York, The Free Press, London, Collier-Macmillan Limited. 272 p.
- Song K., Chen Y., Duan Y., Zheng Y. (2023). Urban governance: A review of intellectual structure and topic evolution. *Urban Governance*. Vol. 3. No. 3. Pp. 169–185. DOI: 10.1016/j.ugj.2023.08.001.

Информация об авторе

Шушунова Татьяна Николаевна

Доцент кафедры менеджмента и маркетинга Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева (125047, РФ, г. Москва, Миусская площадь, д. 9, стр. 1), доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления (109542, РФ, Москва, Рязанский проспект, д. 99), кандидат технических наук.

E-mail: serg-1167@yandex.ru

Information about the author

Tatyana N. Shushunova

Assistant Professor at the Department of Management and Marketing, D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (9/1 Miusskaya pl, Moscow, 125047, Russian Federation), Assistant Professor at the Department of State and Municipal Management, State University of Management (99 Ryazansky pr., Moscow, 109542, Russian Federation), Candidate of Technical Sciences.

E-mail: serg-1167@yandex.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-57-79

М.В. Гречко

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

А.Л. Ванян

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В КООРДИНАТАХ НООПЕРЕХОДА: ЭМПИРИКА И ПРАКТИКА ИНДИКАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые параметры нооперехода как процесса трансформации социально-экономической системы, фокусируясь на изменении природы труда и форм собственности. Основное внимание уделяется понятию ароморфоза труда как индикатору перехода от индустриально-рыночного уклада к неэкономическому способу удовлетворения разумных потребностей на основе творчества, культуры и развития личности. Предлагается система эмпирических индикаторов, отражающих глубину и направленность нооперехода в российском контексте: трансформация структуры труда, формы занятости, мотивация к труду, распространение креативной деятельности, а также диффузия собственности. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что Россия находится на переходной стадии между второй и третьей фазой глобального нооперехода, демонстрируя частичную трудовую и институциональную трансформацию при сохранении фундаментальных черт индустриального уклада.

Ключевые слова: ароморфоз, экономика, творчество, труд, креативность, ноономика, ноопереход, знания.

Для цитирования: Гречко М.В., Ванян А.Л. (2026). Российская экономика в координатах нооперехода: эмпирика и практика индикации // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте Т. 5, № 3. С. 57–79. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-57-79

Mikhail V. Grechko

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Alina L. Vanyan

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

THE DOMESTIC ECONOMY IN THE CONTEXT OF NOOTRANSITION: EMPIRICAL EVIDENCE AND PRACTICAL IMPLICATIONS

Abstract: The article examines the key parameters of the nootransition as a process of transformation of the socio-economic system, focusing on changes in the nature of labour and forms of ownership. The focus is on the concept of the aromorphosis of labor as an indicator of the transition from the industrial-market system to a non-economic way of satisfying reasonable needs based on creativity, culture, and personal development. A system of empirical indicators

is proposed that reflects the depth and direction of the nootransition in the Russian context: the transformation of the structure of labour, forms of employment, motivation to work, the spread of creative activity, and the diffusion of property. Based on the analysis, it is concluded that Russia is in a transitional stage between the second and third phases of the global nootransition, demonstrating partial labour and institutional transformation while retaining the fundamental features of the industrial system.

Keywords: aromorphosis, economics, creativity, labour, noonomy, nootransition, knowledge.

For citation: Grechko M. V., Vanyan A. K. (2026). The Domestic Economy in the Context of Nootransition: Empirical Evidence and Practical Implications. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 3, pp. 57–79. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-57-79

格雷奇科М. В.

南方联邦大学 (俄罗斯, 罗斯托夫-纳-多努)

瓦尼亚恩А. Л.

南方联邦大学 (俄罗斯, 罗斯托夫-纳-多努)

智慧型转型过程中的俄罗斯经济状态——指标的实证和实践

摘要: 本文探讨了作为社会经济体系变革过程的智慧型转型的关键指标, 重点关注劳动性质和所有制形式的变化。主要探讨了劳动模态这一概念, 将其视为从工业-市场体制向非经济方式满足合理需求的过渡指标, 这种方式基于创造力、文化和个体发展。文中提出了一套反映俄罗斯当前社会背景下智慧型转型深度与方向的实证指标体系: 劳动结构的转型、就业形式、劳动动机、创造性活动的普及, 以及所有权的扩散。基于所进行的分析, 得出结论: 俄罗斯正处于全球智慧型转型第二阶段与第三阶段之间的过渡阶段, 在保留工业模式基本特征的同时, 展现出部分劳动和制度转型。

关键词: 模态、经济、创造、劳动、创造力、智慧经济、智慧型转型、知识。

引用注释: 格雷奇科М. В., 瓦尼亚恩А. Л. (2026). 智慧型转型过程中的俄罗斯经济状态——指标的实证和实践//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 2, pp. 57–79. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-57-79

Введение в проблему

Современная глобальная экономика переживает период глубинных и разнонаправленных трансформаций, охватывающих не только производственно-технологические, но и социально-экономические и культурные аспекты. Среди наиболее острых вызовов, стоящих перед человечеством, – нарастающее неравенство, кризис содержания и смысла труда, дегуманизация производственных процессов, доминирование краткосрочных финансовых интересов над долгосрочным развитием и т.д. Эти явления обостряют необходимость поиска альтернатив действующей модели экономического роста, основанной на прибыли, перепотреблении и эксплуатационной логике.

В этом контексте все более актуальной становится проблематика формирования новой парадигмы – ориентированной не на количественные показатели, а на развитие качеств человека, прогресс знания, кооперацию, творческую насыщенность труда. В отечественной политико-экономической школе данное направление получило концептуальное оформление в виде теории ноономики и сопряженного с ней явления нооперехода – качественно-го сдвига от индустриально-рыночной логики к (пост)рыночному, человекоцентричному укладу.

Однако данное направление все еще находится в стадии теоретико-методологического осмысления и становления: отсутствует единая система понятий, слабо проработаны методологические и эмпирические инструменты оценки текущих изменений. Особую сложность вызывает верификация стадии нооперехода применительно к конкретным национальным экономическим системам. Недостаточно рассматривать лишь количественные показатели (например, уровень ВВП, занятость) – необходимо учитывать национальные специфические параметры общественных отношений, характер и содержание труда, логику воспроизводства и т.д.

В этой связи, опираясь на вышесказанное, можно заключить, что проблема разработки системы эмпирических индикаторов, отражающих глубину и направленность нооперехода в отечественной экономической системе, опираясь на теорию ноономики, представляет собой значимую исследовательскую задачу, актуальную для современного поля общественных наук, требующую всесторонней проработки и конкретизации.

Литературный обзор по проблеме исследования

Проблематика нооперехода и сопряженная с ним трансформация характера труда занимает значимое место в современной отечественной политико-экономической мысли. Основы теории ноономики были заложены С.Д. Бодруновым, который определяет ее как качественно новую модель воспроизводства, ориентированную на знание, творческий труд и общественную кооперацию. Согласно его трактовке, ноономика – это «неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства» [Бодрунов, 2019, с. 9]. Подчеркивается, что «Ноономика – это качественно новая, неэкономическая общественная система, на пути к которой снимаются все основные институты существующей экономики – частная собственность, деньги и т.п., а человек становится личностью, ориентированной на несимулятивные потребности, на саморазвитие» [Бузгалин, Колганов, 2020, с. 9].

Важным направлением в осмыслении ноономики является критика рыночных ограничений творческого труда, что отражено в работах А.В. Бузгалина. Автор отмечает: «Реальными основаниями генезиса посткапиталистических отношений являются прогресс творческого по своему содержанию труда и возникающие на этой основе отношения, включающие в себя: 1) отношения создания неограниченных общественных благ, имеющих форму собственности каждого на всё; 2) отношения развития индивида в труде, обретающем статус потребности; 3) отношения со-творчества» [Бузгалин, 2022, с. 100]. Это означает, что ноономика базируется не на товарном характере труда, а на его способности быть выражением свободы, самореализации и социальной полезности.

Эту линию продолжает Л. А. Булавка-Бузгалина, акцентируя внимание на отчуждении творчества в рыночной культуре. Артикулируется, что рыночная система не только от-

чуждает результат труда художника, но и подчиняет себе сам процесс вдохновения и внутреннюю природу творца: «Теперь товаром становятся не только результаты творчества художника, но и его творческие замыслы, авторские идеи и даже то, что именуется «душой» или «вдохновением» творца. ... Так художник становится функцией рынка брендов» [Булавка-Бузгалина, 2021, с. 12-13].

Проблема трансформации труда в условиях цифровизации решается в исследовании М.В. Гречко и С.Э. Севикян. Авторы указывают, что автоматизация снимает рутинные задачи и способствует росту роли осмысленной деятельности, однако одновременно обостряются формы отчуждения. Так цифровой капитализм усиливает эксплуатацию через расширение рабочего времени, ритмизацию труда и подчинение креативной деятельности логике алгоритма [Гречко, Севикян, 2023, с. 310]. В этом контексте труд действительно приобретает двойное измерение – как фактор эмансипации и как объект цифрового контроля.

Политические и институциональные аспекты трансформации труда находят отражение в исследованиях зарубежных ученых. Так, А. Фримен пишет о фундаментальной роли творческого труда в современной экономике. Отмечено, что именно в сочетании с информационно-коммуникационными технологиями творческий труд становится источником создания рыночных продуктов, чья ценность основана на уникальности и не механическом характере, он подчеркивает, творческий труд – это не механический труд, который в совокупности с ИКТ создает массовый рынок для продуктов, воплощающих полезность уникальности [Freeman, 2020, p. 26].

Значительный вклад в развитие альтернативных экономических парадигм внес Римский клуб, начиная с первого доклада «Пределы роста» (1972). В последующих материалах, включая «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet», акцент сделан на необходимости устойчивого развития, переоценки экономических целей и ограниченности природных ресурсов. В центре внимания – не количественный рост, а качество развития, ориентированное на долгосрочную жизнеспособность системы [von Weizsäcker, 2018].

Таким образом, как в отечественной, так и в зарубежной научной традиции наблюдается движение к переосмыслению природы труда, целей развития и критериев прогресса. В отечественной политико-экономической мысли это направление оформляется в виде теории ноономики и нооперехода, акцентирующих внимание на смене целеполагания: от потребления и прибыли – к знанию, творчеству и самореализации.

Однако важно подчеркнуть, что в отечественной научной традиции до сих пор отсутствует устойчивая методология, позволяющая верифицировать ноопереход на эмпирическом уровне. В том числе слабо разработаны индикаторы, фиксирующие ароморфоз труда, как ключевой элемент нового уклада. В этом контексте задача представленного исследования заключается не только в теоретическом осмыслении ноономики, но и в разработке инструментов измерения для практического анализа текущего состояния отечественной экономики при ноопереходе.

Методы и методология

Представленное исследование опирается на традицию критической политической экономики, а также на ноологический и институциональный подходы, раскрывающие связь между трансформацией труда, развитием производительных сил и сменой общественно-

экономических укладов. Цель работы заключается в определении положения российской экономики на траектории нооперехода, посредством анализа соответствующих индикаторов. Объектом исследования выступает современная российская социально-экономическая система в ретроспективе и перспективе. Предмет исследования включает в себя ароморфоз труда и диффузию собственности как основные эмпирические маркёры стадийности нооперехода.

Выбор исследовательского инструментария определяется содержанием поставленной научной проблемы. Применительно к настоящему исследованию, таковыми являются следующие:

- теория ноономики, выступающая методологическим основанием исследования, позволяющая представить ароморфоз труда и ноопереход как взаимосвязанные процессы трансформации общественно-трудовых отношений;
- контент-анализ научных публикаций и выявление наиболее часто встречающихся трактовок понятий «ноопереход» и «ароморфоз труда» в отечественной и международной литературе;
- структурно-институциональный анализ, направленный на выявление особенностей форм занятости, их соответствие критериям ароморфоза труда и стадий нооперехода;
- статистический анализ, включая интерпретацию данных Росстата и аналитических центров.

Таким образом методологическая основа работы позволяет увязать теоретико-понятийный анализ с эмпирическим рассмотрением трансформации труда и форм собственности в отечественной экономике, что обеспечивает комплексный характер исследования.

Ноопереход и ароморфоз труда: содержательная детерминация

Переход к новому общественному укладу, основанному на знании, кооперации, творческой мотивации и креативной занятости, приобретает всё большую актуальность в условиях нарастающего противоречия между существующими формами труда и производительными силами. Этот процесс получил в научной литературе обозначение как ноопереход, представляющий собой глубокую трансформацию общественно-экономических основ развития.

Прежде чем изложить авторские размышления о логике и направлениях нооперехода, необходимо определиться с понятийной детерминацией данного феномена. Следует отметить, что в современном гносеологическом поле экономической науки одномоментно сосуществуют различные трактовки понятия «ноопереход», обуславливающие сложность в его формальном и унифицированном определении (таблица 1).

В применении понятия «ноопереход» в гносеологическом поле экономической науки можно увидеть плюрализм подходов, отражающих как (1) различие в теоретических основаниях, так и в (2) приоритетах анализа, т.е. от макроэкономических структур до трансформации трудовой мотивации и социальных целей воспроизводства.

Возможность объективно-научного понимания исследуемого понятия позволяет утверждать, что содержательно, ноономика связана с переходом к неэкономическому способу удовлетворения разумных потребностей на основе творчества, культуры и развития личности. В концепции С.Д. Бодрунова переход к знаниеёмкому материальному производству рассматривается как необходимая предпосылка нооперехода, однако знаниеёмкость

Таблица 1

Качественный анализ определений понятия «ноопереход»

Автор	Аспекты, на которых концентрируется внимание исследователя
С.Д. Бодрунов	Ноопереход как переход от индустриального и рыночного уклада к (пост)рыночной системе, основанной на смыслоцентрическом развитии, кооперации и удовлетворении нематериальных потребностей человека. Переход к «человекоцентричной модели» называется ноопереходом
А.В. Бузгалин	Подчеркивается связь нооперехода с эволюцией самого труда: от отчужденного и принудительного – к творческому и смыслообразующему. Труд становится потребностью личности, что и формирует посткапиталистические основания
М.В. Гречко	Комбинация качественных изменений в системе общественного развития, цель достижения которых называлась еще К. Марксом «той» стороной собственно материального производства и общественных отношений. Средством достижения подобного состояния является трансформация содержания труда, который из необходимости становится мотивом и потребностью реализуемой в рамках творческой деятельности
В.В. Архипова	Ноопереход рассматривается как поворотная точка развития к формированию ноообщества, основанного на знании, нооценностях и солидаризме; связывается с переходом к новому мирохозяйственному укладу – интегральному

Источник: авторская разработка.

производства сама по себе еще не означает становление ноономики: «Под ноономикой мы понимаем неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства» [Бодрунов, 2019, с. 9]. Следовательно, в своей конечной фазе ноономика характеризуется неэкономическим способом организации хозяйства и представляет собой качественно новый этап общественного развития, что позволяет ее содержательно разграничить с экономикой знаний (как этапом развития пост-индустриальной экономики). В рамках настоящего исследования мы будем придерживаться именно данного понимания ноономики, рассматривая ноопереход как процесс формирования предпосылок для становления «человекоцентричной» системы хозяйственной организации.

При этом во всех трактовках центральным «узлом» нооперехода выступает труд. Именно его качественное изменение становится как необходимым условием, так и эмпирическим индикатором отражения динамики данного процесса. В этом контексте особое значение приобретает понятие «ароморфоз труда», введенное в научный оборот С. Д. Бодруновым. Под ароморфозом труда С.Д. Бодрунов понимает качественный скачок в структуре и содержании трудовой деятельности, заключающийся в переходе от рутинных, стандартизированных и отчуждённых форм занятости, к деятельности, наполненной знанием, смыслом, общественной значимостью и личной мотивацией. Такой труд не просто обеспечивает воспроизводство материальных благ, но и становится способом самореализации человека, источником кооперации, развития и создания нового общественного уклада. При этом, ароморфоз труда, а также диффузия собственности выступают в роли основных маркёров стадийности нооперехода.

Ароморфоз труда и диффузия собственности как показатели нооперехода

В рамках логики ноономики труд становится средством развития как отдельной личности, так и всего общества. Это напрямую соотносится с идеей «инверсии» пирамиды Маслоу: если в индустриальную эпоху доминировали базовые потребности (выживание, безопасность), то в условиях цифровизации и базового изобилия происходит возврат к высшим уровням: самоактуализации, творчеству и т.д. В ноономике человек трудится не ради дохода, а ради смысла, развития, вклада в общее благо. Следовательно, именно структура и содержание труда становятся критерием того, насколько общество приблизилось к ноономическому укладу.

Некоторые исследователи показывают, что ключевые сектора ноономики (образование, наука, культура, здравоохранение, ИТ, проектная деятельность) характеризуются высоким уровнем нерутинной, а когнитивной и креативной нагрузки [Гречко, Плешивцева, 2024, с 161]. Они требуют инициативы, сотрудничества, междисциплинарности, способности к рефлексии и моральному выбору; они требуют внутренней мотивации и интеллектуальной вовлеченности. Поэтому рост занятости в обозначенных секторах и структурные изменения являются не второстепенным аспектом, а основным маркером и характеристикой состояния нооперехода.

Однако ароморфоз труда невозможен в отрыве от качества производственной среды. Если система образования продолжает воспроизводить рутинные навыки, а трудовая культура и сложившаяся модель производственных отношений поощряет исполнительность, а не инициативу, то формальные показатели занятости в креативных сферах не будут означать нооперехода. Именно поэтому столь важны гарантии свободы и автономии труда, поддержка самозанятости, фриланса, формирование среды сотворчества, а не корпоративной иерархии.

Таким образом, ароморфоз труда – это не линейный процесс, а сдвиг в системе производительных сил и производственных отношений, который может быть ускорен или заблокирован в зависимости от приоритетов государства, целей развития бизнеса и общества. В этом смысле не сам по себе рост информационно-технологических отраслей (ИТ) или креативной занятости является показателем нооперехода, а то, насколько такие формы труда становятся нормой и осмысленной целью развития.

Следовательно, труд в логике ноономики выполняет двойную функцию: с одной стороны, он выступает индикатором глубинной трансформации; с другой – является системообразующим механизмом формирования нового общественного уклада. Пока труд остается отчужденным, рутинным, обезличенным, говорить о ноопереходе можно лишь как о потенциале. Лишь когда труд становится пространством свободы, творчества и солидарности, тогда возможна реализация (пост)рыночного, человекоцентричного уклада.

Решение обозначенной научной проблемы в дальнейшем зависит от теоретического осмысления доступного эмпирического материала, обобщение и осмысление которого позволило авторам представить ключевые индикаторы, отражающие ароморфоз труда в контексте нооперехода, а также дать их характеристику и определить практическое значение для оценки текущего состояния сферы труда в отечественной социально-экономической системе (таблица 2). Однако сначала дадим методологическое пояснение.

Для эмпирической оценки положения российской экономики в координатах нооперехода нами используются показатели, отражающие ключевые трансформации в практике

общественного производства, выделяемые в исходной концепции С.Д. Бодрунова. Среди них: распространение знаниеёмкого производства, трансформация структуры труда, развитие новых форм занятости и диффузию форм собственности. Выбор перечня индикаторов обусловлен тем обстоятельством, что посредством их изменения на практике проявляются предпосылки перехода к ноономике. В конечном итоге это позволяет использовать представленные индикаторы ароморфоза труда в качестве эмпирических маркёров стадийности нооперехода.

Таблица 2.

Систематизация и характеристика основных индикаторов ароморфоза труда в контексте нооперехода в отечественной социально-экономической системе

Индикатор	Характеристика
Знаниеёмкость труда	Выражается через долю ВДС, создаваемую отраслями, где доминируют знания и интеллект (образование, ИТ, наука, культура). Указывает, насколько экономика в своем развитии опирается на знание и интеллект, а не на морально устаревшее индустриальное производство
Трансформация структуры труда	Комплексный показатель, включающий в себя: 1) творческую составляющую процесса труда, которая оценивается посредством доли занятых в креативных, интеллектуальноёмких профессиях и является индикатором перехода от рутинного труда к сотворчеству, самореализации и когнитивной автономии. 2) рутинность труда отражает долю занятости, связанной со стандартизированными и алгоритмизируемыми операциями, подверженными автоматизации. Индикатор позволяет выявить преобладание форм занятости, не требующих высокой когнитивной или креативной вовлеченности, и тем самым оценить отставание или прогресс в переходе к ноономике
Новые формы занятости	Является индикатором гибкости, децентрализации и субъектности труда. Рост этих форм указывает на институциональную перестройку общественного уклада
Диффузия собственности	Индикатор отражает проявление и распространение новых форм собственности и совладения. Указывает на качественные сдвиги в организации труда, снижении степени отчуждения; демонстрирует, насколько система собственности способствует когнитивной кооперации и обществу характеру труда

Источник: авторская разработка

Далее проведем анализ представленных индикаторов ароморфоза труда в контексте нооперехода в отечественной социально-экономической системе более детально.

Знаниеёмкость труда. Выступает одним из ключевых индикаторов, позволяющих оценить степень приближения экономики к ноономическому укладу. Под этим понятием понимается доля трудовой деятельности, в которой доминируют когнитивные, аналитические и исследовательские функции, опирающиеся на системное знание и высокий уровень образования. Для количественной оценки этого параметра используется доля валовой добавленной стоимости (ВДС), создаваемой в знаниеинтенсивных отраслях – таких как образование, здравоохранение, культура, высокотехнологичное производство и сфера научных исследований. Рост вклада этих отраслей в ВДС указывает на то, что экономика все в большей степени базируется не на технологиях индустриального производства, а на знании, как основном ресурсе. Это, в свою очередь, является прямым

признаком углубляющегося нооперехода и ароморфоза труда т.е. перехода к креативной, интеллектуальной и общественно значимой деятельности. Обратимся к показателю ВДС по отраслям отечественной экономики согласно данным Росстата (рис. 1).

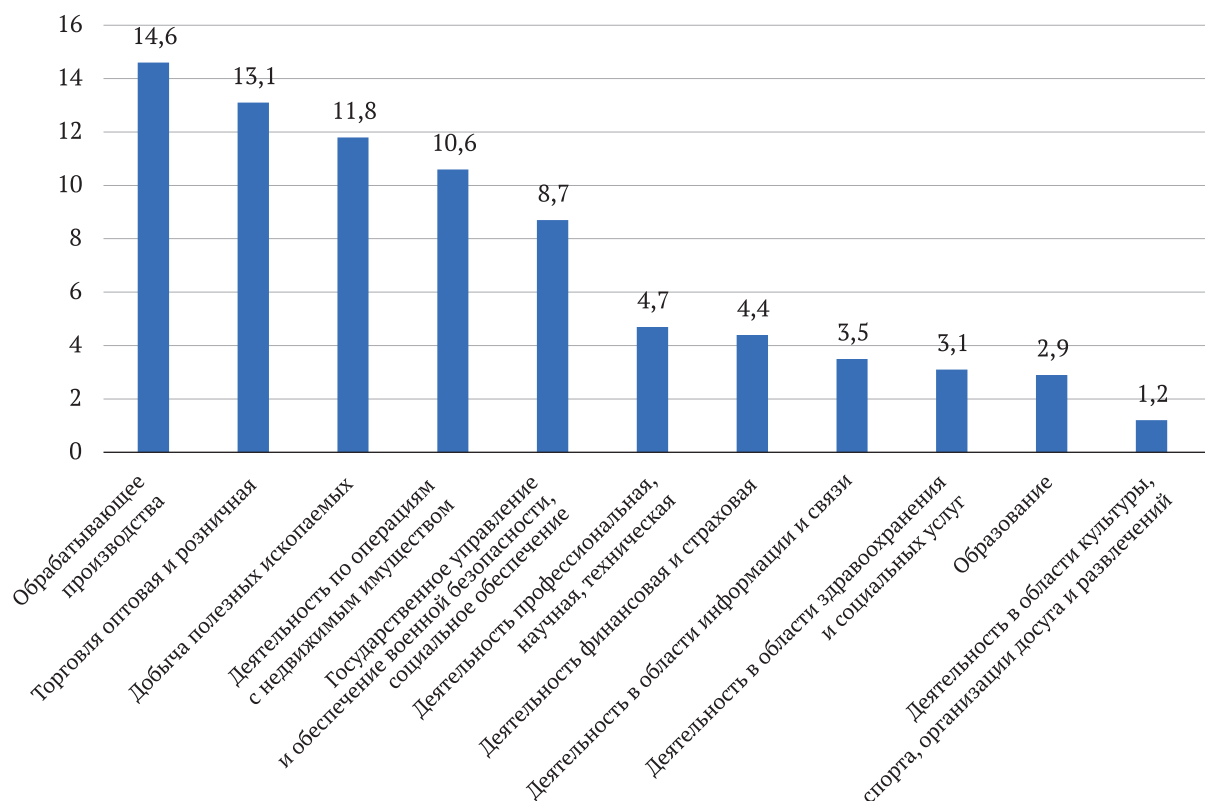

Рис. 1. Валовая добавленная стоимость по отраслям экономики России в 2024 году, %.

Источник: составлено на основе данных: Социально-экономическое положение России 2024 год. Режим доступа: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf> (Дата обращения: 15.06.2025 г).

Согласно данным, основную долю ВДС в России в 2024 году сформировали такие сектора как оптовая и розничная торговля, обрабатывающее производство, добыча полезных ископаемых и деятельность по операциям с недвижимым имуществом. На их долю приходится почти 50% валовой добавленной стоимости. В то же время сектора наиболее значимые с точки зрения ноономической перспективы (образование, здравоохранение, научная и техническая деятельность) в совокупности генерируют менее 15% ВДС.

Соответственно, такая диспропорция отражает сохранение индустриально-рыночной логики развития, где ключевым приоритетом остаются воспроизводство и сырьевые отрасли, тогда как человекоцентрические и знаниеёмкие сектора недофинансированы и вторичны. Это указывает на дисбаланс в структуре экономики, затрудняющий реализацию нооперехода и формирование новой модели, ориентированной на творческий труд, образование и культуру.

1. Трансформация структуры труда. Трансформация структуры труда представляет собой комплексный показатель, отражающий динамику соотношения рутинных и творческих видов занятости в экономике. Индикатор характеризует качественный сдвиг в содержании трудовой деятельности: от преобладания стандартизированных, воспроизводимых

функций к распространению креативного, когнитивного и смыслообразующего труда. Этот процесс отражает непосредственно ароморфоз труда как маркёр нооперехода.

Важным показателем ароморфоза труда и перехода России к ноономике является доля занятых в отраслях, ориентированных на креативность, интеллектуальное созидание, смысловое проектирование и культурное воспроизводство¹.

Концептуально этот сдвиг соответствует логике ароморфоза как эволюционного скачка: труд из принудительного и отчужденного процесса превращается в форму самореализации, интеллектуальной автономии и смыслового вклада в общее благо. Обратимся к данным Росстата о структуре занятых по видам экономической деятельности (рис. 2).

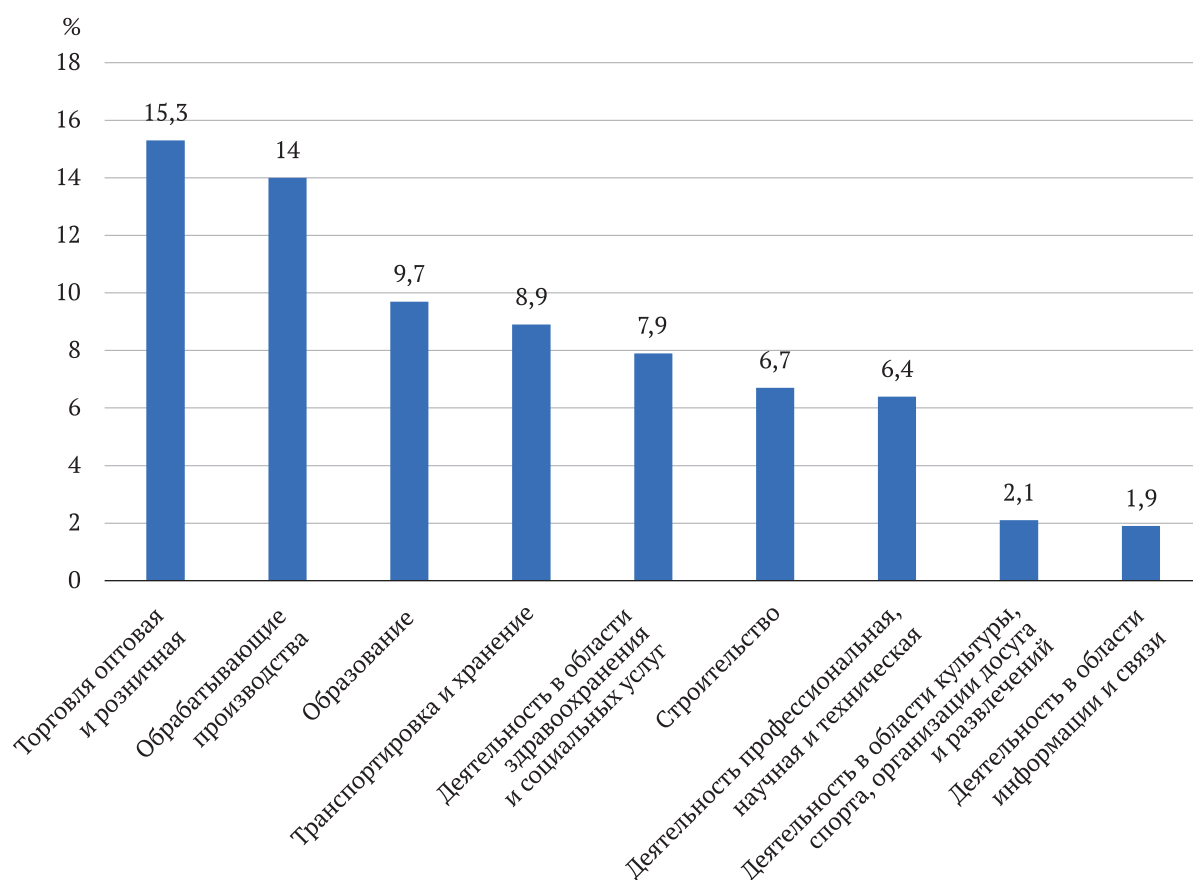

Рис. 2. Структура занятых по видам экономической деятельности в России в 2023 году, %

Источник: составлено на основе данных: Рабочая сила, занятость и безработица в России 2024. Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (Дата обращения: 15.06.2025 г).

Анализ структуры занятости по видам экономической деятельности в России, проведенный на основе данных Росстата, позволяет охарактеризовать реальную фазу ароморфоза труда и выявить объем креативной занятости. Среди всех сфер экономики к числу от-

¹ Справка: важно при этом различать творческий характер труда, который может присутствовать в различных секторах (например, образовании или здравоохранении), и занятости в креативных индустриях как специализированных отраслях экономики, производящих оригинальный, культурный, цифровой и дизайнерский продукт. Таким образом, рост творчески ориентированной занятости, в широком смысле, отражает структурную трансформацию труда: от рутинного, воспроизводимого по алгоритму, к сотворческому, где результат не может быть заранее запрограммирован.

раслей с высокой когнитивной и креативной нагрузкой могут быть отнесены образование, здравоохранение, профессиональная, научная и техническая деятельность, культура, спорт и досуг, а также информационно-коммуникационная сфера.

Существенным индикатором качественных изменений в структуре труда становится рост занятости в креативной экономике. Согласно отчету ВШЭ «Креативный сектор России в цифрах: 2024», на сегодняшний день доля занятых в креативной сфере составляет порядка 6,2% от общей численности работающих. Примечательно, что структура занятости в данном секторе демонстрирует ярко выраженную когнитивную и образовательную направленность: 32,5% работников составляют молодые специалисты, а 56% имеют высшее образование. Темпы роста добавленной стоимости в креативной экономике России в 2023 году в 1,7 раза были выше, чем в среднем по экономике, что также свидетельствует о ее динамичности¹. По прогнозам, доля креативных индустрий в структуре ВВП к 2030 году может достичь 6% по сравнению с текущими 3,5%².

Таким образом, суммарно отрасли с высокой когнитивной и креативной нагрузкой формируют около 32% всей занятости. Однако не все эти сектора равнозначны с точки зрения творческой свободы и интеллектуальной автономии. Более узко творческие и знаниевые отрасли, в которых труд напрямую ориентирован на генерацию новых знаний, культурного смысла и инноваций, включают: профессиональную, научную и техническую деятельность, деятельность в сфере культуры, спорта и развлечений, информацию и связь.³ Совокупно на эти направления приходится всего 10,4% занятых, что свидетельствует о том, что творческая составляющая труда в отечественной экономике остается на низком уровне, несмотря на отдельные очаги роста. Особенно это контрастирует с секторами традиционной экономики, где занятость значительно выше: оптовая и розничная торговля – 15,3%, обрабатывающее производство – 14%, транспортировка и хранение – 8,9%, строительство – 6,7%. В этих четырех отраслях, характеризующихся высокой степенью рутинности, повторяемости трудовых операций, а также функциональной отчужденностью труда, суммарно сосредоточено около 45% рабочей силы. Они ориентированы преимущественно на материальное производство, торгово-посреднические операции, логистику и реализацию; то есть воспроизводят логику индустриального уклада, несовместимую с ноономической парадигмой.

Такое соотношение указанных пропорций креативной (творческой) и рутинной занятости указывает на то, что ароморфоз труда в отечественной экономике пока не приобрел системного характера, несмотря на важную роль, которую играют ИТ, наука, культура и образование в переходе к ноономике. Важной также остается пространственная и организационная концентрация: занятость в креативных и творческих отраслях сосредоточена в мегаполисах, т.е. креативность имеет преимущественно городскую локализацию, создавая тем самым т.н. феномен пространственного «креативного неравенства». При этом сами формы труда зачастую сохраняют признаки наемной, вертикально организованной занятости. Согласно данным НИУ ВШЭ, рост занятости в креативных индустриях в Москве

¹ ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. «Креативный сектор России в цифрах: 2024» URL: <https://issek.hse.ru/news/996745368.html> (дата обращения: 23.07.2025)

² Вольная экономика. № 33, январь – март 2025 г. Стр. 102 – 109.

³ Справка: Образование и здравоохранение безусловно являются сферами, в которых важную роль играют знания и человек, но лишь часть этой занятости обладает признаками настоящего ароморфоза труда – высокой степенью автономии, смысловой мотивации и творческой свободы.

составил 24,4%, в Санкт-Петербурге – +10,7%, в городских округах с населением более 1 млн человек рост составил 9%, в менее урбанизированных территориях аналогичный показатель держался на уровне +3,9–4,5%¹.

Таким образом, текущая структура занятости демонстрирует дисбаланс между традиционной и креативной составляющей процесса труда. Российская экономика функционирует в рамках индустриально-рыночной модели развития, в которой креативность, знание и культура играют вспомогательную роль в процессе развития. Для запуска устойчивого механизма нооперехода необходимо не только количественное расширение занятости в креативных отраслях, но и качественная трансформация системы общественных отношений: снижение бюрократизации, развитие гибких форм занятости, поддержка автономии и междисциплинарного творчества.

Напрямую связанным с индикатором ароморфоза труда является показатель рутинности трудовых операций в экономике. Переход к ноономике невозможен без глубоких преобразований в структуре труда, прежде всего через вытеснение рутинных и повторяемых операций и замещение их когнитивной, творческой и кооперативной деятельностью.

Парадигма ароморфоза труда позволяет по-новому взглянуть на структуру занятости не только с точки зрения отраслей или уровня квалификации, но и с позиции характера трудовых задач. Можно выделить:

- рутинные ручные задачи (физически повторяющиеся действия (уборка, фасовка, станочная работа));
- рутинные когнитивные задачи (предсказуемые умственные действия (заполнение отчетов, проверка данных, ввод информации));
- нерутинные когнитивные задачи (анализ, планирование, работа с людьми, творчество);
- нерутинные физические задачи (взаимодействие с объектами в нестандартной среде (медицина, уход, ремонт)).

Для оценки структуры труда по типам задач в России можно обратиться к данным, представленным в следующих исследованиях. Это работа Е.А. Единак, где на основе отечественной статистики приводится структура занятости по уровням квалификации. По состоянию на 2017 год высококвалифицированные работники (менеджеры, специалисты) составляли лишь 31% рабочей силы (~ 22,5 млн. человек), среднеквалифицированные – 45%, низкоквалифицированные – 27%. Причем значительная доля работников сосредоточена в отраслях с высоким уровнем рутинности: торговля, обрабатывающее производство, услуги. Образование и здравоохранение, являющиеся опорными сферами ноономики, привлекают лишь около 30% высококвалифицированной занятости [Единак, 2021, с. 60].

Однако уровень квалификации лишь косвенный индикатор. Более глубокую картину дает исследование В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова, в котором был рассчитан интегральный индекс рутинности труда (Routine Task Intensity, RTI) на основе анализа 421 профессии. Результаты показывают, что суммарная доля рабочих мест, на которых преобладают рутинные операции, невелика и составляет немногим более одной десятой [Гимпельсон, Капелюшников, 2022, с 39].

¹ ИСИЭЗ НИУ ВШЭ «Креативный сектор в России демонстрирует концентрированный рост» URL: <https://issek.hse.ru/news/913623863.html> (дата обращения: 23.07.2025)

Однако это не означает автоматического доминирования креативного труда. Напротив, исследование показывает, что рутинные когнитивные функции сохраняют высокую долю в профессиях средней квалификации и особенно среди офисных служащих. У этой группы индекс рутинности приближается к +0,7, что делает их наиболее уязвимыми к автоматизации и одновременно наиболее отчужденными от задач развития.

В целом же, несмотря на рост уровня образования, структура задач в отечественной экономике по-прежнему остается преимущественно рутинной, и потому несовместимой с ценностной и функциональной логикой ноономики. Отсюда следует важный вывод: низкий формальный уровень рутинности (10–20%) не позволяет говорить о процессе ароморфоза труда, т.к. большая часть задач остаётся предсказуемой и подчиненной алгоритму, творческие аналитические функции не встроены в производственную культуру, рутинные действия выполняются в условиях организационной свободы и административного контроля.

Таким образом, для запуска механизма ароморфоза как системного процесса требуется увеличение доли занятости в отраслях с высокой когнитивной и креативной нагрузкой. Кроме того, необходимо снижать зависимость экономики от сфер с высокой повторяемостью задач (торговля, транспорт, низкоквалифицированные услуги). Эмпирически порог, необходимый для запуска механизма ароморфоза, может быть условно определен как достижение преобладания нерутинных когнитивных задач на уровне 50% работающего населения, с одновременным снижением роли рутинных когнитивных операций в офисной и административной сфере.

2. Новые формы занятости. Современный этап трансформации труда сопровождается не только изменением его содержания, но и сдвигом в организационных формах. Появление новых форм занятости (НФЗ) таких как самозанятость, фриланс, удаленная и гибкая работа, проектная занятость и т.д. отражает децентрализацию и индивидуализацию трудовой деятельности, повышает уровень автономии, расширяет пространство выбора и, потенциально, приближает труд к состоянию сотворчества.

В отличие от классического наемного труда, основанного на иерархии, подчинении и отчуждении, новые формы занятости позволяют работнику самостоятельно управлять содержанием, ритмом и масштабом своей деятельности. Именно этот сдвиг (от выполнения к инициированию, от приказа к проекту) делает их потенциальным маркёром ароморфоза труда. Как известно, в теории ноономики труд трактуется как внутренняя потребность, форма смыслового участия в обществе, а не только способ получения дохода. В новых формах занятости закладываются именно такие возможности.

Наиболее развитой формой в России стала самозанятость, оформленная в рамках специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД). По данным Федеральной налоговой службы, к марту 2025 года в стране было зарегистрировано 13,02 млн самозанятых¹. Прирост за год составил более 30%, что говорит об активном вытеснении трудовой активности из формального найма в сторону профессиональной автономии. Важно подчеркнуть, что большая часть самозанятых – это специалисты в области услуг, преподавания, цифрового консалтинга, дизайна и ремесленничества, то есть тех сфер, где доминирует знание, навык и индивидуальность.

¹ Русбейс (2025). ФНС: число самозанятых в России впервые превысило 13 млн человек. URL: <https://rb.ru/news/chislo-samozanyatyh-2025/> (дата обращения 17.06.2025).

Еще одной распространённой формой занятости является фриланс, представляющий собой внештатную, проектную и контрактную занятость. К 2023 году в России насчитывалось около 19 млн. человек, занятых в проектной и внештатной занятости, что составляет примерно 18 – 20% экономически активного населения¹. Фриланс особенно распространён в ИТ, дизайне, переводе, образовании и онлайн-услугах, что делает его важным индикатором гибкости и когнитивной направленности труда. Более того, именно фриланс представляет собой форму, близкую (но не являющуюся таковой в полном смысле) к логике самоорганизованного, творчески мотивированного труда, описываемого в пострыночных теориях.

Наконец, в условиях цифровизации и постпандемийной реструктуризации занятости активно развивается удаленная и гибкая форма труда. Согласно ВЦИОМ, в 2024 – 2025 гг. около четверти всех занятых в России имели опыт удаленной работы². Такие формы значительно расширяют индивидуальный контроль над рабочим временем, ритмом и содержанием деятельности, что усиливает субъектность и может рассматриваться как важный элемент ноономического уклада.

Однако важно подчеркнуть, что не вся новая занятость является прогрессивной содержательно. Например, так называемая платформенная занятость, хотя формально разрушает структуру традиционного найма, на деле остается высоко алгоритмизированной, отчужденной и рутинной. Работник в таких условиях подчиняется не начальнику, а алгоритму, не управляет результатом, а лишь исполняет задачу по жесткому регламенту. Это скорее цифровая форма рутинного, подчиненного труда, чем шаг к ноономике, и поэтому не может рассматриваться как проявление ароморфоза труда.

Кроме того, следует отметить, что не все новые формы занятости могут быть однозначно отнесены к проявлениям ароморфоза труда. Несмотря на внешнюю гибкость и цифровую природу, многие из них сопровождаются отчуждённостью, отсутствием институциональных гарантий, усилением контроля и ритмизации. Таким образом, часть этих форм носит гибридный характер: они совмещают элементы автономии с чертами цифровой рутины³. Это требует уточнения: в рамках ароморфоза труда релевантными могут считаться лишь те формы, которые обеспечивают субъектность, творческую самореализацию и смысловую мотивацию.

Таким образом, новые формы занятости, при сохранении определенных условий, могут выступать в качестве маркёров нооперехода, поскольку позволяют выйти за пределы вертикальной трудовой организации, повышают смысловую и содержательную насыщенность труда, создают основу для проектной, автономной и общественно-значимой деятельности.

3. Диффузия собственности. Диффузия собственности представляет собой появление и распространение новых форм собственности и совладения, таких как шеринг, квазичаст-

¹ Инклиент (2025). Сколько фрилансеров в мире? URL: <https://incli.ru/freelance-stats/> (дата обращения: 17.06.2025).

² ВЦИОМ (2025). Работа из дома как новая норма. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-iz-doma-kak-novaja-norma> (дата обращения: 17.06.2025).

³ Справка: В рамках исследования к автономным формам занятости относятся такие формы как: независимый фриланс, самозанятость в сфере интеллектуальных и профессиональных услуг, а также проектная занятость, предполагающая высокий уровень самостоятельности работника. Соответственно к псевдоавтономным (или квазиавтономным) формам занятости относятся платформенная занятость (курьеры, водители агрегаторов и др.), при которой формальная самостоятельность сочетается с высокой степенью алгоритмического и организационного контроля.

ные модели, платформенные формы и коллективные владения результатами интеллектуального труда. Данный индикатор позволяет зафиксировать сдвиги в системе общественных отношений, сопровождающие трансформацию труда в условиях нооперехода от индустриально-рыночной модели к пострыночной экономике.

Новые формы собственности создают принципиально иную «оболочку» трудовой деятельности. В условиях шеринговой и платформенной экономики труд все чаще осуществляется в рамках совладения результатами, коллективного использования ресурсов и soft-коллективизма. Это выражается, например, в распространении практик совместного владения интеллектуальным продуктом (open source), развитии модели совладения производственными средствами на платформах (например, краудфандинговые проекты) и увеличении доли шеринговых сервисов, где пользователи одновременно выступают и потребителями, и участниками процесса создания ценности. Таким образом, новые формы собственности способствуют расширению кооперативных практик, снижению степени отчуждения труда и усилению его смыслообразующей функции.

По данным РБК, в 2019 году объем российского рынка шеринг-экономики оценивался в 770 млрд. рублей¹. Наиболее активно развиваются сегменты каршеринга, краткосрочной аренды жилья и совместного использования техники, что отражает устойчивый интерес к совместным формам владения и использования ресурсов. Актуальные опросные данные, представленные в исследовании Tele2 и Mobile-Review показывают, что 57% россиян в возрасте 18 – 35 лет хотя бы раз пользовались шеринговыми сервисами, а 23% делают это регулярно². Эти показатели подтверждают постепенное формирование новой модели отношения к собственности, основанной на принципах совместного доступа, функционального использования и снижения эксклюзивности владения, что может рассматриваться как один из признаков институциональной трансформации условий труда в рамках нооперехода.

Дополнительным проявлением трансформации отношений собственности и организации труда выступают практики краудфандинга и краудлендинга, отражающие распространение моделей совместного участия в создании и финансировании проектов. Эти формы совладения ресурсами предполагают коллективное инвестирование, в ряде случаев – с распределением прав или доходов от результатов труда, что делает их релевантными для анализа стадийности нооперехода. По данным BusinesStat в период с 2020 по 2024 год оборот российского рынка краудфандинга вырос с 7 до 53 млрд рублей, увеличившись более чем в 7 раз³. Кроме того, по данным ЦБ РФ, в 2023 году через краудлендинговые платформы было привлечено более 22,8 млрд рублей, что подтверждает рост интереса к коллективным формам финансирования в реальном секторе экономики⁴.

Приведенные данные свидетельствуют о тенденции к распространению коллективных механизмов управления и распределения ресурсов, опосредующих труд и создающих но-

¹ РБК. Тренды (2020). Экономика шеринга в 30 цифрах и фактах. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ddbb3279a7947b01be74c19> (дата обращения: 25.06.2025).

² Mobile-reiew (2024). Интересная статистика о шеринговых сервисах в России от Tele2. URL: <https://mobile-review.com/all/news/interesnaya-statistika-o-sheringovyh-servisah-v-rossii-ot-tele2/> (дата обращения: 26.06.2025).

³ BusinesStat (2025). Анализ рынка краудфандинга в России в 2020-2024 гг, прогноз на 2025-2029 гг. (Демонстрация). С. 8. URL: https://businesstat.ru/images/demo/crowdfunding_russia_demo_businesstat.pdf (дата обращения: 24.06.2025).

⁴ Джетленд (2024). Статистика ЦБ по краудлендингу и краудфандингу за 2023 год. URL: <https://jetlend.ru/blog/v-2023-godu-rossijskie-kompanii-privlekli-cherez-kraudlending-22-8-mlrd-rublej-tsb/> (дата обращения: 21.06.2025).

вые институциональные формы взаимодействия субъектов. Таким образом, краудфандинг и краудлендинг могут рассматриваться как маркёры диффузии собственности и формирования soft-коллективистской логики в условиях трансформации.

Диффузия собственности в современных условиях фиксирует противоречивый характер процессов нооперехода. С одной стороны, рассмотрение шеринговых моделей и коллективного владения результатом труда создает предпосылки для формирования soft-коллективистских практик, способствующих развитию когнитивного сотрудничества. С другой стороны, многие платформенные модели сохраняют черты отчуждения труда: участники не получают права на результат своей деятельности и функционируют в рамках жестко регламентированных цифровых экосистем.

Таким образом, диффузия собственности может рассматриваться как значимый институциональный индикатор нооперехода, отражающий глубину и направленность трансформации отношений собственности и условий труда. Появление новых форм совладения и коллективного использования ресурсов свидетельствует о росте кооперативного характера труда и усилении когнитивной кооперации как предпосылок для формирования (пост)рыночного, ноономического уклада, в котором знание и результат интеллектуального труда рассматриваются как общие блага, а не как объект индивидуальной частной собственности.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ позволяет сделать обоснованные выводы о характере и степени выраженности ароморфоза труда в современной российской экономике в контексте определения потенциала для возможного нооперехода. Обозначенные индикаторы отражают ключевые направления трансформации трудовой сферы в (пост)рыночном контексте.

В целом, наблюдается наличие отдельных локальных сдвигов, соответствующих логике ароморфоза труда: растет доля занятости в креативных и проектных формах, увеличивается число самозанятых, расширяется присутствие сферы образования и ИТ в структуре труда, появляются новые формы собственности. Однако эти процессы пока не приобретают системного, институционально оформленного характера. Значительная часть экономики продолжает опираться на рутинный, стандартизируемый и отчужденный труд, особенно в секторах торговли, производства, транспорта и управления.

Главным ограничивающим фактором выступает структурная рассогласованность рынка труда и недостаточная, зачастую спорадическая государственная поддержка когнитивной, творческой и автономной занятости. Несмотря на количественные признаки сдвига, качественные параметры (смысловая насыщенность труда, степень свободы, интеграция в общественно значимую деятельность) остаются локально-фрагментарными. Это позволяет говорить лишь о начальной фазе нооперехода, в которой потенциал трансформации пока не реализуется в устойчивую модель развития.

В представленной ниже таблице 3 систематизированы ключевые выводы по каждому из рассмотренных индикаторов.

Авторы полагают, что для того, чтобы перейти от фрагментов к целостной модели ноономики, необходимо не только расширение занятости в творческих и креативных отраслях, но и трансформация целевой функции экономического развития на уровне государства. Речь идет о смене акцента с роста материального производства и прибыли на удовлетворение смысловых, общественно-значимых и духовных потребностей, что и составляет суть ноо-

Таблица 3
Итоговая оценка индикаторов в контексте нооперехода

Индикатор	Оценка
Знаниеёмкость труда	Доля знаниеёмких отраслей остается ограниченной. Есть очаги роста (ит, образование), но отсутствует системность.
Творческая составляющая труда	Доля креативной занятости увеличивается, но остается недостаточной. Основная структура преимущественно рутинна.
Рутинность труда	Высокий уровень рутинных задач в экономике. Автоматизация не сопровождается когнитивным переобучением.
Новые формы занятости	Быстро развиваются, но без достаточной правовой и институциональной опоры. Фиксируется противоречивость современных форм занятости по линии их реальной автономности.
Диффузия собственности	Происходит рост коллективных моделей владения (шеринг, крауд-фандинг), однако большинство платформенных практик сохраняют высокую степень отчуждения. Признаки институционального сдвига есть, но они пока фрагментны.

Источник: авторская разработка.

перехода. В этом контексте важно обратиться к концептуальной схеме стадий нооперехода, предложенной С.Д. Бодроновым, которая представлена на рисунке 3. Рисунок отражает логику глобального ноодвижения посредством шести ключевых параметров, каждый из которых позволяет оценить институционально и структурно глубину происходящих изменений.

Основные характеристики	Вектор глобального нооперехода как интервал ноодвижения и его содержание				
Ключевые этапы нооперехода	I	II	III	IV	V
МХУ	→	Интегральный			
ТУ	→	ТУ-VI	→	ТУ-VII	
Тип производства	→	знаниеинтен-сивное	→	нооинтенсивное (ноопроизводство)	→
Состояние МВФС	КЭФ	НС	НОО-МВФС		→
Тип общественного устройства	НИО	→	НИО.2	→	ноообщество
Системная трансформация	экономика		→	ноономика	

Примечание: «→» – символ переходного состояния; КЭФ = «конец эры финансиализации», НС = «нормальное состояние», «НИО» – новое индустриальное общество, «НИО.2» – новое индустриальное общество второго поколения; «ТУ» – технологический уклад, «МХУ» – мирохозяйственный уклад, «МВФС» – мировая валютно-финансовая система.

Рис. 3. Схема глобального нооперехода¹

¹ Источник: Бодронов С.Д. (2025). Теория ноономики и новый этап в развитии политической экономики // Вопросы политической экономики. № 2(42). С. 128–138.

Сопоставление представленных параметров с результатами проведенного авторами анализа позволяет формально определить текущее положение страны на траектории нооперехода.

1. Мирохозяйственный уклад (МХУ): Россия по-прежнему ориентирована на индустриально-сырьевой уклад с высокой степенью зависимости от ресурсного экспорта и внешнеэкономической конъюнктуры. Однако под воздействием санкционного давления и новой технологической изоляции происходят элементы трансформации. Это соответствует переходному состоянию МХУ ($\rightarrow$), характерному для II этапа нооперехода, где начинается отход от неолиберальной финансовой модели, но еще не сформирован интегральный уклад.

2. Технологический уклад (ТУ): на глобальном уровне современные передовые страны находятся в стадии подготовки к доминированию шестого технологического уклада, в рамках которого интеллект, наука и творческая деятельность становятся основными производительными силами, формируя новую структуру труда и модели организационного развития [Бодрунов, 2022, с. 42; Глазьев, 2023, с. 28 – 30]. В то же время, по данным академика Е.Н. Каблова, на 2023 год структура российской экономики демонстрирует доминирование технологий IV технологического уклада (около 50%), при этом доля V уклада составляет лишь около 10% и сосредоточена в ограниченных секторах – военно-промышленном комплексе и авиакосмической отрасли. Примерно треть технологий относится к III укладу¹. Это указывает на сохраняющееся технологическое отставание, не позволяющее в полной мере реализовать потенциал ароморфоза труда. Таким образом, Россия пока не завершила переход даже к доминированию V ТУ, что создает структурные ограничения для вхождения в фазу ноономики.

3. Тип производства: экономика преимущественно сохраняет индустриально-материальный тип производства, однако в отдельных секторах наблюдается рост знание-интенсивности (например, рост креативной экономики в системе общественного производства). Это указывает на начало смещения к знаниеинтенсивному производству, характерному для этапа II, с отдельными чертами III этапа (нооинтенсивность еще не достигнута).

4. Тип общественного устройства: несмотря на рост самозанятости, фриланса и цифровых профессий, Россия сохраняет логику вертикального управления, слабой субъектности труда, институционального контроля. Тем не менее, элементы НИО.2 начинают формироваться, особенно в мегаполисах (например, локализация креативных работников преимущественно в крупных городских агломерациях (около 80% занятых)). Это соответствует концу II этапа и началу III этапа.

5. Системная трансформация: целеполагание экономики по-прежнему ориентировано на рост показателя ВВП, добычу ресурсов и экспортные потоки. Категории «смысл», «развитие человека», «социальная справедливость» не встроены в систему ценностно-целевых показателей на уровне государственной стратегии развития. Поэтому можно утверждать, что Россия пока еще находится в фазе «экономики» как доминирующей формы системной организации, т.е. на рубеже II – III этапов.

¹ Наука и жизнь. Шестой технологический уклад. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (дата обращения: 23.07.2025).

Выводы

В итоге, объективно-научное осмысление и непосредственное обобщение полученных результатов исследования свидетельствует о формировании в российской экономике отдельных характеристик, присущих III этапу нооперехода (т.е. перехода к «человекоцентричной модели» развития, драйвером которой, по С.Д. Бодруну, выступает труд). К ним относятся: рост значения знаниеёмкого производства, увеличение доли интеллектуального труда и распространение новых форм занятости. Вместе с тем данные процессы носят фрагментарный и спорадический характер, а также не сопровождаются масштабной трансформацией отношений собственности и повсеместным распространением автономных форм организации труда. Авторы полагают, что именно сочетание сформировавшихся предпосылок следующего этапа развития с сохранением значительной роли традиционных социально-экономических отношений, позволяет в итоговой форме охарактеризовать современное положение России как промежуточное (переходное) между II и III этапами нооперехода.

Таким образом, переходное положение России в рамках обобщающей схемы глобального нооперехода означает, что страна преодолела исключительно индустриальный этап и вступила в зону смыслового и трудового трансформирования, однако пока без доминирования новых укладов. Настоящий момент можно охарактеризовать как «потенциальную зону нооперехода», где диалектические противоречия между старой и новой логикой развития уже явно выделены, но еще не «сняты».

Для перехода к следующему этапу требуется системная поддержка креативной и когнитивной занятости, институциональное оформление новых форм труда, переопределение целей развития в пользу человека, знаний и общественно значимого созидания. Лишь в этом случае ароморфоз труда перестанет быть фрагментом и станет структурным маркером будущей ноономики.

Список источников

- Архипова В. В. (2023). Интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход и развитие евразийского пространства. // Экономическое возрождение России. 2023. №1(75). С.15. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-35-49.
- Бегин А. (2024). Сколько фрилансеров в мире? // Инклиент. URL: <https://incli.ru/freelance-stats/> (дата обращения: 17.06.2025).
- Бодрун С. Д. (2019). Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. Т. 20, № 1. С. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1.
- Бодрун С. Д. (2022). От ноономики – к ноосфере? // Ноономика и ноообщество: альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 1, № 3, С. 36–47. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-36-47.
- Боос В. О., Куценко Е. С., Соломатин П. П., Шарапова А. С. (2024). Креативный сектор в России демонстрирует концентрированный рост. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/913623863.html> (дата обращения: 23.07.2025)
- Булавка-Бузгалина Л. А. (2021) Культура как рынок: «не продается вдохновение»? // Вопросы философии. № 3. С. 5–17.

- Бузгалин А. В., Колганов А. И. (ред) (2020). На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления. М.: ИНИР им. С. Ю. Витте. С. 490
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. (2022). Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д. А. Давыдова) // Социологические исследования. № 9. С. 100–109. DOI 10.31857/S013216250021070-0.
- Гимпельсон, В. Е., Капелюшников, Р. И. (2022). Рутинность и риски автоматизации на российском рынке труда. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. С. 44.
- Глазьев С. Ю. (2023). Перспективы развития России на длинной волне роста нового технологического уклада // VIII Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2023). С. 27–32. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-33-41
- Гречко М. В., Плешивцева А. А. (2024). О роли креативного работника в экономике XXI века // Вопросы политической экономии. № 3(39). С. 150–168. DOI: 10.5281/zenodo.13895711
- Гречко М. В., Севилян С. Э. (2023). Творческий труд в эпоху цифровой индустрии 4.0: марксистский подход. // Международный форум Kazan digital week – 2023. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54763197&pff=1> (дата обращения: 13.06.2025).
- Единак Е. А. (2021). Оценка полных затрат труда в российской экономике с учетом квалификационного уровня работников // Проблемы прогнозирования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-polnyh-zatrat-truda-v-rossiyskoy-ekonomike-s-uchetom-kvalifikatsionnogo-urovnya-rabotnikov> (дата обращения: 17.06.2025).
- ВЦИОМ (2025). Работа из дома как новая норма. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-iz-doma-kak-novaja-norma> (дата обращения: 17.06.2025).
- Джетленд (2024). Статистика ЦБ по краудлендингу и краудфандингу за 2023 год. URL: <https://jetlend.ru/blog/v-2023-godu-rossijskie-kompanii-privlekli-cherez-kraudlending-22-8-mlrd-rublej-tsb/> (дата обращения: 21.06.2025).
- ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. «Креативный сектор России в цифрах: 2024» URL: <https://issek.hse.ru/news/996745368.html> (дата обращения: 23.07.2025)
- Каблов Е. (2010). Шестой технологический уклад. Наука и жизнь. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (дата обращения: 23.07.2025).
- Рабочая сила, занятость и безработица в России 2024. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 15.06.2025 г).
- Макаренко Г. (2020). Экономика шеринга в 30 цифрах и фактах. РБК. Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ddbb3279a7947b01be74c19> (дата обращения: 25.06.2025).
- Струкова Е. (2025). ФНС: число самозанятых в России впервые превысило 13 млн человек. РБТочкаРУ. URL: <https://rb.ru/news/chislo-samozanyatyh-2025/> (дата обращения: 17.06.2025).
- Социально-экономическое положение России 2024 год. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf> (дата обращения: 15.06.2025 г).
- BusinesStat (2025). Анализ рынка краудфандинга в России в 2020-2024 гг, прогноз на 2025-2029 гг. (ДемOVERсия). С. 8. URL: https://businesstat.ru/images/demo/crowdfunding_russia_demo_businesstat.pdf (дата обращения: 24.06.2025).
- Петров М. (2024). Интересная статистика о шеринговых сервисах в России от Tele2. Mobile-Review.com. URL: <https://mobile-review.com/all/news/interesnaya-statistika-o-sheringovyh-servisah-v-rossii-ot-tele2/> (дата обращения: 26.06.2025).

- Ernst Ulrich von Weizsäcker, Anders Wijkman (2018). Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet / A Report to the Club of Rome. P. 220.
- Freeman A. (2020). Creative Labor, Mental Objects and the Modern Theory of Production. *Science & Society*, 84(4). P. 26
- Joseph E. Stiglitz, Amartya Sen and Jean-Paul Fitoussi (2009). Mismeasuring our lives: why GDP doesn't add up. URL: <https://www.iep.ru/en/press/book/2015/mis-measuring-our-lives-why-gdp-doesn-t-add-up.html> (дата обращения: 15.06.2025).

References

- Arkhipova V. V. (2023). Integration Processes in the Global Economy: A Noosphere Approach and the Development of the Eurasian Space. *Economic Revival of Russia*. Vol. 75. No. 1. P. 15. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-35-49. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2019). Noonomy: Conceptual Foundations of a New Development Paradigm. *Bulletin of the Ural State Economic University*. Vol. 20. No. 1. Pp. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2022). From Noonomy to Noosphere? *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 3. Pp. 36–47. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-36-47. (In Russ.).
- Bulavka-Buzgalina L. A. (2021) Culture as a Market: “Is Inspiration Not for Sale”? *Questions of Philosophy*. No. 3. Pp. 5–17. (In Russ.).
- Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (Eds.). (2020). *On the Way to Noonomy: Man, Technology, and Society in the Space of Associated Production and Consumption*. Moscow: S. Y. Witte INID. 490 p. (In Russ.).
- Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2022). Capitalism, Post-Capitalism, and the Creative Revolution (Critical Reflections on D. A. Davydov's Article). *Sociological Studies*. No. 9. Pp. 100–109. DOI 10.31857/S013216250021070-0. (In Russ.).
- Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. (2022). *Routine and Risks of Automation in the Russian Labor Market*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 44 p. (In Russ.).
- Glazyev S. Y. (2023). Prospects for the Development of Russia in the Long Wave of Growth of the New Technological Order. In: *8th St. Petersburg International Economic Congress (SPEC-2023)*. Pp. 27–32. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-33-41. (In Russ.).
- Grechko M. V., Pleshivtseva A. A. (2024). On the Role of the Creative Worker in the Economy of the 21st Century. *Problems of Political Economy*. Vol. 39. No. 3. Pp. 150–168. DOI: 10.5281/zenodo.13895711. (In Russ.).
- Grechko M. V., Sevikyan S. E. (2023). Creative Labor in the Era of Digital Industry 4.0: A Marxist Approach. *International Forum Kazan Digital Week 2023*. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54763197&pff=1> (Access date: 13.06.2025). (In Russ.).
- Edinak E. A. (2021). Assessment of Total Labor Costs in the Russian Economy Considering the Qualification Level of Workers. *Studies on Russian Economic Development*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-polnyh-zatrat-truda-v-rossiyskoy-ekonomike-s-uchetom-kvalifikatsionnogo-urovnya-rabotnikov> (Access date: 17.06.2025). (In Russ.).
- BusinesStat (2025). Analysis of the Crowdfunding Market in Russia in 2020-2024, Forecast for 2025-2029. (Demo). *BusinesStat*. 8 p. URL: https://businessstat.ru/images/demo/crowdfunding_russia_demo_businessstat.pdf (Access date: 24.06.2025). (In Russ.).

- Boos V. A., Kutsenko E. S., Solomatin P. P., Sharapova A. S. (2024). Creative Sector in Russia Demonstrates Concentrated Growth. *ISSEK HSE*. URL: <https://issek.hse.ru/news/913623863.html> (Access date: 23.07.2025). (In Russ.).
- Begin A. (2024). How Many Freelancers Are There in the World? *Inclient*. URL: <https://inclient.ru/freelance-stats/> (Access date: 17.06.2025). (In Russ.).
- n. a. (2024). Creative Sector of Russia in Numbers: 2024. *ISSEK HSE*. URL: <https://issek.hse.ru/news/996745368.html> (Access date: 23.07.2025). (In Russ.).
- n. a. (2024). Central Bank Statistics on Crowdfunding for 2023. *Jetland*. URL: <https://jetlend.ru/blog/v-2023-godu-rossijskie-kompanii-privlekli-cherez-kraudlending-22-8-mlrd-rublej-tsb/> (Access date: 21.06.2025). (In Russ.).
- n. a. (2024). Labor force, Employment and Unemployment in Russia: 2024. *Rosstat*. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (Accessed 15.06.2025). (In Russ.).
- Petrov M. (2024). Interesting Statistics on Sharing Services in Russia from Tele2. *Mobile-Review.com*. URL: <https://mobile-review.com/all/news/interesnaya-statistika-o-sheringovyh-servisah-v-rossii-ot-tele2/> (Access date: 26.06.2025). (In Russ.).
- Makarenko G. (2020). Sharing Economics in 30 Figures and Facts. *RBC Trends*. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ddbb3279a7947b01be74c19> (Access date: 25.06.2025). (In Russ.).
- Strukova E. (2025). FTS: the Number of Self-Employed in Russia for the First Time Exceeded 13 Million People. *Russian Business*. URL: <https://rb.ru/news/chislo-samozanyatyh-2025/> (Access date: 17.06.2025). (In Russ.).
- Kablov E. (2010). Sixth Technological Paradigm. *Science and Life*. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (Access date: 23.07.2025). (In Russ.).
- n. a. (2024). Socio-economic Situation in Russia: 2024. *Rosstat*. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf> (Access date: 15.06.2025). (In Russ.).
- n. a. (2025). Working from Home as the New Normal. Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-iz-doma-kak-novaja-norma> (Access date: 17.06.2025). (In Russ.).
- von Weizsäcker E. U., Wijkman A. (2018). *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. A Report to the Club of Rome. 220 p.
- Freeman A. (2020). Creative Labor, Mental Objects and the Modern Theory of Production. *Science & Society*. Vol. 84. No. 4. P. 26
- Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J. P. (2009). *Mismeasuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up*. URL: <https://www.iep.ru/en/press/book/2015/mis-measuring-our-lives-why-gdp-doesn-t-add-up.html> (Access date: 15.06.2025).

Информация об авторах

Гречко Михаил Викторович

Доцент института туризма, сервиса и креативных индустрий Южного федерального университета, кандидат экономических наук, доцент (344006, РФ, Ростовская обл., Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42)

E-mail: mvgrechko@inbox.ru

Ванян Алина Левоновна

Студентка института туризма, сервиса и креативных индустрий Южного федерального университета (344006, РФ, Ростовская обл., Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42)

E-mail: alinawvait@yandex.ru

Information about the authors

Mikhail V. Grechko

Assistant Professor, Institute of Tourism, Service, and Creative Industries, Southern Federal University; Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (105/42 Bolshaya Sadovaya ul., Rostov-on-Don, Rostov Oblast, 344006, Russia)

E-mail: mvgrechko@inbox.ru

Alina L. Vanyan

Student, Institute of Tourism, Service, and Creative Industries, Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya ul., Rostov-on-Don, Rostov Oblast, 344006, Russia)

E-mail: alinawvait@yandex.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-80-97

Г.А. Маслов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ИСТОКИ НООПЕРЕХОДА: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЯ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Аннотация: статья посвящена исследованию социально-экономической модернизации Китая конца XX-начала XXI вв., неразрывно связанной с проведением реформ, начавшихся в 1978 г. Рассматриваемый временной промежуток охватывает три этапа, и завершается в конце 2000-х годов, когда Поднебесной в целом удалось решить поставленные Коммунистической партией задачи комплексной индустриализации, формирования основ «социалистической рыночной экономики», укрепления позиций на мировом рынке, перехода в категорию стран со средним уровнем развития. Отмечаются постепенность и последовательность проведенных реформ, открытость к изучению мирового опыта, отказ от теоретического догматизма и практико-ориентированный исследовательский подход, что способствовало достижению рекордных темпов экономического роста, хотя и с последствиями в виде ряда социальных проблем (таких, как рост неравенства, экологической нагрузки и др.). В качестве основных экономико-политических механизмов модернизационного проекта стоит выделить сбалансированное применение инструментов государственного планирования, селективного регулирования, а также построение институциональной среды с особой ролью неформальных институтов (особенно это касается опоры на морально-нравственные принципы конфуцианства). Показано, что данный опыт при всей своей исторической специфике может быть востребован и в наше время для решения задач догоняющего развития. Идеолого-теоретическая основа реформ пересекается с современными концепциями, развиваемыми в России и, в частности, с положениями теории ноономики. Это касается прежде всего принципов социализации общественных отношений, диффузии собственности, а также отхода от западноцентричной модели индивидуализма.

Ключевые слова: социализм с китайской спецификой, социалистическая рыночная экономика, государственное планирование, селективное регулирование, индустриализация, общество средней зажиточности, конфуцианство, ноономика

Для цитирования: Маслов Г.А. (2026). Истоки нооперехода: опыт социально-экономической модернизации Китая конца XX – начала XXI вв. // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 5, № 3. С. 80–97. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-80-97

Gleb A. Maslov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

THE ORIGINS OF NOOTRANSITION: THE EXPERIENCE OF SOCIO-ECONOMIC MODERNIZATION IN CHINA IN THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Abstract: The paper examines the socio-economic modernization of China in the late 20th and early 21st centuries, which is inextricably linked to the reforms initiated in 1978. The period under consideration spans three stages and concludes in the late 2000s, when the country largely succeeded in achieving the comprehensive industrialization goals set by the Communist Party, establishing the foundations of a “socialist market economy”, strengthening its position in the global market, and transitioning into the category of middle-income countries. The reforms are characterized by gradualism and consistency, openness to studying international experience, a rejection of theoretical dogmatism, and a practice-oriented research approach, which together fostered record rates of economic growth, albeit accompanied by several social issues (such as rising inequality, increasing environmental pressure, etc.). The principal economic and political mechanisms of the modernization project include the balanced application of state planning instruments, selective regulation, and the construction of an institutional environment where informal institutions play a special role (notably reliance on the moral and ethical principles of Confucianism). It is demonstrated that, despite its historical specificity, this experience remains highly relevant today for addressing the challenges of catch-up development. The ideological and theoretical foundation of the reforms intersects with contemporary concepts developed in Russia, in particular with the tenets of noonomy theory. This convergence relates primarily to the principles of socializing public relations, the diffusion of property ownership, and a shift away from the Western-centric model of individualism.

Keywords: socialism with Chinese characteristics, socialist market economy, state planning, selective regulation, industrialization, moderately prosperous society, Confucianism, noonomy.

For citation: Maslov G. A. (2026). The Origins of Nootransition: The Experience of Socio-Economic Modernization in China in the Late 20th – Early 21st Centuries. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 3, pp. 80–97. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-80-97

马斯洛夫G. A.

莫斯科大学(俄罗斯, 莫斯科)

智慧型转型的源头:20世纪末至21世纪初中国社会经济现代化的经验

摘要: 本文的研究课题是20世纪末至21世纪初中国的社会经济现代化进程。这一进程开始于1978年启动的改革。所考察的时间段涵盖三个阶段,截止到21世纪初。此时,中国总体上已成功完成了中国共产党提出的全面工业化、建立社会主义市场经济基础、巩固国际市场地位,以及跻身中等收入国家

关键词:具有中国特色的社会主义、社会主义市场经济、国家计划、选择性监管、工业化、中等富裕社会、儒家思想、智慧型经济。

引用注释: 马斯洛夫G. A. (2026). 智慧型转型的源头:20世纪末至21世纪初中国社会经济现代化的经验//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 3, pp. 80-97. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-80-97

Современный мир переживает интенсификацию трансформационных процессов на различных уровнях. Это касается, в том числе, изменений в расстановке сил, международной специализации, движении цепочек товаров на глобальном рынке, что выливается в обострение конфликтов, рост протекционизма и геополитическую напряженность. Во многом связанным с этим процессом является технологический переход, состоящий в стремлении ведущих стран быстрее конкурентов освоить и внедрить в производство новые технологии, относящиеся к четвертой промышленной революции, шестому технологическому укладу. Однако и менее развитые страны оказываются в водовороте данных трансформационных процессов, что дополнительно актуализирует проблему формирования новых программ развития, нацеленных на реализацию комплексной модернизации хозяйственной системы.

В рамках данного материала будет рассмотрен опыт китайской модернизации конца XX – начала XXI вв. В течение этого периода Поднебесная осуществила мощный модернизационный рывок, обеспечив рекордные темпы экономического роста (с 1980 по 1989 гг. средний темп роста ВВП составил 9,69 %, с 1990-го по 1999-й – 10,01 %, с 2000-го по 2009-й – 10,36 %¹), став ведущей индустриальной державой и глубоко интегрировавшись в мировой рынок. Условия реализации модернизационного проекта в Китае были весьма специфичны. Тем не менее, изучение данного опыта представляется очень востребованным и в наше время для развивающихся и среднеразвитых стран как с теоретической, так и практической точек зрения, поскольку он затрагивает множество аспектов трансформационного перехода экономической системы. В частности, иллюстрируется эволюция принципов государственного вмешательства в экономику, развитие межотраслевых связей, различное соотношение плана и рынка, специфическая роль идеологических, институциональных факторов. Подобный перечень можно продолжать. Кроме того, при изучении развития современного

¹ По данным Всемирного банка: <https://www.worldbank.org/>. Вместе с тем нужно отметить, что по мере «орыночничивания» экономики и ранее существовавшее производство становится «виднее» при расчете ВВП, что фактически может несколько завышать показатели реального роста.

Китая, которое в наши дни, безусловно, востребовано, важно обращаться к опыту Поднебесной конца XX – начала XXI вв., так как именно в это время были заложены основные принципы государственного управления экономикой.

Идеолого-теоретические основы китайских реформ

Начало реформ в конце 1970-х гг. было обусловлено множеством как объективных, так и субъективных факторов. После Второй мировой войны, нового кульминационного витка Гражданской войны, завершившейся провозглашением Китайской народной республики в 1949 г., материальное положение страны находилось на крайне низком уровне, Китай был одной из беднейших стран мира. Ставя задачи перехода на качественно новый этап развития, руководство Китая во главе с Мао Цзэдуном значительным образом вдохновлялось советским опытом индустриализации с «опорой на собственные силы» со значительной степенью изоляции от внешнего мира. Начали создаваться новые отрасли тяжелой промышленности. При ряде достижений в ходе курса на индустриализацию, например, таких как успешное испытание водородной бомбы в 1967 г., запуск спутника в 1970 г., введение первых мер социальной поддержки из общественных фондов потребления (хотя носивших очень ограниченный объем и затрагивавших узкую прослойку населения), модернизационный проект не удалось осуществить в сбалансированном виде. Впоследствии получившие свою характеристику в самом Китае как «левацкие перегибы», осуществленные в ходе политик «большого скачка» и культурной революции, привели к массовому голоду, высоким показателям экстремальной бедности, подрыву экономического и научного потенциала страны. В наиболее тяжелом положении оказалась деревня при доле сельского населения в стране на уровне около 85 % [Ху Аньган, 2005, с. 52]. Явным образом назрела потребность в изменении экономико-политического курса.

Низкий изначальный уровень жизни населения, с одной стороны, давал простор для решительного претворения реформ в жизнь (образно говоря, нечего терять). С другой стороны, руководство страны опасалось стремительного внедрения рыночных отношений из-за рисков политической турбулентности. Это предопределило плавность, растянутость реформ во времени. Важно также отметить принадлежность Дэна Сяопина к поколению революционеров, что, как показывает мировая история, является фактором, сдерживающим радикализм политических изменений. Коммунистическая партия Китая еще в трудные для себя и для страны в целом 1930-е годы, будучи изолированной от крупных городов (с минимальной возможностью влияния на крайне малочисленный рабочий класс), находила свою социальную опору в первую очередь не на классовой основе, а в широкой «национально-освободительной» консолидации страны, общенациональной мобилизации [Виноградов, 2010]. Назревшие идеологические и экономические меры не вступали в противоречие с идеями сильного государственного патернализма. Более того, отмечается имперский характер модернизации Китая с заимствованием ряда институциональных форм из прошлых столетий своей истории [Jiang, 2023]. Политически яркое звучание приобрели выдвинутые партией «четыре принципа»: сохранение приверженности социалистическому пути, руководящая роль КПК, марксизм-ленинизм (с декларированием положения о диктатуре пролетариата), идеи Мао Цзэдуна (при критике его отдельных подходов и политических практик) [Виноградов, 2010].

Акцент в марксизме делался на историческом материализме, соотношении производительных сил и производственных отношений, определяющим степень обобществления

производства, а также на принципе «практика – критерий истины». Это стало основанием нового подхода экономического прагматизма, развиваемого Дэном Сяопином, отказа от удерживания себя в рамках каких-либо жестких теоретических схем в пользу практико-ориентированного подхода в экономической мысли [Виноградов, 2008]. При сохранении принципа «опоры на собственные силы» и уважительному обращению к разным вехам собственной истории быстро развивалось изучение зарубежного опыта: от практик СССР, традиционно служившего ориентиром для Китая до опыта Восточной Европы и капиталистических восточноазиатских стран. Обосновывалась необходимость собственного пути развития в силу невозможности воспроизвести модернизационный проект западного образца и, в том числе, ограниченность как неолиберализма, так и позднесоветской модели [Борох, Ломанов, 2024].

Главным же поворотным моментом в идеолого-теоретической базе реформ можно назвать иную трактовку социалистического пути развития. Сущностным критерием социализма стало выделение развития производительных сил, подъем уровня жизни населения. Основной задачей государства в период реформ становится переход к обществу средней зажиточности (сяокан). Планирование и рынок в результате понимаются не как сущностные характеристики экономической системы, а лишь как инструменты экономической политики, которые могут действовать в разных системах. Как писал Дэн Сяопин, «преобладание плана или рынка не являются сущностными критериями разграничения капитализма и социализма. Плановая экономика не тождественна социализму, при капитализме также имеется планирование; рыночная экономика не тождественна капитализму, при социализме также есть рынок. План и рынок — все это экономические меры (Цит. по [Кафырин, 2012, с. 69])». Этот подход заложил основу для последующей оценки китайской модели как социалистической, и, соответственно, модернизация также характеризуется как социалистическая [Losurdo, 2017; Jian, 2025]. Критерием социализма в данном случае выделяется политическая власть Коммунистической партии, направляющей функционирование разнообразных форм экономических отношений в интересах всего населения. В 1979 г. Дэном Сяопином было сформулировано понятие «модернизация китайского типа», в 1982 г. «строительство социализма с китайской спецификой». При этом отмечалось, что в ходе данного строительства предстоит пройти длинный путь (продолжительностью до 100 лет), поскольку требуется еще много времени для достижения достаточно высокого уровня развития производительных сил [Феоктистов, Цыплаков, 2008; Борох, Ломанов, 2024].

Одним из столпов «китайской специфики» в данной модели явилось постепенное возрождение древнекитайских культурных традиций, что впоследствии стало важной институциональной частью проводимых реформ¹. Помимо философско-религиозных истоков в даосизме и буддизме особое место заняло конфуцианство, в годы культурной революции получавшее ярлык «феодалного хлама». В противовес западному индивидуализму Китай выражал собой общество, основанное на коллективистском мышлении с упором на чувстве долга, взаимной ответственности, гармоничном и доверительном отношении между людьми. Как и в других восточноазиатских странах, осуществивших модернизационный рывок, население демонстрировало высокий уровень трудоголизма, старательности, хо-

¹ Стоит отметить, что национальная консолидация, как составляющая модернизационного проекта, проявила себя и в значительном деятельном соучастии китайской зарубежной диаспоры в проводимых государством проектах.

зайственности. В рамках конфуцианской философии культ семейственности с почитанием старших отразился и в мощном государственном патернализме с приоритетностью интересов государства. Вместе с тем на чиновничество накладывается обязательство следования высоким моральным нормам, заботы о населении как о собственных детях. Конфуцианство также исторически задает рамки меритократии, почтения к образованности, высокой квалификации государственных служащих с предварительным жестким отбором на руководящие посты [Орехов, Решетнева, 2004; Буров, 2011]. Нужно отметить, что апелляции к добродетелям, моральным нормам по своему характеру связаны с построением неформальных связей внутри общества. При всех издержках недостатка формальных правил, данные неформальные отношения позволяли закрывать «управленческие дыры», особенно на местах, которые возникали вследствие пусть и постепенных, но значительных политических изменений в условиях огромной страны. Таким образом, возрождение культурных традиций послужило становлению формальных и неформальных институтов, сочетавшихся с провозглашаемыми принципами марксизма, национального возрождения и практикой экономических реформ. В Китае, возможно, как ни в какой другой крупной стране, данные факторы, лежащие вне непосредственно экономического базиса, оказали существенное влияние на реализацию модернизационного проекта.

В настоящее время при осуществлении модернизационного проекта в других отстающих странах важнейшими шагами так же является формирование прочных идеолого-теоретических основ реформ вместе с построением институционального «скелета», поскольку в противном случае даже грамотно составленная на бумаге программа социально-экономических преобразований рискует провалиться в своей реализации. Большой практический потенциал в данном случае приобретает политическая экономия. Она предполагает комплексный подход, позволяющий раскрыть сложный характер взаимосвязей на разных уровнях экономической системы и, что особенно важно в периоды глобальных трансформаций, прослеживает историческую логику развития социально-экономических процессов (последний аспект, прежде всего, относится к марксистскому историческому материализму, диалектике производительных сил и производственных отношений).

Стоит отдельно выделить подход современного исследователя С.Д. Бодрунова, автора теории ноономики, где в развитие данного марксистского подхода выражается ведущая трансформационная роль материального фактора научно-технического прогресса [Бодрунов, 2024]. В данном случае имеет место тесное пересечение с идеолого-теоретической базой китайских реформ, где отправной точкой так же стало выделение марксистской связи производительных сил и производственных отношений, во многом определяющей специфический набор экономико-политических мер в конкретных исторических условиях. Кроме того, в рамках теории ноономики показана логика социализации общественных отношений, диффузии форм собственности как объективное следствие развития системы производства. Хотя китайские реформы претворялись в жизнь в условиях изначально довольно отсталой технологической базы, ход их развития явил миру образ будущего в виде интегральной модели, в котором сбалансированы плановые и рыночные начала, различные формы собственности, и которая содержит в себе потенциал осуществления динамичного нооперехода. Наконец, следует сказать о ноо-критериях разумности и гармоничности развития, где человек выступает не «эгоистичным» индивидуумом, замкнутым на максимизации личного материального потребления, а частью общности, формирующей более ши-

рокий набор целей. Эти критерии близки к указанным конфуцианским принципам, и, как показал рассмотренный китайский опыт, они не являются абстрактными и оторванными от практики «надстроечными» элементами, а способны быть прочными институциональными факторами, прямо влияющими на эффективность экономического воспроизводства.

Основные этапы реализации модернизационного проекта

Первый этап реформ, как правило, относят к 1978-1984 гг. [Гельбрас, 2009; Кафырин, 2012]. В этот период государство поставило цель окончательно ликвидировать отголоски культурной революции и, что естественно в условиях отраслевого доминирования сельского хозяйства, начать реформы с аграрного сектора. Был осуществлен роспуск коммун, при сохранении государственной собственности крестьяне получили возможность распоряжаться своими земельными участками, стал создаваться товарный рынок сельхозпродукции. Институциональной основой производства стали семейный подряд и поселково-волостные предприятия с коллективными отношениями собственности, включающие, в том числе, взносы населения в «общую кассу», деревенские управленческие комитеты. Государство стимулировало развитие села повышением закупочных цен, поддержкой процессов специализации и механизации села, становлению смежных с сельским хозяйством производств. В результате поселково-волостные предприятия быстро стали ключевым звеном национальной экономики (к началу 1990-х годов они обеспечивали 40 % всего объема промышленного производства и экспорта Китая, не говоря о ведущей роли кормилицы страны продуктами питания) [Круглова, 2020]. В городе же начали осуществляться лишь первые эксперименты по расширению самостоятельности и самоуправлению госпредприятий, а также созданию специальных экономических зон.

Важнейшей составляющей начального этапа реформ стала децентрализация бюджетной сферы, рост полномочий региональных властей при следовании общенациональным рамкам развития в рамках пятилетних планов (после паузы в первые годы реформ они были восстановлены с 1981 г.). Субсидии из центра направлялись на главные инфраструктурные проекты и покрытие дефицитов региональных бюджетов (при контроле обоснованности их возникновения). Вместе с тем еще не сформировались четкие регламенты сборов и исполнения бюджетов. Большим положительным эффектом децентрализации бюджетной политики стал рост оперативности управления и стимулов развития на местах с учетом региональной специфики. Однако возникли и новые проблемы, связанные со снижением поступлений в федеральный бюджет, а также межрегиональной борьбой за «выбивание» дополнительных ресурсов из центра в условиях недостатка законодательной основы, строгих принципов распределения средств [Кадочников, 2016]. При этом стоит отметить, что даже при маоистской модели сверхцентрализма в силу больших масштабов страны и национальной управленческой специфики де-факто заметные властные полномочия долго оставались на местах. Кроме того, оказался растянутым процесс огосударствления производства. Тем самым институты регионального управления сохранили свои традиции, их не пришлось создавать с нуля. Как отмечалось выше, реализация программы реформ носила постепенный характер, многие меры растягивались во времени и масштабировались после апробации в отдельных пространствах экономической системы. Госкомитет по структурным экономическим реформам возник в 1982 г., лишь со временем получив полномочия, соответствующие уровню министерства [Чубаров, 2024].

Второй этап (1984 – 1991 гг.) характеризуется ускорением внедрения реформ, прежде всего, в городе. В то же время они по-прежнему носили постепенный характер. Лозунгом этого времени стал принцип «план – главное, рынок – вспомогательное» [Гельбрас, 2009]. Госплан, который объединили с Государственным комитетом по экономике, все больше занимался индикативным планированием с макроэкономическим регулированием, и, соответственно, меньше директивным. Так, в 1984 г. 80 % промышленной продукции создавалось в рамках директивного планирования, а в 1992 г. этот показатель уменьшился до 16 % [Реформы, 2000, с. 13-14]. По сравнению с предыдущим периодом государство больше переключилось на развитие промышленности и урбанизации. Помимо изменений в направлении финансовых ресурсов, это проявлялось в ослаблении ограничений миграции из деревни в город.

Постепенно происходили либерализация цен, сокращение общественных фондов потребления с переходом к большей самостоятельности предприятий и передачей их в частные руки. Реформы начались с возможности продавать сверхплановую продукцию на рынке со все большим переходом на принципы самофинансирования (при этом в крупной промышленности такие меры вводились позже, чем в мелкой и средней), самостоятельно распоряжаться премиальными фондами. Параллельно с этим формировались различные пространства с точки зрения правил ценообразования. В одних сегментах цены по-прежнему устанавливались директивно, в других, при закреплении «исходной» цены, допускалось ее изменение вследствие колебаний спроса и предложения в рамках определенного коридора (около 20 %), в-третьих, формировалось свободное рыночное ценообразование. Большой государственный контроль над ценами сохранялся в социально-значимых областях, а также в ресурсных секторах с целью сдерживания роста издержек и инфляции предложения.

Таким образом, рынок стал проникать в хозяйственную жизнь Китая очень «дозированно» и при взаимном согласовании изменений на разных уровнях экономической системы. Такая же осмотрительность проявлялась и при начале разгосударствления собственности с целью повышения эффективности управления предприятиями. Опасаясь неэффективности контроля над производством частным собственником в развивающемся рынке, государство предварительно «подготавливало» предприятие. В частности, проводилось размещение акций для привлечения дополнительных денежных ресурсов при продолжительном сохранении государством контрольного пакета акций, осуществлялось техническое обновление производства, развивались институциональные инструменты интеграции предприятия в рынок и пр. Тем самым процесс разгосударствления экономики шел плавно путем постепенной передачи фактических полномочий управляющим предприятиями при одновременной их модернизации и возвращении новых ниш функционирования [Федоровский, 2003; Пивоварова, 2011].

Более быстро осуществлялись проекты по созданию специальных экономических зон в прибрежных районах с привлечением иностранного капитала. Тем самым закладывался большой экспортный потенциал страны через морскую торговлю, а также реализовывалась политика по выделению регионов-локомотивов национальной экономики в силу невозможности обеспечения высокой динамики развития повсеместно. В целом укреплялись связи с зарубежными контрагентами с изучением международного опыта ведения хозяйственной деятельности.

В данный период реформ государство активно наращивало бюджетные расходы, стимулируя развитие промышленности, быстро увеличивая денежную массу в условиях изначально очень низкой степени монетизации экономики. Поскольку уже происходила либерализация цен, рост объема денег не приводил к товарному дефициту, как это было в СССР. Возникла обратная проблема, характерная уже для рыночных экономик, – рост инфляции. Это иногда приводило к отклонениям от устойчивого роста¹, к вызовам политической системе, однако в целом государству удавалось предотвращать крупные макроэкономические дисбалансы путем временного внедрения мер по охлаждению экономики. Кроме того, доверие населения к денежной политике и возможность откладывать средства на покупку товаров длительного пользования (тем самым сдерживался перегрев со стороны текущего спроса) дали дополнительный положительный эффект. Можно говорить об одновременном стимулировании и спроса и предложения, однако основной упор, безусловно, делался на втором. К числу конкретных механизмов относились девальвация юаня для поддержки экспорта, стимулирование как бюджетными, так и кредитно-денежными инструментами (прежде всего дешевые целевые кредиты) инвестиций, что привело к стабильно высокой и со временем растущей норме накопления (в 1986 – 2000-е годы доля инвестиций в ВВП составляла более 30 %, в 2003-м – 48 %, в 2007-м – 55 % [Гельбрас, 2009, с. 77]).

1990-е годы ознаменовались существенным ускорением либерализации экономики с продолжением интенсификации развития промышленности. Поворотным моментом можно назвать 1992 г. с провозглашением Цзян Цзэминем лозунга о становлении «социалистической рыночной экономики». Усилилась экспортная ориентация, интенсифицировались потоки зарубежных инвестиций, внутренней миграции при более гибком рынке труда. Официальная теоретическая установка состояла в соединении опыта капитализма и социализма (преимущественно советского типа) с выдвижением основного критерия успешности государственной политики в виде «трех полезностей» – развитие производительных сил, укрепление мощи государства, повышение уровня жизни населения. Подчеркивался приоритет развития гибкой и практико-ориентированной экономической мысли. Как видно, классовые аспекты марксистского учения в рамках официального дискурса не выделялись. При этом стали озвучиваться новые тезисы о важности построения гармоничного общества, поддержки занятости, деревни, развития соцподдержки [Пивоварова, 2011].

Одним из ключевых направлений либерализации стала трансформация институтов собственности, планирования и налогообложения. Работа подразделений бывшего Госплана, ранее объединенного с Государственным комитетом по экономике, ограничивалась разработкой средне- и долгосрочных планов социально-экономического развития, а также согласованием строительства крупных инфраструктурных объектов, в то время как подразделения Госэконома отвечали за выполнение и корректировку ежегодных показателей, контролировали реализацию утвержденных проектов. Продолжалось снижаться значение прежнего «штаба реформ» – Госкомитета по структурным экономическим реформам. Вместе с существенным сокращением штата он был преобразован в консультативный орган, осуществляющий исследовательские функции [Чубаров, 2024]. В целом директивное планирование стало утрачивать свое значение, в то время как расширялись механизмы ин-

¹ Так, в 1989 г. рост ВВП составил скромные по китайским меркам 4,2 %, в 1990-м году 3,94 %. По данным Всемирного банка: <https://www.worldbank.org/>.

дикативного планирования и макрорегулирования. В том числе в 1994 г. кардинальным образом были сокращены практики директивного планирования внешней торговли.

Как было отмечено выше, процесс передачи предприятий в частные руки происходил постепенно с осуществлением предварительных «подготовительных мероприятий», распространённым практикам акционирования. С 1978-го по 1998-й гг. доля частного сектора в ВВП выросла с 0,9 % до 25 %. В течение периода реформ (включая 2000-е годы) государство сохранило за собой почти полный контроль в стратегически важных отраслях: транспорте, энергетике, химической промышленности, металлургии. Земля всегда оставалась в руках государства. Более половины производств с государственной собственностью сохранилось в строительстве и машиностроении. Разнообразные формы государственного контроля преимущественно сохранились и в банковской сфере. Следует при этом отметить, что только в 1999 г. в Конституцию были внесены поправки о том, что частный сектор также является «важной частью социалистической рыночной экономики» [Реформы, 2000, с. 13]. В 1994 г. активизировалась приватизация поселково-волостных предприятий. Был полностью легализован рынок ценных бумаг, активно формировался частный сектор в сфере услуг (гостиницы, рестораны и пр.). По мере развития разгосударствления производства актуализировалась проблема собираемости налогов, что стало предпосылкой унификации налоговых режимов, проведения налоговой реформы в 1994 г. Стоит также отметить, что в рамках этой реформы с целью сглаживания регионального неравенства по мере развития рынка примерно в полтора раза выросло соотношение федерального и регионального бюджетов в пользу первого [Кадочников, 2016, с. 116].

Продолжался курс на плавную по времени, но качественно радикальную либерализацию цен. Если в 1992 г. около половины цен в той или иной степени контролировались государством (с сохранением института карточной системы), то к концу века цена более 90 % товаров определялась рыночным образом (при сохранении косвенного регулирования через дифференцированные ставки налогообложения, субсидий, пошлин и пр.) [Реформы, с. 13]. С 1995 г. значительно большую свободу получил банковский сектор, хотя государство по-прежнему ограничивало его функционал, стимулируя приток дешёвых денег в материальное производство, а также предотвращая спекулятивные операции. Частично сохранялись нормы бесприбыльного кредитования для отстающих регионов и отраслей. С одной стороны, это служило решению ключевой задачи большого роста масштабных инвестиционных проектов в реальном секторе. С другой стороны, это лишало банки гибкости и привело к долговым проблемам в конце 1990-х (хотя в целом Китай в относительно малой степени пострадал от Азиатского экономического кризиса в этот период) [Федоровский, 2003].

В начале 2000-х гг. по мере усиления коммерциализации и либерализации китайское общество столкнулось со своего рода идеологическим тупиком, возникла потребность в формулировке новой парадигмы развития страны. Ответом стали провозглашение Цзян Цзэминем роли Коммунистической партии как, с одной стороны, авангарда рабочего класса, так и, с другой стороны, консолидирующей силы всего китайского общества. Последний аспект отразился, в частности, в появлении возможности вступления бизнесменам в Компартию. В 2002 г. в качестве шага по укреплению консолидирующей институциональной роли Компартии были формализованы новые меры по внедрению механизмов преемственности политического курса, установлены ограничения на сроки пребывания у власти [Виноградов, 2010]. Вновь был выделен акцент на построении общества средней зажиточности

как ключевой задачи развития. Вместе с тем новым стало значительно большее внимание на развитии социальной сферы, науки, культуры, необходимости перехода на более высокотехнологичную модель воспроизводства [Феоктистов, Цыплаков, 2008]. В 2004 г. данный подход усилил Ху Цзиньтао, выдвинув тезис о гармоничном планировании, ориентированным на всестороннее развитие человека, что выходит за пределы сугубо экономического целеполагания.

В рамках этой новой парадигмы были осуществлены, хотя еще и в довольно ограниченном виде, программы по поддержке занятости, развитию социальной сферы (особенно в здравоохранении), пенсионной системы, инфраструктуры сельской местности, начинавшей все больше экономически отставать от городов, финансовой помощи наиболее бедным слоям населения. В 2006 г. стало бесплатным школьное образование в деревне (в городе оно было в целом обеспечено к началу 1990-х). При этом продолжались процессы либерализации и приватизации. К 2008-му году уже две трети ВВП создавалось вне государственных форм собственности [Феоктистов, Цыплаков, 2008]. В 2003 г. были упразднены Госкомитет по экономике и Госкомитет по структурным экономическим реформам, на место которых пришел поныне существующий единый орган - Государственный комитет по реформам и развитию. Он стал осуществлять согласование ключевых инвестиционных проектов с выбором приоритетных отраслей развития. В рамках процесса либерализации экономики государство делало особый акцент на развитии институтов рынка, обеспечивающих прозрачность и предсказуемость «правил игры» для бизнеса. Касательно бюджетной политики стоит отметить снижение налогов, мешающих расширению спроса на конечную продукцию. Власти стремились поддерживать в целом сбалансированный консолидированный бюджет, идя на значительный дефицит лишь при реализации отдельных ключевых инвестпроектов. В качестве основы работал подход двойного бюджетирования (на текущие и капитальные расходы). При несколько возросшем удельном весе региональных бюджетов по-прежнему сохранялась большая зависимость многих более бедных регионов от федеральных трансфертов [Кадочников, 2016].

В начале 2000-х гг. индустриализация Китая привела к меньшей занятости населения в сельском хозяйстве, чем суммарно в промышленности и сфере услуг [Ху Аньган, 2005, с. 40]. Страна все больше закреплялась в статусе мирового «заводского цеха» с высокой нормой накопления. Дешевая рабочая сила, доступный кредит, активные государственные вложения в инфраструктуру (особенно в транспортную) и поддержка дешевого юаня делали китайские товары очень конкурентоспособными на мировой арене. Поднебесная становилась лидером в накопленных валютных резервах, что, во-первых, выступало инструментом девальвации национальной валюты и, во-вторых, ресурсом для последующих собственных внешних инвестиций, прежде всего, в бедные страны. Однако общий курс на открытость экономики при всей его стремительности (так, в 1978 г. внешнеторговый оборот Китая составлял всего 13 % ВВП, в 2003 г. уже 60 %, в 2007 г. – 67 %) [Ху Аньган, 2005, с. 40; Гельбрас, 2009, с. 77] не был тотальным и «догматичным», а предполагал возможность контрмер. Например, в 2001 г. при вступлении в ВТО Китай добился пятилетней отсрочки допуска внешних инвестиций в ряд секторов, таких как финансы, телекоммуникации, оптовая торговля, грузовые перевозки, туризм [Федоровский, 2003].

Вместе с тем Китай начал постепенно осуществлять политику по повышению наукоемкости собственной продукции, в первую очередь в отрасли информационных техноло-

гий, электронике (особенно на рынке мобильных телефонов) и средствах транспорта. Еще в 1990-е годы Китай, создавая благоприятные условия для иностранных ТНК (свободный доступ на рынок, низкое налогообложение), взамен требовал частичную передачу технологий и производственного опыта, участие в качестве субподрядчиков местных производителей. Как и в других восточноазиатских странах, осуществивших крупные модернизационные проекты, концентрация технологий осуществлялась в крупных компаниях, в случае Китая еще больше тесно связанных с государством. Переход от политики заимствования технологий к собственным разработкам протекал через разнообразные механизмы государственного планирования, которое предполагало особую бюджетную и кредитно-денежную поддержку ключевых отраслей, построение инновационной среды путем сращивания образовательной, исследовательской и производственной сфер¹. Происходил постепенный рост расходов на науку, прежде всего прикладную (однако впоследствии стали формироваться и собственные школы в фундаментальной науке, особенно в естественных дисциплинах), в целом на развитие человеческого потенциала [Порунов, 2006; Колганов, 2023]. Вместе с тем, большая роль государства в этой сфере не противоречила общему курсу на либерализацию экономики, который был отмечен выше.

В результате, к концу 2000-х годов Китай еще оставался страной с низкой производительностью труда относительно передовых стран и экстенсивной моделью экономического роста, большой зависимостью от зарубежных технологий при недостатке собственных разработок и в целом исследовательского потенциала, высокой степени неравенства в наличии технологической базы (в том числе в результате высокой степени монополизации экономики). Однако, в этот период были заложены основы последующего ускорения научно-технологического развития, наблюдаемого и в наши дни.

Выводы

Рассмотренный период включил в себя первые этапы модернизации Китая, которые, согласно в 1996 г. принятому плану, должны были стать первым этапом долгосрочной (до 2050 г.) программы социально-экономического развития страны. Он изначально был рассчитан до 2010 г., к которому предполагалось осуществить глубокую индустриализацию, сформировать основу «социалистической рыночной экономики», плотно интегрироваться в мировой рынок, перейти в категорию стран со средним уровнем развития. Тем самым модернизация решала триединую задачу трансформации: от аграрного хозяйства к индустриальному, от плановой экономики к рыночной, от внешней замкнутости к открытости. Поднебесной удалось достичь этих масштабных целей, показав миру рекордные темпы роста на протяжении долгого периода и пример пути к рынку на отличной от неолиберализма и принципов Вашингтонского консенсуса основе, по которому, в том числе, с учетом своих национальных особенностей, могла пойти и Россия, избежав больших трансформационных потерь [Островский, 2007]. В настоящей статье этот период был взят за рассмотрение, поскольку включает в себя «полный цикл» осуществления качественно-го модернизационного скачка. Хотя изначальные условия и цели имеют свою специфи-

¹ В качестве яркого примера можно привести прибрежную свободную экономическую зону в Шэньчжэне, которая была создана еще в 1980 году. Впоследствии внутри нее «выросли» университет, научно-промышленный парк, фондовая биржа, что превратило к настоящему моменту бывшую рыбацкую деревню в крупный технологический и финансовый центр с мировым статусом.

ку, важно рассмотреть данный опыт и применительно к поиску ответов на современные вызовы.

Исходными предпосылками быстрой динамики развития касательно Китая можно назвать следующие универсальные факторы подобного типа модернизации, выделяемые А. Гершенкроном: эффект низкой базы, возможности быстрого перетока ресурсов в промышленность, преимущества от включения в мировую торговлю на основе экспортоориентированной модели, стремительное распространение новой техники вследствие возможности заимствования технологических решений у более развитых стран [Gershenkron, 1962]. Последний аспект в условиях открытости экономики особенно тесно связан и с моделью «летающих гусей», которая также качественно описывает механизмы подъема Китая [Ozawa, 1993]. Очень важным стал также демографический фактор: на момент начала реформ большую долю населения составляла молодая рабочая сила, на что также накладывалась политика «одна семья – один ребенок». Согласно расчетам китайских исследователей в период с 1978 по 1995 гг. рост подушевого ВВП наполовину был обусловлен ростом капиталовооруженности, на треть институциональными переменными, на 20 % развитием знаний. С 1995 по 2001 гг. темпы роста капиталовооруженности увеличились еще на 4 %, что говорит об ускорении индустриализации, замене труда капиталом с точки зрения факторной отдачи [Ху Аньган, 2005, с. 38]. В XXI веке, как отмечалось, повысилась роль новых технологий, однако Китай по-прежнему являлся страной, осуществляющей модернизацию главным образом за счет экстенсивных факторов.

При несомненных крупных успехах китайская модель приводила и к системным противоречиям. К ним можно, в первую очередь, отнести большое неравенство (прежде всего, межрегиональное, в том числе, между городом и деревней), неразвитость социальной сферы, невысокий уровень потребления, недостаток внутреннего спроса при большой зависимости от внешних рынков и технологий, проблемы занятости, тяжелых условий труда и экологии, перенакопления капитала, а также коррупции и бюрократизма вследствие большой роли государства. Впоследствии, в 2010-е годы китайское руководство стало направлять все больше усилий по решению данных проблем, хотя многие из них по-прежнему сохраняют свою остроту.

Как показывает китайский академик Чен Эньфу, источник разрешения современных противоречий, стоящих не только перед Китаем, но и перед миром в целом, лежит в дальнейшей гармонизации плановых и рыночных начал, развитии многоукладности экономики [Чен, 2023]. Становятся особо актуальными задачи сдерживания роста неравенства вследствие во многом укрупнения цифровых гигантов, рисков неподконтрольного обществом развития искусственного интеллекта, а также направления ресурсов на нужды «реального сектора», а не пространства спекулятивных операций. В условиях капитализма сегодня возникают предпосылки торможения научно-технического прогресса вследствие интеллектуальной частной собственности. В качестве другой опасной угрозы особо выделяются возможности тотального манипулирования потребительским поведением через инструменты цифровизации. Эти аспекты довольно распространены и в отечественных академических разработках, в том числе в рамках рассматривавшихся выше составляющих теории ноономики, имеющей особо тесные пересечения с китайской экономической мыслью и так же выделяющей развилки магистральных направлений как национального, так и общецивилизационного развития, предпосылки нооперехода [Бодрунов, 2023; Бодрунов,

2026]. Тем самым, сохраняется актуальность и преемственность теоретических основ китайских реформ конца XX – начала XXI вв. с современностью.

Принимая во внимание все различия исторических условий, в заключении стоит выделить, как представляется, наиболее важные составляющие китайского модернизационного проекта, которые могут в адаптированном виде успешно заимствоваться и в наши дни. Китайское руководство задало крупные теоретические, или даже точнее метатеоретические, философские и идеологические парадигмы (будь то марксизм или конфуцианство). Вместе с тем это не привело к узким теоретическим контурам модернизационного проекта, догматизму, сковывающему выработку востребованных в определенной ситуации экономико-политических мер. Напротив, при разностороннем изучении зарубежного опыта, как теоретического, так и практического, в среде экономистов удалось сформировать гибкие практико-ориентированные подходы. При этом они легли в русло долгосрочных стратегических программ развития.

Следует подчеркнуть, что при всех проблемах и противоречиях китайской политической системы, залогом результативности реформ стали институты меритократии, ответственности чиновников, соединенные с готовностью населения встраиваться в новые государственные проекты и его трудоголизмом. При большом распространении неформальных институтов, которое, как может показаться на первый взгляд, должно подрывать устойчивость воспроизводственной системы, в Китае сложилась институциональная среда, которая при всех проблемах и негативных «побочных эффектах» выступает мощным стержнем национального развития.

Применительно к более прикладным экономико-политическим аспектам следует отметить, что базой китайской модели развития является государственное планирование, прямое участие государства в формировании цепочек стоимости, селективное регулирование. На протяжении изучаемого периода просматривались последовательность и сбалансированность отраслевой политики (сначала реформы в сельском хозяйстве, затем опережающее развитие сборочных производств в основе промышленности, наконец, разработка собственных технологий на основе прежних заимствований, интеграция производства, науки и образования), что обеспечивало устойчивость экономической динамики при масштабных структурных трансформациях. Государство поддерживало прямыми вливаниями и дешевыми кредитами производства-локомотивы развития. Даже при ускорении либерализации экономики, многоукладности форм собственности, государство сохраняло основной контроль над ключевыми отраслями, активно реализовывало инфраструктурные, строительные мегапроекты, сдерживало «непроизводительный» переток ресурсов (финансовые спекуляции, рентные доходы и пр.). Во внешнеэкономических связях нужно отметить государственную политику (от управления курсом валюты до условий допуска зарубежных ТНК в свободные экономические зоны), которая при возникновении определенных структурных и макроэкономических дисбалансов, во-первых, дала местным производителям широкий доступ к зарубежным рынкам и, во-вторых, создала механизм заимствования зарубежных технологий, поспособствовавшего последующему развитию собственной научно-производственной базы. В современных условиях усиления конкуренции на мировом рынке, роста протекционизма особо важно проводить подобную «тонкую настройку» внешнеэкономической политики.

Таким образом, китайская модернизация конца XX – начала XXI вв., несмотря на всю свою специфичность, дает богатый материал для изучения с целью практического ис-

пользования и в наши дни. Особо востребованным для стран, ориентирующихся сегодня на догоняющее и опережающее развитие, становятся реализация крупных проектов научно-технологического развития, а также укрепление интеграции производства, науки и образования. Спустя время, после разочарования в навязываемых миру неолиберальных догматах, вновь поднимаются на щит проекты по развитию стратегического планирования, затрагивающее все уровни экономической системы с направляющей ролью государства. В наше время оно выходит за рамки узких целей максимизации материального производства, и предполагает приоритетность гармоничного развития в различных сферах общественного воспроизводства, создавая основу для нооперехода.

Список источников

- Бодрунов С. Д. (2023). От «надзорного капитализма» – к ноопарадигме общественного развития. Послесловие к книге Чен Энфу «Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху» // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 2. № 2. С. 104–110. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-2-104-110
- Бодрунов С. Д. (2024). Политическая экономия как научная платформа для изучения тенденций развития: взгляд через призму теории ноономики // Экономическое возрождение России. № 3. С. 5–11. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-3-81-5-11.
- Бодрунов С. Д. (2026). Ноопереход: ноономика, идеи Си Цзиньпина и искусственный интеллект как ключевые инструменты реализации ноопринципов глобального управления // Вопросы политической экономии. № 2. С. 144–159. DOI: 10.5281/zenodo.20094612.
- Борох О. Н., Ломанов А. В. (2024). Модернизация китайского типа: эволюция концепции // Мировая экономика и международные отношения. Т. 68. № 1. С. 31–47. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-31-47
- Буров В. Г. (2011). В Китае возрождается культ Конфуция или о духовной составляющей социализма с китайской спецификой // Азия и Африка сегодня. № 4. С. 8–14.
- Виноградов А. В. (2008). Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: НОФМО. 368 с.
- Виноградов А. В. (2010). Китайская модернизация в сравнительной перспективе // Сравнительная политика. Т. 1. № 1. С. 104–120. DOI: 10.18611/2221-3279-2010-1-1-104-120
- Гельбрас В. Г. (2009). Тридцатилетие эпохи «реформ и открытости» в Китае // Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 73–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2009-6-73-83
- Кадочников Д. В. (2016). Бюджетная децентрализация и межбюджетные отношения: опыт китайских реформ и его актуальность для России // Terra Economicus. Т. 14. № 2. С. 109–126. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-2-109-126
- Кафырин Е. А. (2012). Китай: модернизация в интересах человека // Проблемы Дальнего Востока. № 4. С. 67–75.
- Колганов А. И. (2023). Сравнительное исследование современных социально-экономических моделей достижения технологической независимости // Российский экономический журнал. № 5. С. 19–35. DOI: 10.52210/0130-9757_2023_5_19.
- Круглова М. С. (2020). Поселково-волостные предприятия КНР: успех реформаторов или эволюция традиционного института? // Terra Economicus. Т. 18. № 4. С. 111–125. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-4-111-125.

- Орехов С. И., Решетнева У. Н. (2004). Философско-религиозные истоки и содержание геополитики Китая, или китайская национальная идея // Дискурс Пи. Т. 4. № 1. С. 12-15.
- Островский А. А. (2007). Китайская модель перехода к рыночной экономике. М.: Институт Дальнего Востока РАН. 208 с.
- Пивоварова Э. П. (2011). Что такое «социализм с китайской спецификой»? // Азия и Африка сегодня. № 8. С. 60-64.
- Порунов А. Н. (2006). Китай: от инвестиций – к инновациям // ЭКО. № 8. С. 72-81.
- Реформы и перспективы экономики Китая (2000). М.: Центр развития. 55 с.
- Федоровский А. Н. (2003). Институциональные преобразования в Китае: предпосылки, особенности, перспективы // Мировая экономика и международные отношения. № 4. С. 77-86. DOI:10.20542/0131-2227-2003-4-77-86
- Феокистов Ю., Цыплаков С. (2008). Об эволюции идеологических подходов китайского руководства к концепции модернизации Китая (1978 – 2008 гг.) // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 4. С. 272-293.
- Ху Аньган (2005). Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики? // Проблемы Дальнего Востока. № 1. С. 34-57.
- Чен Э. (2023). Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху / Чен Эньфу; науч. ред. изд. на русском языке С.Д. Бодрунов. — М.: ИНИР им. С.Ю. Витте; Центркаталог. 464 с.
- Чубаров И. Г. (2024). Эволюция институтов централизованного планирования в Китае и Индии // ЭКО. № 5. С. 263-286. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-263-286.
- Gershenkron A. (1962). *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 456 p.
- Jian X. (2025). An Analysis of the Similarities and Differences between Chinese and Western Modernization // *World Review of Political Economy*. Vol. 16. No. 1. Pp. 4-25. DOI: 10.13169/worldrevpoliecon.16.1.0004.
- Jiang G. H. (2023). Pursuing Modernisation in China. / *The Imperial Mode of China*. London: Palgrave Macmillan. Pp. 255-304. DOI: 10.1007/978-3-031-27015-4_9
- Losurdo D. (2017). Has China Turned to Capitalism? — Reflections on the Transition from Capitalism to Socialism // *International Critical Thought*. Vol. 7. No. 1. Pp. 15-31. DOI:10.1080/21598282.2017.1287585.
- Ozawa T. (1993). Foreign Direct Investment and Structural Transformation: Japan as a Recycler of Market and Industry // *Business & the Contemporary World*. Vol. 5. No. 2. Pp. 129–150.

References

- Bodrunov S. D. (2023). From Surveillance Capitalism to the Nooparadigm of Social Development. Afterword to the Book *The World Situation and the Chinese Economy in the New Era* by Cheng Enfu. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 2. No. 2. Pp. 104–110. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-2-104-110. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2024). Political Economy as a Scientific Platform for Studying Development Trends: Looking Through the Lens of the Theory of Noonomy. *Economic Revival of Russia*. No. 3. Pp. 5-11. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-3-81-5-11. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2026). Nootransition: Noonomy, Xi Jinping's Thought, and Artificial Intelligence as Key Tools for Implementing the Nooprinciples of Global Governance. *Problems of Political Economy*. No. 2. Pp. 144-159. DOI: 10.5281/zenodo.20094612. (In Russ.).

- Borokh O. N., Lomanov A. V. (2024). Chinese-Style Modernization: Evolution of the Concept. *World Economy and International Relations*. Vol. 68. No. 1. Pp. 31-47. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-31-47. (In Russ.).
- Burov V. G. (2011). The Cult of Confucius is Reviving in China, or the Spiritual Component of Socialism with Chinese Characteristics. *Asia and Africa Today*. No. 4. Pp. 8-14. (In Russ.).
- Cheng E. (2023). *The World Situation and the Chinese Economy in a New Era*. S. D. Bodrunov (Ed.). Moscow: S. Y. Witte INID; Tsentrkatalog. 464 p. (In Russ.).
- н. а. (2000). *China's Economic Reforms and Prospects*. Moscow: Tsentr razvitiya. 55 p. (In Russ.).
- Chubarov I. (2024). Evolution of Centralized Planning Institutions in India and China: A Comparative Analysis. *ECO*. No. 5. Pp. 263-286. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-263-286. (In Russ.).
- Fedorovsky A. (2003). Institutional Transformations in China: Prerequisites, Features, Prospects. *World Economy and International Relations*. No. 4. Pp. 77-86. DOI: 10.20542/0131-2227-2003-4-77-86. (In Russ.).
- Feoktistov Y., Tsyplakov S. (2008). On the Evolution of the Ideological Approaches of the Chinese Leadership to the Concept of Modernization of China (1978 – 2008). *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 4. Pp. 272-293. (In Russ.).
- Gelbras V. (2009). The Thirtieth Anniversary of the Era of “Reform and Openness” in China. *World Economy and International Relations*. No. 6. Pp. 73-83. DOI: 10.20542/0131-2227-2009-6-73-83. (In Russ.).
- Gershenkron A. (1962). *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 456 p.
- Hu Angang (2005). What Explains the High Rate of Development of the Chinese Economy? *Problems of the Far East*. No. 1. Pp. 34-57. (In Russ.).
- Jian X. (2025). An Analysis of the Similarities and Differences between Chinese and Western Modernization. *World Review of Political Economy*. Vol. 16. No. 1. Pp. 4-25. DOI: 10.13169/worldrev-poliecon.16.1.0004.
- Jiang G. H. (2023). Pursuing Modernisation in China. In: *The Imperial Mode of China*. London: Palgrave Macmillan. Pp. 255-304. DOI: 10.1007/978-3-031-27015-4_9.
- Kadochnikov D. (2016). Budget Decentralization and Interbudgetary Relations: China's Reform Experience and Its Implications for Russia. *Terra Economicus*. Vol. 14. No. 2. Pp. 109-126. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-2-109-126. (In Russ.).
- Kafyrin E. (2012). China: Modernization in the Interests of Human. *Problems of the Far East*. No. 4. Pp. 67-75. (In Russ.).
- Kolganov A. (2023). Comparative Study of Modern Socio-Economic Models of Achieving Technological Independence. *Russian Economic Journal*. No. 5. Pp. 19-35. DOI: 10.52210/0130-9757_2023_5_19. (In Russ.).
- Kruglova M. (2020). Township and Village Enterprises in China: Reform Success or Evolution of a Traditional Institution? *Terra Economicus*. Vol. 18. No. 4. Pp. 111-125. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-4-111-125. (In Russ.).
- Losurdo D. (2017). Has China Turned to Capitalism? — Reflections on the Transition from Capitalism to Socialism. *International Critical Thought*. Vol. 7. No. 1. Pp. 15-31. DOI:10.1080/21598282.2017.1287585.
- Orekhov S., Reshetneva U. (2004). Philosophical and Religious Origins and Content of China's Geopolitics, or the Chinese National Idea. *The Discourse of Pi*. Vol. 4. No. 1. Pp. 12-15. (In Russ.).

- Ostrovsky A. A. (2007). *The Chinese Model of Transition to a Market Economy*. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN. 208 p. (In Russ.).
- Ozawa T. (1993). Foreign Direct Investment and Structural Transformation: Japan as a Recycler of Market and Industry. *Business & the Contemporary World*. Vol. 5. No. 2. Pp. 129–150.
- Pivovarova E. (2011). What is “Socialism with Chinese Characteristics”? *Asia and Africa Today*. No. 8. Pp. 60–64. (In Russ.).
- Porunov A. (2006). China: From Investment to Innovation. *ECO*. No. 8. Pp. 72–81. (In Russ.).
- Vinogradov A. (2010). Chinese Modernization in a Comparative Perspective. *Comparative Politics*. Vol. 1. No. 1. Pp. 104–120. DOI: 10.18611/2221-3279-2010-1-1-104-120. (In Russ.).
- Vinogradov A.V. (2008). *The Chinese Model of Modernization. The Search for a New Identity*. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: NOFMO. 368 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Маслов Глеб Андреевич

Старший научный сотрудник Лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук (1999), РФ, Москва, ул. Колмогорова, 1)

E-mail: glemiach@yandex.ru

Information about the author

Gleb A. Maslov

Senior Research Fellow at Laboratory for Comparative Studies of Socio-Economic Systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Research Fellow at Center for Modern Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Candidate of Economic Sciences, (1 Kolmogorova ul., Moscow, 119991, Russia)

E-mail: glemiach@yandex.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-98-113

С.Д. Бодрунов

Институт ноономики и Нового индустриального развития имени С.Ю. Витте (Санкт-Петербург, Россия)

НООПЕРЕХОД: ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО БАЗИСА НИО.2

Аннотация: Наша цивилизация переживает эпоху качественных трансформаций, в основе которых лежит противоречие между возможностями передовых технологий и экономической формой их применения. Технологии шестого технологического уклада, базирующиеся на NBICS-конвергенции, создают предпосылки для безлюдного производства и удовлетворения разумных потребностей человечества. Однако капиталистическая организация производства ориентирует их на извлечение прибыли и генерацию симулятивных потребностей. Разрешение этого противоречия требует перехода от экономики к ноономике, опирающейся на критерии разумности вместо ограниченной экономической рациональности, ориентированной на наращивание стоимостных показателей.

В статье исследуются вопросы кардинальной трансформации промышленной политики в условиях нооперехода – управляемого процесса движения к ноономике через формирование материального базиса нового индустриального общества второго поколения (НИО.2). Ключевая характеристика НИО.2 состоит в резком возрастании знаниеинтенсивности производства, когда технологическое применение знаний приобретает доминирующий удельный вес по сравнению с затратами материалов, энергии и живого труда. Производство трансформируется в ноопроизводство, основанное на вытеснении человека из непосредственного процесса производства при сохранении управления со стороны разума, воплощенного в знаниях, технологиях и культурных ценностях.

Рассматривается принципиальное переопределение промышленной политики: от стимулирования традиционных параметров экономического роста (занятости, выпуска, прибыли) к управлению автономной техносферой и её ориентации на удовлетворение ноопотребностей. Ноопотребности – это разумные потребности, формирующиеся на основе культуры, знания, творческого развития личности и общественно значимого самосовершенствования. Техносфера приобретает способность к самоорганизации и саморазвитию в заданных параметрах, однако целеполагание, контроль над допустимыми средствами реализации целей, блокирование нежелательных направлений остаются прерогативой человеческого общества.

В рамках решения проблемы ускорения нооперехода анализируются стратегические направления промышленной политики: обеспечение технологического суверенитета в критически важных областях; реинтеграция науки, производства и образования; новая индустриализация как переходный этап к наукоемким отраслям. В российском контексте формирование материального базиса НИО.2 становится императивом национальной безопасности и возможностью предложить миру альтернативу «тупикам» неолиберальной модели развития.

Ключевые слова: ноономика, ноопереход, промышленная политика, НИО.2, знаниеинтенсивность производства, знаниеёмкий продукт, технологический суверенитет, реиндустриализация.

Для цитирования: Бодрунов С.Д. (2026). Ноопереход: промышленная политика как инструмент формирования материального базиса НИО.2 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 5, № 3. С. 98–113. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-98-113

Sergey D. Bodrunov

S. Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development (St. Petersburg)

THE NOOTRANSITION: INDUSTRIAL POLICY AS A TOOL FOR SHAPING THE MATERIAL BASE OF NIS.2

Abstract: Our civilization is experiencing an era of qualitative transformations driven by the contradiction between the capabilities of advanced technologies and the economic form of their application. Technologies of the sixth technological paradigm, based on NBICS convergence, create prerequisites for unmanned production and the satisfaction of humanity's rational needs. However, the capitalist organization of production directs them toward profit extraction and the generation of simulative needs. Resolving this contradiction requires a transition from the economy to noonomy, which relies on criteria of rationality instead of a limited economic rationality focused on inflating value indicators.

The article explores the issues of the fundamental transformation of industrial policy in the context of the nootransition – a managed process of movement toward noonomy through the formation of the material base of the new industrial society of the second generation (NIS.2). A key characteristic of NIS.2 consists in a sharp increase in the knowledge intensity of production, where the technological application of knowledge acquires a dominant share compared to the costs of materials, energy, and living labor. Production transforms into nooproduction, based on the displacement of humans from the immediate production process while maintaining control by the human mind embodied in knowledge, technologies, and cultural values.

A fundamental redefinition of industrial policy is considered: from stimulating traditional parameters of economic growth (employment, output, profit) to managing an autonomous technosphere and directing it toward satisfying nooneeds. Nooneeds are rational needs formed on the basis of culture, knowledge, creative personality development, and socially meaningful self-improvement. The technosphere acquires the capacity for self-organization and self-development within set parameters; however, goal-setting, control over permissible means of goal realization, and the blocking of undesirable directions remain the prerogative of human society.

As part of solving the problem of accelerating the nootransition, the strategic directions of industrial policy are analyzed: ensuring technological sovereignty in critical areas; the reintegration of science, production, and education; and new industrialization as a transitional stage to knowl-

edge-intensive industries. In the Russian context, the formation of the material base of NIS.2 becomes an imperative of national security and an opportunity to offer the world an alternative to the “dead ends” of the neoliberal development model.

Keywords: noonomy, nootransition, industrial policy, NIS.2, knowledge intensity of production, knowledge-intensive product, technological sovereignty, reindustrialization.

For citation: Bodrunov S. D. (2026). The Nootransition: Industrial Policy as a Tool for Shaping the Material Base of NIS.2. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID.*, Vol. 5, No. 3, pp. 98–113. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-98-113

博德鲁诺夫 S. D.

维捷新兴工业发展研究所 (俄罗斯, 圣彼得堡)

智慧型转型: 工业政策是构建第二代新工业社会物质基础的工具

摘要: 我们的文明正经历着一场质的变革, 其根源在于先进技术的功能与其实现其实际应用的经济形式之间的矛盾。基于NBICS的具有第六代技术范式的技术, 为无人化生产和满足人类的理性需求创造了前提条件。然而, 资本主义的生产组织模式却以营造虚假需求并牟利为目标。要解决这一矛盾, 就必须从传统经济向智慧型经济转型, 后者依靠的是理性标准, 而不是以价值增长为目标的经济性。

本文探讨了在智慧型转型条件下工业政策发生根本性变革的问题。智慧型转型就是通过构建第二代新工业社会 (NIS.2) 的物质基础, 有组织地向智慧型经济过度的过程。第二代新工业社会 (NIS.2) 的关键特征在于生产知识密集度的急速提升, 此时知识的技术化应用在生产成本中所占的比重, 已远超材料、能源和活劳动。生产正转型为智慧型, 其基础在于人类脱离直接生产过程, 同时保持由被转化到知识、技术和文化价值观中的人类理性对生产过程的管控。

本文探讨了工业政策的根本性重新定义: 从刺激传统经济增长指标 (就业、产量、利润) 转向对自主技术领域的管理, 并使其以满足智慧型需求为目标。智慧型需求是指基于文化、知识、个体的创造性发展以及具有社会意义的自我完善而形成的理性需求。技术领域在既定参数范围内获得了自我组织和自我发展的能力, 但目标设定、对实现目标可用手段的控制以及对不良发展方向的排除, 仍属于人类社会的专属权限。

为了解决加快智慧型转型这一问题, 本文分析了工业政策的战略方向: 在关键领域确保技术主权; 实现科学、生产与教育的再融合; 将新工业化作为向知识密集型产业转型的过渡阶段。就俄罗斯来讲, 构建第二代新工业社会 (NIS.2) 的物质基础已成为国家安全的绝对需要, 也是向世界提供一种可以替代走入死胡同的新自由主义发展模式的方案。

关键词: 智慧型经济、智慧型转型、工业政策、NIS.2、知识密集型生产、知识密集型产品、技术主权, 再工业化。

引用注释: 博德鲁诺夫 S.D. (2026). 智慧型转型: 工业政策是构建第二代新工业社会物质基础的工具 // 智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 3, pp. 98–113. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-98-113

Введение: цивилизационный поворот и технологическая основа ноономики

Современная цивилизация входит в фазу качественных преобразований, в основе которых лежит интенсивный технологический прогресс, радикально меняющий характер производства, общественного устройства и самой природы человека. Мы наблюдаем не просто очередную волну научно-технической революции, но переход к принципиально иному способу организации хозяйственной деятельности – от экономики к ноономике [Бодрунов, 2018a]. Этот переход, или ноопереход, требует формирования соответствующего материального базиса, ядром которого выступает новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2) [Бодрунов, 2016].

Ключевая особенность НИО.2 связана с резким возрастанием знаниеинтенсивности производства и переходом к производству знаниеёмкого продукта, в котором технологически применённое знание приобретает возрастающий удельный вес по сравнению с затратами материалов, энергии и живого труда [Бодрунов, 2025a]. В пределе такое производство приобретает характер ноопроизводства, или нооинтенсивного производства [Бодрунов, 2018b].

В этих условиях промышленная политика переопределяется как механизм управления автономной техносферой, её ориентацией на удовлетворение ноопотребностей и формирования институциональных механизмов общественного контроля над саморазвивающимся производством [Бодрунов, 2023a]. Традиционные параметры экономического роста – занятость, выпуск, прибыль – утрачивают статус главных критериев. Именно эта трансформация промышленной политики составляет предмет нашего анализа.

I. От экономической к нооиндустриальной парадигме: теоретические предпосылки нооперехода**1.1. Экономический способ хозяйствования и его пределы**

Экономика как способ организации хозяйства сложилась исторически в условиях дефицита ресурсов и недостаточного технологического развития. Её критериальная база покоится на максимизации стоимостных показателей, экономической рациональности и извлечении прибыли. Однако по мере развития технологий и возрастания знаниеинтенсивности производства экономическая парадигма всё более явственно демонстрирует свои ограничения.

Противоречие обнаруживается между возможностями современных технологий и экономической формой их применения. Технологии шестого технологического уклада [Глазьев, 2015], базирующиеся на NBICS-конвергенции, то есть на сближении нано-, био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных технологий [Spohrer, 2004], создают предпосылки для безлюдного производства и удовлетворения разумных потребностей всего человечества. Однако капиталистическая форма организации производства ориентирует эти мощные технологические возможности на извлечение прибыли, генерацию симулятивных потребностей и наращивание объёмов производства ради самого производства [Бодрунов, 2022a].

Ноономика предлагает принципиально иную критериальную базу. Происходит переход от парадигмы количественного роста на основе ограниченной экономической рациональности к парадигме качественного развития на основе достижения конкретных целей и удовлетворения человеческих потребностей, формируемых на основе культуры, знания,

солидарности и гуманистических ценностей ноообщества. Новый характер рациональности, опирающийся на критерии разума и культуры, приобретает первостепенное значение [Бодрунов, 2026a].

1.2. Ноопроизводство: технологический фундамент ноономики

Ноопроизводство представляет собой производство, основанное, во-первых, на вытеснении человека из непосредственного процесса производства через предельное увеличение его знаниеинтенсивности, и, во-вторых, на постановке этого производства под контроль человеческого разума, опирающегося на адекватный уровень культуры общества [Бодрунов, 2018b].

Знаниеинтенсивность материального производства характеризует такое состояние производственного процесса, при котором решающее значение приобретают знания, воплощённые в технологиях, организации производства, квалификации работников и свойствах создаваемого продукта [Бодрунов, 2025a]. Критический синтез выражается в том, что в высокотехнологичном производстве определяющую роль начинает играть человек как носитель, производитель и применитель Знания, трансформируемого в производственную деятельность. Как отмечал К. Маркс, человек «становится рядом с производством» и «относится к самому процессу производства как его контролёр и регулировщик» [Маркс, 1969].

Технологической основой ноопроизводства выступают гибридные технологии, характеризующиеся взаимопроникновением и взаимообусловленностью различных технологических платформ. Взаимовлияние информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и других передовых направлений приобретает лавинообразный характер. Современные производственные комплексы всё чаще опираются на искусственный интеллект, промышленный интернет вещей, обработку больших данных и аддитивные технологии, формируя высокоавтоматизированные производства с минимальным участием человека в материально-производственном процессе [Бодрунов, 2025b].

Существенная характеристика ноопроизводства – автономность техносферы. Технологические комплексы эволюционируют до состояния, при котором обретают способность к самоорганизации и автономной динамике, оставаясь в рамках заданных социальных ограничений. Однако эта автономность отнюдь не означает выход техносферы из-под общественного контроля. Напротив, сфера целеполагания, формулировка целей и задач, контроль над допустимыми средствами их реализации остаются прерогативой человеческого общества [Бодрунов, 2018a]. Автономные техносущности остаются зависимыми от человеческого общества, определяющего ограничения их саморазвития, блокирующего направления, не несущие пользы обществу, и ориентирующего функционирование техносферы на удовлетворение ноопотребностей.

1.3. От занятости и выпуска к ноопотребностям: переопределение целевых установок

Традиционная промышленная политика ориентируется на стимулирование занятости, наращивание объемов выпуска, повышение конкурентоспособности национальной промышленности. Эти критерии соответствуют экономической парадигме, где производство выступает целью само по себе, а человек – средством этого производства.

Ноопереход предполагает радикальное переосмысление самих оснований целеполагания в промышленной политике. Главным критерием становится степень удовлетворения ноопотребностей – потребностей, формирующихся в процессе творческого саморазвития, познания, культурного роста. Ноопотребности качественно отличаются от традиционных экономических потребностей. Они ориентированы на развитие личности, реализацию творческого потенциала, удовлетворение познавательных и культурных запросов. Экономическая система, основанная на стимулировании симулятивных потребностей, так называемых излишеств и фантазмов, всё более входит в противоречие с этой новой реальностью [Бодрунов, 2022a].

Ноономика опирается на неэкономические критерии рациональности производства и потребления, ориентируясь на реальный уровень удовлетворения разумных потребностей. Это предполагает переход от наращивания объемных стоимостных показателей к достижению конкретных целей развития, удовлетворения различных человеческих потребностей высшего порядка.

II. Промышленная политика в условиях нооперехода: новое содержание

2.1. Технологический суверенитет как условие нооперехода

В эпоху глобальных трансформаций и геополитической турбулентности вопрос о технологическом суверенитете приобретает определяющее значение [Ленчук, 2026]. Технологический суверенитет – это категория более широкая, чем технологическая независимость. Он представляет собой сочетание независимости в приоритетных технологических направлениях с возможностью равноправного обмена и кооперации, а также способностью самостоятельно определять траектории технологического развития и контролировать ключевые технологические цепочки [Бодрунов, 2023b].

Полная технологическая независимость по всем видам технологий и производств в современном мире невозможна – ни одному государству не хватит ресурсов для ее достижения и воспроизводства. Поэтому технологическая независимость должна рассматриваться прежде всего в определенных сферах деятельности. Технологическая зависимость представляет собой состояние государства, при котором его обороноспособность, экономическая безопасность и способность к самостоятельному развитию находятся под угрозой вследствие критической зависимости от внешних технологических поставок.

Для России обеспечение технологического суверенитета означает необходимость формирования собственной технологической базы НИО.2 [Бодрунов, 2023b], способной стать материальным фундаментом ноономики. Без этого фундамента переход к неэкономическому способу хозяйствования невозможен – страна окажется в зависимости от технологических центров, которые сохраняют контроль над целеполаганием и направлениями развития.

Промышленная политика в данном контексте должна быть направлена на приоритетное развитие высокотехнологичных отраслей, формирование полных технологических циклов в критических областях (микроэлектроника, искусственный интеллект, новые материалы, биотехнологии), создание условий для NBICS-конвергенции на национальной технологической базе. При этом технологический суверенитет не означает автаркии или изоляции. Напротив, он создаёт основу для равноправного международного технологиче-

ского сотрудничества и индустриальной кооперации. Задача состоит в том, чтобы, развивая собственный промышленный потенциал на качественно новой основе, брать лучшее из мирового опыта и объединять усилия в решении общецивилизационных задач [Безруков, Байдаров, Файков, 2026].

2.2. Интеграция науки, производства и образования как ключевой механизм

Переход к знаниеинтенсивному производству диктует необходимость интеграции науки, производства и образования в единый воспроизводственный комплекс [Бодрунов, 2015]. Эти сферы перестают существовать обособленно, срастаясь в органичное целое и порождая принципиально новый тип воспроизводства – ноовоспроизводство, где приоритетом становится развитие ноосферы как сферы разума, знания и культуры [Вернадский, 1991]. В этом процессе научные исследования непосредственно переходят в технологические разработки, образование связывается с производственной практикой, а производственный процесс становится площадкой для генерации нового знания. Успешное развитие современного производства невозможно без глубокой его интеграции с образованием и наукой.

Промышленная политика должна стимулировать создание интегрированных научно-производственно-образовательных комплексов, где происходит взаимопроникновение исследовательской, конструкторской, производственной и образовательной деятельности [Дмитриев, 2026]. Трансфер технологий, прежде понимавшийся как передача готовых решений от одного субъекта другому, трансформируется в органический процесс циркуляции знаний внутри единой системы – подобно тому, как в живом организме циркулируют питательные вещества. Расширение практики государственно-частного партнерства в этой сфере, воссоздание начального и среднего профессионального образования, ориентированного на нужды высокотехнологичного производства [Яковлева, Шафранская, 2025], – таковы императивы современной промышленной политики.

2.3. Новая индустриализация как переходный этап

Для большинства стран, включая Россию, ноопереход невозможен через прямой скачок из постиндустриального упадка в нооэкономическое будущее. Необходим переходный этап – реиндустриализация на новой технологической основе, или новая индустриализация [Бодрунов, 2013; Рязанов, 2014], обеспечивающая движение от деиндустриализированной экономической реальности к материальному базису НИО.2 и последующему ноопереходу [Бодрунов, 2016]. Для России новая индустриализация – это не просто восстановление промышленного производства после деиндустриализации 1990-х годов, но переход к принципиально новому качеству индустриального развития на базе передовых технологических укладов [Глазьев, 2026].

Новая индустриализация предполагает глубокие структурные сдвиги в пользу наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности, формирование развитой машиностроительной базы как основы технологической независимости, создание полных циклов производства сложной высокотехнологичной продукции. Базовые черты новой индустриализации включают уход от «технологического гигантизма», переразмеренности производства, рационализацию производственных процессов, а также развитие ключевых базовых технологий, обеспечивающих технологическую независимость.

Промышленная политика на этом этапе должна быть активной и целенаправленной. Иллюзия «невидимой руки рынка», способной самостоятельно вывести экономику из деиндустриального тупика, давно развеяна историческим опытом. Без государственного вмешательства, без стратегического планирования, без механизмов государственно-частного партнерства глубина деиндустриализации не может быть преодолена действием одних лишь рыночных механизмов [Бодрунов, Гринберг, Сорокин, 2013]. Необходима комплексная система мер, включающая адекватную денежно-кредитную и бюджетную политику, стимулирование внутреннего спроса на продукцию высокотехнологичных отраслей, поддержку приоритетных направлений развития. Реинтеграция науки и производства, опора на развитую научную базу, способствующую генерации инноваций и их проникновению в массовое производство, – таковы ключевые направления реиндустриализации.

III. Управление автономной техносферой: контуры общественного контроля

3.1. Целеполагание в ноопроизводстве: кто определяет цели?

Ключевой, быть может, самый острый вопрос ноопроизводства – проблема целеполагания. Когда производство обретает автономность, когда человек покидает пространство непосредственных производственных операций, перед обществом встаёт фундаментальный вопрос: кто и на основании каких критериев определяет цели этого автономного производства? От ответа зависит сама возможность перехода к нооэкономике – либо это будет управляемая обществом трансформация, либо стихийный процесс, ведущий к непредсказуемым последствиям.

Целеполагание в ноопроизводстве осуществляется обществом, опирающимся на критерии разумности. Здесь происходит решительный разрыв с экономической рациональностью. Человеческое знание есть составная часть человеческой культуры, от которой зависит, как мы это знание употребим, на какие цели направим и какими ценностями будем при этом руководствоваться. Культура выступает особым видом знания – знания о том, как должны жить люди, какие ценности являются высшими, каким целям следует следовать.

Промышленная политика в условиях нооперехода призвана создать архитектуру общественного целеполагания – систему институтов и механизмов, позволяющих обществу определять направления развития производства, устанавливать приоритеты технологического развития, формулировать требования к производственной системе.

Стратегическое планирование здесь выступает как процесс разработки, долгосрочной реализации, мониторинга и последующих уточнений и обновлений стратегии – как процесс стратегирования. Этот процесс предполагает выстраивание иерархии общественных интересов, определение приоритетов технологического и промышленного развития, оценку необходимых ресурсов и соотнесение целей развития с временными горизонтами их достижения [Бодрунов, 2025с].

3.2. Контроль и ответственность: институциональные механизмы

Автономная техносфера, обретающая способность к саморазвитию, предстаёт перед обществом подобно двуликому Янусу: с одной стороны, она открывает беспрецедентные возможности для освобождения человека от рутинного труда, с другой – таит в себе ри-

ски выхода из-под общественного контроля. Поэтому создание эффективных механизмов контроля и обеспечения ответственности становится императивом нооперехода. Общество должно иметь возможность задавать цели производства, контролировать средства их достижения, блокировать нежелательные направления развития, обеспечивать соответствие производственной деятельности критериям безопасности, экологичности, социальной приемлемости.

Промышленная политика должна включать разработку и внедрение институциональных механизмов такого контроля. Это предполагает создание систем мониторинга развития техносферы, оценки социальных и экологических последствий внедрения новых технологий. Необходимо формирование социогуманитарных технологий – инструментов общественного управления научно-техническим прогрессом, ориентированных на упреждение и нивелирование угроз, возникающих вследствие стремительного технологического развития, и обеспечение разумного, сообразного высшим человеческим ценностям использования технологических достижений [Бодрунов, 2022b].

3.3. Общественная направленность производства: от прибыли к ноопотребностям

Переход к ноопроизводству требует радикального разворота вектора производственной системы: от максимизации прибыли – к удовлетворению ноопотребностей, от наращивания объёмов выпуска – к качественному развитию человека, от экономической эффективности – к разумной достаточности. Это предполагает изменение критериев оценки эффективности производства, системы стимулов, институциональной среды.

Промышленная политика должна стимулировать такую трансформацию через развитие институтов социализации экономических отношений – государственно-частного партнерства, ассоциированных форм собственности, диффузии собственности, общественного контроля над использованием результатов производства [Бодрунов, 2021]. В современном производстве коренным образом меняется роль человека. Он выступает, прежде всего, как носитель знаний – основного ресурса развития.

Постепенное снижение роли утилитарных и симулятивных потребностей и возвышение ноопотребностей требует соответствующих изменений в системе мотивации, ценностных ориентиров, культурных установок общества. Трансформация экономических отношений и институтов происходит в направлении их социализации и гуманизации, в частности, за счет активного развития ноо-ориентированного программирования экономики, проведения активной индустриальной политики, нацеленной на приоритетное развитие «умного» производства.

IV. Россия на пути нооперехода: императивы промышленной политики

4.1. Текущее состояние и вызовы

Россия сегодня находится на историческом перепутье, в точке цивилизационного выбора. Перед страной стоит дилемма: либо обрести статус технологически суверенного субъекта глобального развития, способного самостоятельно определять траектории своего будущего, либо оказаться на периферии формирующегося ноообщества, в зависимости от внешних технологических центров [Бодрунов, 2026b].

Противоречивость нынешнего положения России очевидна. С одной стороны, страна располагает значительным научно-техническим потенциалом, сохранившимся со времён советской индустриализации, развитой системой образования, опытом реализации крупных технологических проектов. С другой стороны, глубокие раны деиндустриализации 1990-х годов, технологическая зависимость в ряде критически важных областей, отставание в освоении технологий шестого технологического уклада создают серьёзные, порой драматические препятствия на пути к НИО.2 [Глазьев, 2026; Бодрунов, 2026с].

Геополитическая турбулентность последних лет, беспрецедентное санкционное давление, необходимость обеспечения развития в технико-технологических ограничениях превращают задачу формирования материального базиса НИО.2 из академической проблемы в императив национальной безопасности и исторического выживания. Здесь уместно вспомнить формулу: главное для страны – сохранять технологический суверенитет, ибо только суверенные страны могут рассчитывать на суверенное будущее. Утрата технологической самостоятельности означает утрату способности к целеполаганию, превращение в объект чужих стратегий, в поставщика ресурсов для чужого развития.

Вместе с тем нынешняя ситуация, при всей её сложности, открывает и окно возможностей. Разрыв привычных технологических цепочек, необходимость импортозамещения в критических областях, мобилизация внутренних ресурсов – всё это может стать катализатором качественного технологического рывка, если будут выработаны адекватные механизмы промышленной политики и стратегического управления [Бодрунов, 2023а]. История знает немало примеров, когда внешние вызовы становились стимулом для внутренней модернизации и технологического прорыва.

4.2. Стратегические направления промышленной политики

Для обеспечения нооперехода промышленная политика России должна быть сосредоточена на следующих приоритетных направлениях [Бодрунов, 2023а]:

Первое. Формирование технологического суверенитета по приоритетным направлениям – микроэлектронике, искусственному интеллекте, новых материалах, биотехнологиях, составляющих фундамент для развития NBICS-конвергенции на национальной основе [Spohrer, 2004]. Только обладая такой основой, страна может выступать равноправным партнёром в международном технологическом сотрудничестве, а не пассивным реципиентом чужих технологических решений [Безруков, Байдаров, Файков, 2026].

Второе. Реинтеграция науки, производства и образования через создание интегрированных научно-производственно-образовательных комплексов, обеспечивающих полный цикл от фундаментальных исследований до массового производства и подготовки кадров [Бодрунов, 2015]. Преодоление разрыва между этими сферами, унаследованного от эпохи рыночных реформ 1990-х годов, когда наука была отделена от производства, а образование – от практических нужд экономики, становится ключевым условием перехода к знание-интенсивному производству. Сопряжение науки, производства и образования в единую систему создаёт условия для преобразования научных результатов в квалификацию труда и технологические инновации, а производственной деятельности – в площадку для диффузии знаний и подготовки специалистов высшей квалификации.

Третье. Приоритетное развитие машиностроения как системообразующего элемента промышленности, обеспечивающего структурную независимость и способность к само-

стоятельному воспроизводству технологической базы. Без развитого машиностроения, способного производить станки, оборудование, передовые технические комплексы, невозможна ни технологическая независимость, ни переход к высокотехнологичному производству. Машиностроение – это та отрасль, которая «производит производство», формирует развитую промышленную базу для изготовления сложной высокотехнологичной продукции. Восстановление и модернизация машиностроительного комплекса на качественно новой технологической основе – также императив новой индустриализации [Рязанов, 2014].

Четвертое. Создание институциональных механизмов стратегического планирования и ноо-ориентированного программирования развития, обеспечивающих целенаправленное, и также управляемое, движение к НИО.2. Стратегирование как непрерывный процесс разработки, реализации, мониторинга и постоянного обновления стратегии должно стать органической основой государственного управления развитием, заменив собой стихию рыночной самоорганизации, неспособную обеспечить структурные сдвиги необходимого масштаба. Стратегическое планирование здесь выступает инструментом общественного целеполагания, механизмом согласования интересов различных социальных групп и направления коллективных усилий на достижение общенациональных целей.

Пятое. Формирование системы общественного контроля над развитием техносферы, механизмов всесторонней оценки социальных, экологических и гуманитарных последствий технологических изменений. Общество должно иметь возможность участвовать в определении направлений технологического развития, блокировать опасные или социально неприемлемые траектории, обеспечивать ориентацию производства на удовлетворение разумных потребностей, а не на наращивание объёмов выпуска в интересах наращивания капитала.

Заключение: промышленная политика как инструмент управления ноопереходом

Ноопереход – не стихийный процесс, определяемый исключительно технологическим прогрессом. Это управляемая трансформация общественного устройства, требующая целенаправленных усилий по формированию материальной основы, институциональной среды, культурных предпосылок перехода к нооэкономике.

Промышленная политика в этих условиях выступает ключевым инструментом управления ноопереходом, обеспечивающим создание производственно-технологической базы НИО.2 – автономной, но подконтрольной обществу техносферы, ориентированной на удовлетворение ноопотребностей. Переопределение промышленной политики от стимулирования традиционных экономических показателей к управлению процессами технологического развития, интеграции науки и производства, формированию контуров общественного контроля над техносферой составляет суть её качественного преобразования в эпоху нооперехода. Здесь происходит разрыв с неолиберальной догмой минимизации государственного участия и возвращение к пониманию промышленной политики как стратегического инструмента общественного целеполагания.

Для России успешное прохождение этого пути означает обеспечение технологического суверенитета и экономической безопасности, возможность занять достойное место в формирующемся ноообществе, внести весомый вклад в глобальную цивилизационную

трансформацию, предложить миру альтернативу ограничениям неолиберальной модели развития. Критерии успеха или неуспеха стратегии здесь становятся достаточно непривычными, что может помешать стороннему наблюдателю своевременно оценить потенциал стратегии, а России – поможет получить временные преимущества и определенную фору в конкуренции социально-экономического и общественного развития.

Управление ноопереходом должно стать осознанным и целенаправленным процессом. Это ключ к нашему будущему, преодолению нарастающих цивилизационных вызовов, построению общества, основанного на разуме – подлинной нооцивилизации, к которой устремлён ноопереход, опирающейся на овладение знаниями и глубокое самопознание, требуемое для саморегулирования человеческой жизни на основе культурных и этических ценностей. Промышленная политика, переопределённая как инструмент формирования материального базиса этой нооцивилизации, становится практическим механизмом воплощения разума в общественное бытие.

Список источников

- Бодрунов С.Д. (2018а). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Бодрунов С.Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 328 с.
- Бодрунов С.Д. (2025а). Ноономика как парадигма глобального развития // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 4, № 2. С. 13–33. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-2-13-33.
- Бодрунов С.Д. (2018b). Нооиндустриальное производство: шаг к неэкономическому развитию // Экономическое возрождение России. № 1(55). С. 5–15.
- Бодрунов С.Д. (2023а). Промышленная политика России в условиях вызовов глобальной трансформации: задачи теории и практики перехода к новому этапу индустриального развития (НИО.2) // Экономическое возрождение России. № 2(76). С. 5–12. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-5-12.
- Глазьев С.Ю. (2015). Формирование новой институциональной системы в условиях смены доминирующих технологических укладов // Научные труды Вольного экономического общества России. № 1. С. 37–45.
- Spohrer J.C. (2004). NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges // Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science / ed. by M.C. Roco, W.S. Bainbridge. Arlington. P. 102.
- Бодрунов С.Д. (2022а). К вопросу об императивах формирования ноообщества: десимулятизация потребностей // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 4. С. 13–20. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-4-13-20.
- Маркс К. (1969). Экономические рукописи 1857–1859 годов. Ч. 2. Критика политической экономии: черновой набросок 1857–1858 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. М.: Политиздат. С. 213–215.
- Бодрунов С.Д. (2025b). Ноопереход: искусственный интеллект как ключевой инструмент реализации ноопринципов управления // Экономическое возрождение России. № 4(86). С. 5–13. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-4-86-5-13.

- Ленчук Е.Б. (2026). Новые контуры промышленной политики России в условиях геополитических вызовов // Экономическое возрождение России. № 2(88). С. 111–120. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-2-88-111-120.
- Бодрунов С.Д. (2023b). Проблемы технологического суверенитета и цивилизационное развитие: от современного общества к ноономике // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 2, № 4. С. 13–24.
- Бодрунов С.Д. (2026a). На пути к ноономике: построение многополярного мира на основе ценностно-ориентированного нооподхода и опыта китайской модернизации // Экономическое возрождение России. № 1(87). С. 5–12. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-5-12.
- Безруков А.О., Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю. (2026). Коллективный технологический суверенитет: возможности для России // Экономическое возрождение России. № 1(87). С. 105–119. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-105-119.
- Бодрунов С.Д. (2015). Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России. № 1(43). С. 7–22.
- Вернадский В.И. (1991). Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А.Л. Яншин. М.: Наука. 271 с.
- Дмитриев Н.Д. (2026). Советский научно-технический прогресс и инженерные школы: уроки индустриального прорыва для новой технологической стратегии России // Экономическое возрождение России. № 2(88). С. 133–158. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-2-88-133-158.
- Яковлева Н.Г., Шафранская А.М. (2025). Кадровый потенциал и задачи достижения технологического суверенитета: российский контекст // Экономическое возрождение России. № 4(86). С. 79–92. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-4-86-79-92.
- Бодрунов С.Д. (2013). К вопросу о реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России. № 4(38). С. 5–27.
- Рязанов В.Т. (2014). Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты // Экономическое возрождение России. № 2(40). С. 17–25.
- Глазьев С.Ю. (2026). Как компенсировать упущенные в период смены технологических укладов возможности // Экономическое возрождение России. № 2(88). С. 39–49. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-2-88-39-49.
- Бодрунов С.Д. (2025c). От экономики – к ноономике: тезисы к вопросу о стратегировании интеллектуально-креативного аспекта (ноо)трансформации общества // Экономическое возрождение России. № 1(83). С. 5–31. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31.
- Бодрунов С.Д. (2022b). Технологический прогресс: предпосылки и результат социогуманитарной ориентации экономического развития // Экономическое возрождение России. № 1(71). С. 5–13. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-1-71-5-13.
- Бодрунов С.Д. (2021). Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Экономическое возрождение России. № 1(67). С. 5–14. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-5-14.
- Бодрунов С.Д. (2026b). Трансформация глобального мироустройства: императивы нооперехода для России // Экономическое возрождение России. № 2(88). С. 5–20. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-2-88-5-20.

- Бодрунов С.Д. (2026с). Смена технологических и мирохозяйственных укладов, многополярность и инклюзия в контексте теории ноономики // Вопросы политической экономии. № 1(45). С. 44–55. DOI: 10.5281/zenodo.19016143.
- Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. (2013). Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. № 1(35). С. 19–49.

References

- Bodrunov S. D. (2018a). *Noonomy*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. 432 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2016). *The Coming of New Industrial State: Reloaded*. 2nd edition, revised and expanded. St. Petersburg: S. Y. Witte INID Publ. 328 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2025a). Noonomy as a Paradigm for Global Development. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*. Vol. 4. No. 2. Pp. 13–33. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-2-13-33. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2018b). Nooindustrial Production: A Step Towards Non-Economic Development. *Economic Revival of Russia*. Vol. 55. No. 1. Pp. 5–15. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2023a). Industrial Policy of Russia in the Face of Challenges of Global Transformation: Tasks of the Theory and Practice of Transition to a New Stage of Industrial Development (NIS.2). *Economic Revival of Russia*. Vol. 76. No. 1. Pp. 5–12. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-5-12. (In Russ.).
- Glazyev S. Y. (2015). Developing a New Institutional System in Conditions of Change of the Dominant Technological Modes. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. No. 1. Pp. 37–45. (In Russ.).
- Spohrer J. C. (2004). NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges. In: *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*; M. C. Roco, W. S. Bainbridge (Eds.). Arlington. P. 102. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2022a). Questioning the Imperatives of the Noosociety Formation: De-Simulation of Wants. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 4. Pp. 13–20. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-4-13-20. (In Russ.).
- Marx K. (1969). Economic Manuscripts of 1857–1859. Part 2. Foundations of the Critique of Political Economy (Rough Draft of 1857–1859). In: Marx K., Engels F. *Written Works*. Vol. 46. Part 2. Moscow: Politizdat. Pp. 213–215. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2025b). Nootransition: Artificial Intelligence as a Key Tool for Implementing Management Nooprinciples. *Economic Revival of Russia*. Vol. 86. No. 4. Pp. 5–13. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-4-86-5-13. (In Russ.).
- Lenchuk E. B. (2026). New Outlines of Russia's Industrial Policy under Geopolitical Challenges. *Economic Revival of Russia*. Vol. 88. No. 2. Pp. 111–120. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-2-88-111-120. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2023b). Issues of Technological Sovereignty and Civilizational Development: From Modern Society to Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 2. No. 4. Pp. 13–24. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2026a). On the Path Towards Noonomy: Building a Multipolar World Based on a Value-Oriented Nooapproach and the Experience of Chinese Modernization. *Econom-*

- ic Revival of Russia*. Vol. 87. No. 1. Pp. 5–12. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-5-12. (In Russ.).
- Bezrukov A. O., Baidarov D. Y., Faikov D. Y. (2026). Collective Technological Sovereignty: Opportunities for Russia. *Economic Revival of Russia*. Vol. 87. No. 1. Pp. 105–119. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-105-119. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2015). Integration of Production, Science, and Education as the Basis of Re-industrialization of Russian Economy. *Economic Revival of Russia*. Vol. 43. No. 1. Pp. 7–22. (In Russ.).
- Vernadsky V. I. (1991). *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*; A. L. Yanshin (Ed.). Moscow: Nauka Publ. 271 p. (In Russ.).
- Dmitriev N. D. (2026). Soviet Scientific and Technological Progress and Engineering Schools: Lessons of the Industrial Breakthrough for Russia's New Technological Strategy. *Economic Revival of Russia*. Vol. 88. No. 2. Pp. 133–158. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-2-88-133-158. (In Russ.).
- Yakovleva N. G., Shafranskaya A. M. (2025). Human Resources and the Challenges of Achieving Technological Sovereignty: Russian Context. *Economic Revival of Russia*. Vol. 86. No. 4. Pp. 79–92. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-4-86-79-92. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2013). About the Re-Industrialization of the Russian Economy. *Economic Revival of Russia*. Vol. 38. No. 4. Pp. 5–27. (In Russ.).
- Ryazanov V. T. (2014). New Industrialization of Russia: Strategic Purposes and the Current Priorities. *Economic Revival of Russia*. Vol. 40. No. 2. Pp. 17–25. (In Russ.).
- Glazyev S. Y. (2026). How to Compensate for Missed Opportunities During the Period of Technological Paradigms Change. *Economic Revival of Russia*. Vol. 88. No. 2. Pp. 39–49. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-2-88-39-49. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2025c). From Economy to Noonomy (Theses on the Issue of the Intellectual-Creative Aspect Strategy of the Societal (Noo) Transformation). *Economic Revival of Russia*. Vol. 83. No. 1. Pp. 5–31. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2022b). Technological Progress: Prerequisite and Result of the Socio-Humanitarian Direction of Economic Development. *Economic Revival of Russia*. Vol. 71. No. 1. Pp. 5–13. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-1-71-5-13. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2021). Genesis of Noonomy: Scientific and Technological Progress, Diffusion of Ownership, Solidarism. *Economic Revival of Russia*. Vol. 67. No. 1. Pp. 5–14. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-5-14. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2026b). Transformation of the Global World Order: Imperatives for Nootransition in Russia. *Economic Revival of Russia*. Vol. 88. No. 2. Pp. 5–20. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-2-88-5-20. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2026c). Changes in Technological Paradigm and Global Economic Order, Multipolarity and Inclusion in the Context of the Theory of Noonomy. *Problems in Political Economy*. Vol. 45. No. 1. Pp. 44–55. DOI: 10.5281/zenodo.19016143. (In Russ.).
- Bodrunov S. D., Grinberg R. S., Sorokin D. E. (2013). Reindustrialization of the Russian Economy: Imperatives, Potential, Risks. *Economic Revival of Russia*. Vol. 35. No. 1. Pp. 19–49. (In Russ.).

Информация об авторе**Бодрунов Сергей Дмитриевич**

Исполнительный директор Института ноономики и Нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Всемирной Ассоциации Ноономики (WAN), Президент Вольного экономического общества (ВЭО) России, член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16)

E-mail: inir@inir.ru

Information about the author**Sergey D. Bodrunov**

Executive Director of the S. Y. Witte Institute of Noonomy and New Industrial Development, President of the World Association of Noonomy (WAN), President of the Free Economic Society (VEO) of Russia, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economics, Professor (16 Bol'shaya Monetnaya ul., St. Petersburg, 197101, Russia)

E-mail: inir@inir.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-114-127

М.С. Чистяков

Российский университет кооперации (Владимир, Россия)

ЗНАНИЕЕМКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР НОВОЙ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: Современные высокие технологии видоизменяют модель цивилизационного развития в направлении повышения ценности знания как необходимой составляющей перехода от индустриального к постиндустриальному обществу и знаниевому обществу. Общество является свидетелем реализации того, что в середине XX века представлялось отдалённой перспективой либо продуктом индустрии эмоций и впечатлений – фантастических книг, фильмов. В работе рассматривается потенциал современных технологий, знаний и информации в качестве необходимых составных элементов высокотехнологичного развития знаниевой цивилизации. Теоретико-методологической основой исследования послужили положения структурно-функционального, системного и деятельностного подходов. Использован комплекс методов: контент-анализ научно-специализированной литературы по тематике знаниевой экономики и высокотехнологичного развития, находящейся в открытом доступе; методы абстрагирования и моделирования. В процессе исследования автор опирался на труды Д. Белла и Э. Тоффлера, посвящённые вопросам постиндустриального общества, высокотехнологичного развития, знаниевой экономики и цифровизации. Отдельно в работе используются положения С.Д. Бодрунова о НИО.2, знаниеинтенсивном производстве и ноономике, позволяющие рассмотреть знаниеёмкие технологии не только как признак постиндустриального сдвига, но и как предпосылку более глубокого изменения производства, труда и общественного развития.

Ключевые слова: знание, информация, знаниеёмкие технологии, высокие технологии, постиндустриализм, постиндустриальное общество, НИО.2, знаниевое общество, социально-гуманитарные технологии, цифровизация.

Для цитирования: Чистяков М. С. (2026). Знаниеёмкие технологии как ключевой фактор новой парадигмы развития // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 5, № 3. С. 114–127. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-114-127

Maksim S. Chistyakov

Russian University of Cooperation (Vladimir, Russia)

KNOWLEDGE-INTENSIVE TECHNOLOGIES AS A KEY FACTOR IN THE NEW DEVELOPMENT PARADIGM

Abstract. Modern high technologies are transforming the model of civilizational development toward increasing the value of knowledge as a necessary component of the transition from an industrial society to a post-industrial and knowledge-based society. Today, society is witnessing the realization of what in the mid-20th century seemed a distant prospect or a product of the emotion and experience industry: science fiction books and films. This paper examines the potential of modern technologies, knowledge, and information as necessary components of the high-tech development of a knowledge-based civilization. The theoretical and methodological foundation of the study is based on the provisions of structural-functional, systemic, and activity-based approaches. A combination of methods was employed: content analysis of openly accessible specialized scientific literature on the knowledge-based economy and high-tech development, as well as methods of abstraction and modeling. In the course of the research, the author drew upon the works of D. Bell and A. Toffler devoted to post-industrial society, high-tech development, the knowledge-based economy, and digitalization. The study also separately uses the provisions of S.D. Bodrunov on NIS.2, knowledge-intensive production, and noonomy, which make it possible to consider knowledge-intensive technologies not only as a sign of a post-industrial shift, but also as a prerequisite for deeper changes in production, labour, and social developmental and high-tech development, the knowledge economy, digitalization, and post-industrial society.

Keywords: knowledge, information, knowledge-intensive technologies, high technologies, post-industrialism, post-industrial society, NIS.2, knowledge-based society, socio-humanitarian technologies, digitalization.

For citation: Chistyakov M. S. (2026). Knowledge-Intensive Technologies as a Key Factor in the New Development Paradigm. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 3, pp. 114–127. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-114-127

奇斯佳科夫 M. S.

俄罗斯合作大学 (俄罗斯, 弗拉基米尔)

知识密集型技术成为新发展范式的关键因素

摘要: 当代高科技正在改变文明发展模式, 使知识价值在从工业社会向后工业社会和知识型社会转型中的作用不断增强。社会正在见证这样一种现实: 那些在20世纪中叶还被视为遥远前景, 或被看作情感和体验工业产品的内容, 如科幻小说和电影, 如今正在逐步实现。本文探讨现代技术、知识和信息作为知识型文明高科技发展必要组成部分的潜力。本研究的理论与方法论基础源于结构功能论、系统论和活动论的相关原理。研究采用综合方法, 包括对公开获取的关于知识型经济和高科技发展的专业学术文献进行内容分析, 以及抽象和建模方法。在研究过程中, 作者参考了D. 贝尔和E. 托夫勒

关于后工业社会、高科技发展、知识型经济和数字化的研究成果。同时,本文还单独运用了S.D. 博德鲁诺夫关于第二代新工业社会、知识密集型生产和智慧经济的相关观点,从而将知识密集型技术不仅视为后工业转向的表现,也视为生产、劳动和社会发展发生更深层变化的前提。

关键词:知识、信息、知识密集型技术、高科技、后工业主义、后工业社会、第二代新工业社会、知识社会、社会人文技术、数字化。

引用注释:奇斯佳科夫M.S.(2026). 知识密集型技术成为新发展范式的关键因素//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 3, pp. 114–127. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-114-127

Современные процессы эволюции цивилизации характеризуются трансформационными изменениями постиндустриального развития практически во всех сферах общественной жизни [Малахова, 2016], что не могло не отразиться на самой «фактуре» общества. Как отмечает С.Д. Бодрунов, в политическом, экономическом и научном дискурсе в привычный терминологический оборот вошли дефиниции «знаниевая экономика», «информационное общество» [Бодрунов, 2019].

Авторские подходы, относящиеся к так называемой «постиндустриальной волне», с различных аспектов и ракурсов приводят качественные характеристики нового информационного общества и знаниевой экономики. Одним из основополагающих и определяющих факторов является кардинальное смещение к высокотехнологичной структуре экономики. Общество является свидетелем процессов, которые описаны в трудах Д. Белла и Э. Тоффлера в рамках теории информационного (постиндустриального) общества и третьей стадии волновой концепции общества, в которых интенсивно возрастает взаимопроникновение (конвергенция) технологий. Широкую популярность получили работы американского социолога М. Кастельса и японского экономиста Т. Сакайи, которые в своих трудах приводит С.Д. Бодрунов, рассматривая сетевую структуру общества и центральное значение знания в общественном развитии [Бодрунов, 2016].

Н.Н. Трофимова приводит следующие трактовки знаниевой экономики [Трофимова, 2022]:

1. Сегмент экономики, соотносимый с производством и трансфером знаний.
2. Наукоёмкие отрасли экономики.
3. Экономика в целом, в которой интеллектуальный потенциал и производство, распределение и использование знаний имеют стратегическое значение.

Экономическое развитие, в частности производство – как материальное, так и нематериальное, – подразумевает возрастание ценности знания в качестве стратегически необходимого актива во всех экономических категориях, т.е. содержит перманентные тенденции к переходу к экономике знаний. При этом важно учитывать, что экономика знаний не тождественна ноономике С.Д. Бодрунова, а выступает одной из предпосылок более глубокого изменения производства, труда и потребностей. С позиции критериальных индикаторов, которые отражают долю знаниевой экономики в институциональной плоскости развития государства, необходимо выделить численность специалистов, занятых в исследовательской деятельности и внедрении научных разработок в практическое русло, степень финансирования НИОКР в общей структуре государственных затрат и их коммерциализации [Родина, 2019], долю высокотехнологичных производств и их распределение по

секторам экономики, влияние высоких технологий на качество жизни населения, взаимопроникновение технологий (конвергенция) и т.п.

Переход к постиндустриальной экономике на платформе NBICS-конвергенции, предполагающей новое качество знания и уровень знаниеёмкого технологического развития, является предметом пристального внимания экономистов, политологов, философов и футурологов. Так называемые «новые» технологии – цифровые, когнитивные, био-, нано-, аддитивные, социальные и т.д. – активно эволюционируют, формируя знаниевую «надстройку» традиционного мира машинной техники. «Гибридные» технологии становятся частью обыденности в качестве комбинированного инструментария машинных и немашинных технологий для направления и регулирования естественных природных процессов в соответствии с целеполаганием социума [Бодрунов, 2018]. В данном случае принципиально важно, что речь идёт не о вытеснении материального производства, а о его насыщении знанием, научной компонентой и новыми формами организации труда.

Необходимо отметить, что развитие, основанное на знаниях и «новых» (знаниеёмких) технологиях, предполагает не только трансформацию существующих, но и создание новых высокотехнологичных производств, в которых технологический и интеллектуальный потенциал являются основным элементом синергии знаний и производства, формирования новой стоимости, расширения конкурентных преимуществ, технологической независимости и т.п.

Дефиниция «технология» имеет греческое происхождение, формируемое от составляющих «τέχνη» (умение, мастерство, искусство) и «λόγος» (мысль, наука, слово). Введённая в семантический оборот в 1772 году Иоганном Бекманом, она ассоциировалась с навыками ремесла, в более широком смысле – с производственным мастерством. Современная трактовка адаптирована к изменениям, связанным с развитием цивилизации, и означает научно-методические подходы, средства и процессы достижения целеполагания.

В реалиях возрастания креативно-инновационных тенденций трансформации экономики возрастает ценность технологического потенциала, отличающегося прорывной знаниеёмкостью и спектром конкурентных преимуществ по сравнению с существующими технологическими продуктами. В данной связи типологизируем технологии, исходя из их жизненного цикла и ценности для экономики в целом [Багирова, 2018; Мельничук, 2003]:

- уникальные, используемые на основе исключительного (монопольного) владения ими, предоставляемого интеллектуальным правом;
- прогрессивные, отличающиеся от традиционных аналогичных технологий наличием преимуществ технико-экономического характера – новизной и экономическим эффектом, повышенной эффективностью, расширенным спектром конкурентных преимуществ, экологичностью;
- традиционные, используемые повсеместно и обеспечивающие привычный уровень жизни, производства и экономических показателей;
- морально устаревшие, не соответствующие современным стандартам, характеризующиеся низкой эффективностью, высокой себестоимостью обслуживания, уровнем износа, технологическим отставанием и крайне низкой конкурентоспособностью.

Дифференциация уникальных и прорывных технологий, которые содержат значительную долю знания, предполагает значительные затраты, в том числе на высококвалифицированный кадровый ресурс, и заключается в отличии по природе возникновения, целеполаганию и влиянию на рыночную составляющую цивилизационного развития.

Так, по мнению А. Герасимова, цифровизация является источником усиления значения производственного потенциала в экономике, который эволюционирует на основе конвергенции ресурсных составляющих материального характера и киберфизических систем [Герасимов, 2019], предполагающих значительную долю знаниевой составляющей. В данном случае платформенной основой эволюции производства является производственный потенциал, сформированный в период индустриализации Советского Союза.

Знание преобразует потенциал научных исследований в фундаментальный актив критических технологий, формирующих национальную безопасность и технологический суверенитет государства. В военно-промышленном комплексе это научно-технические разработки новейших видов вооружения. Наукоёмкие технологии обеспечивают высокотехнологичное развитие перспективных направлений промышленного потенциала и секторов экономики, в том числе гражданского сектора: умное производство, индустрия наносистем, биомедицинские и когнитивные технологии, беспилотные и автономные системы и т.п.

Значение технологического потенциала в качестве гаранта высокого качества жизни граждан, благосостояния и сохранения глобальной стратегической безопасности государства подтверждается смещением к востребованности интеллектуально-творческой деятельности по отношению к процессу простого создания материального блага. В постиндустриальной экономике ценность создаваемого общественного продукта всё более смещается в диапазон нематериального свойства. В подходе С.Д. Бодрунова этот сдвиг следует рассматривать не как исчезновение материального производства, а как изменение его качества за счёт знания, науки, технологий и творческого труда [Бодрунов, 2018; Бодрунов, 2019].

По мнению С.Д. Бодрунова, в постиндустриальном обществе изменяется ресурсная составляющая высокотехнологичной экономики. Информация становится значимым ресурсом и продуктом [Бодрунов, 2018]. Само наличие информации предполагает её обработку и анализ, что подразумевает высокий уровень развития общества и квалификации работника. Знания становятся главным неисчерпаемым активом постиндустриальной экономики и информационного общества, основой интеллектуального взаимодействия государства, общества, бизнеса и научного сообщества по принципу «четверной спирали» человекоориентированного цивилизационного развития. При этом для реализации нооперехода принципиально различать информацию как передаваемый и обрабатываемый ресурс и знание как результат человеческой познавательной и творческой деятельности [Бодрунов, 2018; Дмитриев, 2025].

В данном контексте считаем целесообразным внести ремарку относительно демаркации понятий «знания» и «информация», поскольку имеются случаи их отождествления. Информацию можно идентифицировать в качестве сведений, природа которых не меняется от вариаций их представления; она является объектом хранения, передачи и обработки. С философских позиций информация является фундаментальным понятием, представляющим собой отражение существующей действительности – реального мира, при помощи которого индивид познаёт изменения, происходящие в пространстве. С технической стороны интересно следующее определение: информация – последовательность сигналов, передаваемых от передатчика к приёмнику, накапливаемых в запоминающем устройстве, обрабатываемых и выдаваемых в виде готовых результатов [Винер, 1958]. Знания же являются продуктом познания, результатом человеческой деятельности – так называемого про-

цесса познания. Проявление знания основывается на системной упорядоченности информации, в которой заключается отражение действительности, в соединении с имеющимся опытом, логическим обоснованием и необходимыми выводами. Учитывая вторую сигнальную систему, знаниями обладает только человек, что является одним из фундаментальных отличий человека от животного мира.

Отметим специфические дуальные проявления знаний и информации в контексте их свойств, необходимых для развития высоких технологий и характерных черт, присущие как знаниям, так и постиндустриальной эволюции [Чирков, 2020]:

- знания и информация глобальны в своих проявлениях безграничных свойств;
- в информационном обществе в пространственно-территориальном контексте не имеют ограничений по степени распространения, ограничиваясь только искусственно-институциональными барьерами;
- возрастающая тенденция к перманентному увеличению объема обмена знаниями и информацией;
- сценарная непредсказуемость последствий применения и генерации новых знаний в качестве составляющего элемента высоких технологий. Данная особенность зависит от целеполагания акторов, участвующих в созидательном процессе факторов постиндустриального развития;
- формирование особой экосистемы, в которой знания и информация приобретают статус товара (услуги) с достаточно быстрой скоростью распространения и потребления;
- одни и те же знания и информация могут быть использованы многократно, при этом в одно и то же время в разных местах без ограничений по субъектности применения;
- знания и информация есть следствие когнитивной деятельности человека, которые могут быть многократно транслированы без потери их свойств. Напротив, в процессе трансфера и использования знания потенциально могут прирастать новыми производными, что способствует генерации новых эмерджентных свойств.

Данные свойства способствуют размыванию границ между производством товаров и предоставлением услуг, трансформируя экономику под воздействием высоких технологий в сервисную плоскость функционирования. Крупнейшие корпорации уже предлагают не просто бренд, а комплексное решение, в котором продукт является своего рода сервисной платформой оказания высококачественных услуг. Меняется традиционная модель потребления в формат «продукт как услуга» [Миронова, 2025], в котором основополагающим является синергия знаний и технологий. При этом подобная сервисизация не отменяет производственной природы высокотехнологичного развития: в ней меняется не только форма предложения продукта, но и знаниеёмкость его создания, сопровождения и использования.

Возрастает значение творческой составляющей в интеллектуальном процессе создания ценностного блага. Расширяется востребованность особой среды функционирования креативно-интеллектуальных технологий (экосистемы), в которой особая роль отведена человеческой деятельности в качестве источника новых идей и подходов технологического развития. Данный тезис предполагает взаимодействие человеческого потенциала и высокотехнологичного развития, а также влияние высоких технологий на развитие новых возможностей человека и общества.

С учётом озвученной тенденции взаимозависимости высоких технологий и человеческого потенциала, приведём основные качественные характеристики содержания труда,

возникающие под воздействием креативно-интеллектуальной экосистемы и замещения капиталоемких технологий знаниеёмкими:

1. Появление новых и исчезновение существующих профессий [Губернаторов, 2024], что расширяет спектр возможностей реализации интеллектуального капитала, однако порождает комплекс проблем, связанных с прежним форматом труда и местом индивида в нем.

2. Изменяется характер и интенсивность процесса производства, что обусловлено эффектом, сформированным комплексом составляющих факторов: возрастание роли знания и технологий в создании блага; расширение разнообразия операций, последовательно усложняющихся по мере возрастания наукоёмкости создаваемого продукта; необходимость креативного подхода в решении нестандартных задач.

3. Перманентное снижение зависимости работника от фиксированного рабочего места и средств производства работодателя. Данная трансформация обусловлена возрастанием значения информационно-коммуникационных технологий и потенциала цифровизации.

4. Изменяются критерии оценки результатов исходя из трансформации характера трудовой деятельности. Все большую долю в производственном процессе занимает эффект синергии и эмерджентности применения знаниеёмких технологий и командной работы, что значительно эффективнее прежних подходов индустриальной экономики.

5. Вариативность товарных линеек и предоставляемых услуг подвержена дальнейшему дополнению и расширению, в том числе из-за сокращения жизненного цикла и изменения ассортиментных и технологических характеристик продукции, что влияет на необходимость перманентного повышения квалификации работников и верификации знаний и компетенций.

6. Возрастание числа и разнообразия нестандартных задач, возникающих в процессе изменений условий труда, требований рынка, потребностей и пожеланий целевой аудитории, что предполагает иную архитектуру менеджмента кадрового и интеллектуального потенциала в условиях всевозрастающей конкуренции высокотехнологичной экономики;

7. Изменяется значимость труда и статус профессиональной деятельности. Подвержено трансформации и отношение к карьере у работников, учитывая, что многие физически тяжелые и изнурительные виды профессий либо претерпевают существенные изменения, либо вовсе исчезают, освобождая сферу услуг и производственную нишу для знаниеёмких профессий и высокотехнологичной деятельности.

С изменением содержания труда тесно взаимосвязана дефиниция американского экономиста Р. Флорида, предложившего социальную группу, тесно связанную с постиндустриальной экономикой, называть «креативным классом» [Р. Флорида, 2005]. Ю.В. Латов отмечает переход от капитализма, вторичной фазы общественной формации, к новой – третичной формации, сопровождаемый многочисленными противоречиями [Латов, 2024], которые обсуждаются в многочисленных дискурсах, рассматриваются и анализируются в научных трудах, посвященных переходу к постиндустриальному обществу.

Отдельного внимания заслуживает тематика, посвященная постиндустриальному обществу и креативному классу в качестве акторов постиндустриальной экономики. Американский социолог Д. Белл в своих трудах «Грядущее постиндустриальное общество», «Эпоха разобщенности» выделяет основные факторы и причины перехода к обществу нового типа. Он же отмечает, что дефиниция «постиндустриальное общество» наиболее уместна для упоминания в исследованиях последующего развития (развития цивилизации), поскольку

ку иные термины характеризуют лишь один аспект либо заостряют внимание на определенном признаке (например, «информационное» общество, общество «нового типа» и т.п.). Дефиниция «постиндустриальное общество» предполагает акцент на преодолении индустриальной природы предшествующего способа производства в формирующемся новом обществе.

Д. Белл приводит следующие характерные признаки «постиндустриального общества»: определяющее значение теоретического знания в качестве источника новых экономических и политических решений; переход от материального производства к преимущественно производственной сфере услуг; создание технологического потенциала интеллектуального типа; знание становится основной ценностью, способствующей экономическому развитию и росту; решения принимаются на основе интеллектуальной технологии, исключая интуитивную составляющую; образование и компетенции становятся основой элиты (меритократии) постиндустриального общества; возрастает роль женщин в обществе – в экономике, в государственном управлении; образование становится ключевым сектором, одним из условий развития. Он утверждает, что на каждом конкретном этапе развития постиндустриализма представленные константы будут сохраняться. Однако, по мнению учёного, это не означает полную подмену индустриального общества постиндустриализмом. Он приводит аналогию с древними фресками, на которые с течением времени послойно наносятся новые изображения. Так же и в развитии цивилизации – более новые явления накладываются на предыдущие, нивелируя некоторые характерные черты общества и формируя его единую фактуру [Белл, 1999].

В данном контексте необходимо озвучить позицию С.Д. Бодрунова, содержащую критику взглядов «постиндустриалистов». Учёный считает, что неоправданно преувеличено значение сферы услуг. По его мнению, значительная часть индустриального производственного потенциала перенесена на периферию, в так называемые государства экономического Юга [Маслов, 2020]. Он же отмечает дуализм постиндустриализма: при внешнем росте сферы услуг сохраняется знаниеёмкость индустриальных процессов, обеспечивающих потребности общества. Специфический ресурс – знания, все больше превалирует над материальными ресурсами, имплементируется не только в технологии и производство, но и проникает во все сферы жизни общества в рамках процессов глобальной цифровизации, что принципиально меняет его нарративы и структуру [Бодрунов, 2024].

По мнению ряда ученых, учитывая центральное положение знания и информации в постиндустриализме, одним из определяющих элементов политической, экономической и социальной жизни становится формирование социального уклада в конвергенции с информационно-коммуникационными технологиями и интеллектуализацией труда. Всевозрастающие объемы информационных массивов предполагают значительное увеличение технологического цифрового потенциала с параллельным развитием соответствующей обслуживающей инфраструктуры в условиях всевозрастающих потребностей информационного общества.

Одним из этапов высокотехнологичного развития является становление цифрового общества («Общества 5.0»), характеризующееся всесторонней цифровой трансформацией, в которой технологии формируют особую экосистему обитания. Данная экосистема в синергии со знаниями формирует значительный эмерджентный потенциал постиндустриальной эволюции. Зачастую цифровое общество характеризуется через описание соответствующей обе-

спечительной инфраструктуры, напрямую воздействующей на цифровые технологии. Кроме того, исследователи постиндустриальной эволюции описывают трансформацию социальных связей и социальных практик, а также общественных отношений в цифровом обществе.

В постиндустриальном обществе изменяется социокультурный аспект потребления, поскольку с развитием сервисной и цифровой экономики трансформируется система ценностей, особенно подрастающего поколения. Потребление перестает быть просто процессом удовлетворения базовых потребностей, а становится творческим подходом конструирования идентичности.

Постиндустриальное общество подразумевает описательный аспект рассмотрения технологической инфраструктуры. При этом целесообразно корреляционно учитывать влияние технологий на изменение социальных взаимоотношений, связей и практик. Информация входит в разряд двойственного функционала, выполняя инфраструктурную функцию и функцию посредническую, в комплексе обеспечивая конструктивную взаимосвязь и взаимодействие между резидентами технологического процесса, являясь необходимым элементом особой экосистемы. Например, Н.Д. Узлов отмечает, что гуманитарные технологии обладают значительным потенциалом ресурсности, учитывая множественность субъектности, направленной на управление системами сложного структурного порядка, начиная от индивида и заканчивая обществом в целом. Они специфичны, учитывая нелинейность связей и взаимодействия элементов, формирующих социальный эффект [Узлов, 2011].

Тем самым дефиниция «технологии» применима не только к сферам, напрямую связанным с инженерным искусством или техникой, но, в условиях постиндустриального общества и возрастающей ценности знания, к любой сфере социума. Различают политические, образовательные, финансовые, экономические, управленческие, социальные, гуманитарные технологии. Данная градация отражает спектр применения и вариации способов систематизации деятельности в современном цивилизационном развитии.

Конвергенция цифровых технологий и гуманитарных технологий приводит к формированию высокотехнологичной гуманитарной сферы, которая, помимо положительного потенциала, несет скрытые угрозы для индивида и социума. Так, высокотехнологичные гуманитарные технологии являются потенциальным инструментарием манипулирования сознанием на различных уровнях – ментальном и психологическом. М.Г. Делягин полагает, что данные технологии имеют двойственную природу [Делягин, 2000]. Помимо основной цели их создания в аспекте улучшения коммуникаций, генерации потенциала аналитических, информационных и организационных возможностей, формирования позитивной корпоративной культуры и имиджа и т.п., они имеют потенциал негативного деструктивного воздействия на индивида и общество в целом.

В данной связи отдельного внимания заслуживает рассмотрение социально-гуманитарных технологий воздействия [Подберезкин, 2019] на ценностно-мотивационную составляющую индивида, а также технологий манипулирования социальными группами посредством «мягких» методов убеждения, культурного влияния и социального проектирования для скрытого управления поведением в условиях перманентно возрастающих угроз.

Стратегическое значение социально-гуманитарных технологий заключается в их потенциале инструментальной составляющей, которая потенциально может быть использована не только в целях управления кадровыми ресурсами, мониторинга и изучения процессов, происходящих в экономике, как это было озвучено выше, но и в целях мани-

пулирования, оказания воздействия на индивида и социальное пространство в целом, что, соответственно, подразумевает различный эффект в контексте влияния на динамику общественного развития. В связи с этим необходимость вовлечения так называемых high-hume (высоких гуманитарных технологий) в процесс воздействия на индивидуальное и общественное сознание в современных реалиях обусловлена коренными трансформационными изменениями в экономике и социуме.

Данные процессы сопровождаются технологическими преобразованиями в производственных цепочках, что, в свою очередь, изменяет структуру мирового хозяйства, увеличивая долю сферы услуг и сервиса, а также усиливая конкурентные проявления в борьбе за потребителя. В данной связи одним из конкурентных преимуществ потенциально будет являться минимизация сроков удовлетворения потребительского спроса, что, по мнению Н.В. Василенко, потребует реализации следующих направлений [Василенко, 2019]:

- оценка преобразования информации в продукт и услуги с точки зрения гуманитарного подхода для создания этического и ценностно-идеологического фильтра, необходимого для предотвращения потенциальной угрозы деструктивных изменений существующего формата общества;

- постепенная адаптация населения к высокотехнологичным изменениям в цифровом пространстве.

Учитывая тесную взаимосвязь экономики знаний и технологического развития, по нашему мнению, необходимо озвучить семантическое содержание сферы высоких технологий – технологических достижений – в условиях перехода от отраслевой принадлежности к фокусу инфраструктурного обеспечения экономического развития.

Так, Макгуэйд содержательно разграничил понятие «высокотехнологические достижения» при методологии определения изначальных продуцентов высокотехнологичных продуктов в последующей цепочке использования и капитализации их достижений. Он разделяет инновации и технологические достижения, тем самым подтверждая грань между близкими дефинициями «научеёмкие технологии» и «высокие технологии» в качестве идентификации из ракурсе результата и процесса.

Бучарт, Брегини и Макгуэйд сформулировали методологическую конструкцию понятийной дифференциации высокотехнологичных отраслей, которая представляет собой вариацию группировки отраслевых индикаторов (измерителей) с позиции интенсивности исследований и разработок, включающих долю (в процентах) персонала, занятого в исследованиях и экспериментах, от общего числа персонала хозяйствующего субъекта.

По мнению Н. Чедрини и М. Фонтана, в ближайшем будущем произойдет расширение институциональных направлений в экономической науке [Cedrini, 2018]. Данная действительность является актуальной необходимостью адаптации экономических моделей к условиям знаниеёмкости и высокотехнологичного развития постиндустриализма в условиях быстро меняющихся турбулентных процессов.

Экономический эффект заключается в использовании накопленных знаний в фокусе высоких технологий. Однако, наряду с положительным эффектом, необходимо учитывать вероятность негативного воздействия знаний и высоких технологий на социум [Лачинина, 2020]. Данная угроза возрастает в условиях геополитической неопределенности мировых турбулентных процессов.

В заключение отметим, что в настоящей действительности сохраняется параллельное функционирование индустриального и постиндустриального сегмента экономики, при котором новые знаниеёмкие формы не вытесняют одномоментно индустриальные, а накладываются на них и изменяют их качество. При этом цифровые преобразования и высокие технологии способствуют ускорению темпов накопления знаний и совершенствованию компетенций персонала в условиях усложнения процессов создания блага. Необходимым условием развития знаниевой экономики и высоких технологий выступает устойчивость институциональной среды, поддержка ее развития и совершенствования в согласовании с процессами, происходящими в турбулентной среде, при сохранении значимой роли фундаментальной науки.

Список источников

- Багирова К.Э. (2018). Социальные и гуманитарные технологии в обществе знания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 18, № 2. С. 174–178. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-174-178.
- Белл Д. (1999). Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia. CLXX, 783 с.
- Бодрунов С.Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 328 с.
- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Бодрунов С.Д. (2019). Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. Т. 20, № 1. С. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1.
- Бодрунов С.Д. (2024). Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 248, № 4. С. 56–65. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-56-65.
- Василенко Н.В. (2019). Эволюция технологий в современной экономике. СПб.: КультИнформПресс. 93 с.
- Винер Н. (1958). Кибернетика и общество. URL: https://imwerden.de/pdf/wiener_kibernetika_i_obshchestvo_1958__ocr.pdf (дата обращения: 10.12.2025).
- Герасимов А. (2019). ИИТ, цифровая экономика и цифровая промышленность в России и мире // Control Engineering Россия ИИТ. URL: <https://www.controlengrussia.com/internet-veshhej/cifrovaja-promyshlennost/> (дата обращения: 25.12.2025).
- Губернаторов А.М., Чистяков М.С. (2024). Исчезающие и новые профессии как новая действительность постпандемийной реальности // Экономика, менеджмент, сервис: современные проблемы и перспективы: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 7–8 ноября 2024 г. Омск: Омский государственный технический университет. С. 176–178.
- Деягин М.Г. (ред.) (2000). Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / О.В. Братимов, Ю.М. Горский, М.Г. Деягин, А.А. Коваленко. М.: ИНФРА-М. 342 с.
- Дмитриев Н.Д. (2025). Искусственный интеллект как инфраструктура ноо-селекции знаний в условиях цифровой избыточности // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 4, № 4. С. 22–43. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-4-22-43.

- Латов Ю.В. (2024). Концепции и эмпирика формирования посткапиталистического «креативного класса» (класса профессионалов) // Вопросы политической экономии. № 2. С. 75–89. DOI: 10.5281/zenodo.12622452.
- Лачинина Т.А., Чистяков М.С. (2021). Биотехнологии в формировании постиндустриального облика человеческой цивилизации // Экономическое возрождение России. № 2(68). С. 130–145. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-2-68-130-145.
- Малахова Т.С. (2016). Трансформация внешнеэкономических связей мирового авангарда и мировой периферии: позиции России. Краснодар: Просвещение-Юг. 210 с.
- Маслов Г.А. (2020). Концепция НИО.2 и ноономики: истоки становления в экономической теории // Экономическое возрождение России. № 2(64). С. 142–151. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-142-151.
- Мельничук А.П. (2003). Роль национального технологического выбора в развитии внешнеэкономических связей страны: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. М. 133 с.
- Миронова М.Д., Разумовская Е.М., Рубцов В.А. (2025). Эволюция концепций сервисной экономики: от индустриального к постиндустриальному подходу // Вестник евразийской науки. Т. 17, № 5. URL: <https://esj.today/PDF/56ECVN525.pdf>.
- Подберезкин А.И., Чирков М.А., Чистяков М.С. (2019). Технологии «цветных революций». Инструмент смены «неудобных» режимов: генезис сетевой трансформации // Свободная мысль. № 3(1675). С. 177–184.
- Родина Т.Е., Мазепина В.О. (2019). Актуальные проблемы использования цифровых технологий сектора государственного управления и направления их решения // Вызовы цифровой экономики: итоги и новые тренды: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 7 июня 2019 г. Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет. С. 461–466.
- Трофимова Н.Н. (2022). Значимость экономики знаний для экономического роста в современных условиях // Казачество. № 62(5). С. 81–87.
- Узлов Н.Д. (2011). Настоящее и будущее гуманитарных технологий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 4(8). С. 62–70.
- Флорида Р. (2005). Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Пер. с англ.: Издательский дом «Классика-XXI». 421с.
- Чирков М., Лачинина Т., Чистяков М. (2020). Знания и информация как синергия платформенного подхода цифровизации глобального развития // Свободная мысль. № 5(1683). С. 37–44. DOI: 10.24411/0869-4435-2020-00003.
- Cedrini M., Fontana M. (2018). Just Another Niche in the Wall? How Specialization is Changing the Face of Mainstream Economics // Cambridge Journal of Economics. Vol. 42, No. 2. Pp. 427–451. DOI: 10.1093/cje/bex064.

References

- Bagirova K.E. (2018). Social and Humanitarian Technologies in the Knowledge Society. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*, Vol. 18, No. 2, pp. 174–178. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-174-178. (In Russ.).
- Bell D. (1999). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting* / translated from English; V.L. Inozemtsev (ed.). Moscow: Academia. CLXX, 783 p. (In Russ.).

- Bodrunov S.D. (2016). *The Future. New Industrial Society: Reloaded*. 2nd ed., revised and supplemented. St. Petersburg: S.Y. Witte Institute for New Industrial Development. 328 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2018). *Noonomy*. Moscow: Kulturnaya Revolyutsiya. 432 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2019). Noonomy: Conceptual Foundations of a New Development Paradigm. *Journal of New Economy*, Vol. 20, No. 1, pp. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2024). The Russian Economy 2024+: New Solutions in a New Reality. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, Vol. 248, No. 4, pp. 56–65. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-56-65. (In Russ.).
- Vasilenko N.V. (2019). *The Evolution of Technologies in the Modern Economy*. St. Petersburg: Kult-InformPress. 93 p. (In Russ.).
- Wiener N. (1958). *Cybernetics and Society*. URL: https://imwerden.de/pdf/wiener_kibernetika_i_obshchestvo_1958__ocr.pdf (accessed: 10.12.2025). (In Russ.).
- Gerasimov A. (2019). IIoT, Digital Economy and Digital Industry in Russia and the World. *Control Engineering Russia IIoT*. URL: <https://www.controlengrussia.com/internet-veshnej/cifrovaja-promyshlennost/> (accessed: 25.12.2025). (In Russ.).
- Gubernatorov A.M., Chistyakov M.S. (2024). Disappearing and New Professions as a New Reality of the Post-Pandemic Period. In: *Economics, Management, Service: Current Problems and Prospects: Proceedings of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference, Omsk, November 7–8, 2024*. Omsk: Omsk State Technical University, pp. 176–178. (In Russ.).
- Delyagin M.G. (ed.) (2000). *The Practice of Globalization: Games and Rules of the New Era* / O.V. Bratimov, Yu.M. Gorsky, M.G. Delyagin, A.A. Kovalenko. Moscow: INFRA-M. 342 p. (In Russ.).
- Dmitriev N.D. (2025). Artificial Intelligence as an Infrastructure for Noo-Selection of Knowledge under Conditions of Digital Redundancy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INIR*, Vol. 4, No. 4, pp. 22–43. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-4-22-43. (In Russ.).
- Latov Yu.V. (2024). Concepts and Empirics of the Formation of the Post-Capitalist “Creative Class” (Class of Professionals). *Issues of Political Economy*, No. 2, pp. 75–89. DOI: 10.5281/zenodo.12622452. (In Russ.).
- Lachinina T.A., Chistyakov M.S. (2021). Biotechnologies in Shaping the Post-Industrial Image of Human Civilization. *Economic Revival of Russia*, No. 2(68), pp. 130–145. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-2-68-130-145. (In Russ.).
- Malakhova T.S. (2016). *Transformation of Foreign Economic Relations between the Global Vanguard and the Global Periphery: Russia’s Position*. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug. 210 p. (In Russ.).
- Maslov G.A. (2020). The Concept of NIS.2 and Noonomy: Origins in Economic Theory. *Economic Revival of Russia*, No. 2(64), pp. 142–151. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-142-151. (In Russ.).
- Melnichuk A.P. (2003). *The Role of National Technological Choice in the Development of the Country’s Foreign Economic Relations*: Cand. Sci. (Econ.) Dissertation: 08.00.14. Moscow. 133 p. (In Russ.).
- Mironova M.D., Razumovskaya E.M., Rubtsov V.A. (2025). Evolution of Service Economy Concepts: From an Industrial to a Post-Industrial Approach. *The Eurasian Scientific Journal*, Vol. 17, No. 5. URL: <https://esj.today/PDF/56ECVN525.pdf>. (In Russ.).
- Podberezkin A.I., Chirkov M.A., Chistyakov M.S. (2019). Technologies of “Color Revolutions”. A Tool for Changing “Undesirable” Regimes: Genesis of Network Transformation. *Free Thought*, No. 3(1675), pp. 177–184. (In Russ.).

- Rodina T.E., Mazepina V.O. (2019). Current Problems of Using Digital Technologies in the Public Administration Sector and Ways to Solve Them. In: *Challenges of the Digital Economy: Results and New Trends: Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference, Bryansk, June 7, 2019*. Bryansk: Bryansk State University of Engineering and Technology, pp. 461–466. (In Russ.).
- Trofimova N.N. (2022). The Importance of the Knowledge Economy for Economic Growth in Modern Conditions. *Cossacks*, No. 62(5), pp. 81–87. (In Russ.).
- Uzlov N.D. (2011). The Present and Future of Humanitarian Technologies. *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, Issue 4(8), pp. 62–70. (In Russ.).
- Florida R. (2005). *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life* / translated from English. Moscow: Klassika-XXI. 421 p. (In Russ.).
- Chirkov M., Lachinina T., Chistyakov M. (2020). Knowledge and Information as a Synergy of the Platform Approach to the Digitalization of Global Development. *Free Thought*, No. 5(1683), pp. 37–44. DOI: 10.24411/0869-4435-2020-00003. (In Russ.).
- Cedrini M., Fontana M. (2018). Just Another Niche in the Wall? How Specialization is Changing the Face of Mainstream Economics. *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 42, No. 2, pp. 427–451. DOI: 10.1093/cje/bex064.

Информация об авторе

Чистяков Максим Сергеевич

младший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры современного образования Российского университета кооперации (600000, РФ, Владимирская обл., Владимир, ул. Воровского, 16)

E-mail: shreyamax@mail.ru

Information about the author

Maksim S. Chistyakov

Junior Researcher, Senior Lecturer at the Department of Modern Education, Russian University of Cooperation (16 Vorkovskogo ul., Vladimir, Vladimir Oblast, 600000, Russia).

E-mail: shreyamax@mail.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-128-139

В.С. Воронов

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (Москва, Россия)

В.Р. Смирнова

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (Москва, Россия)

С.В. Чернявский

Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, Россия)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В ЭПОХУ НООПЕРЕХОДА

Аннотация: работа посвящена исследованию процессов цифровой трансформации инвестиционных возможностей в контексте перехода к ноономике с учетом растущего приоритета использования результатов интеллектуальной деятельности. В силу крайне высокой неопределенности инвестиционной отдачи цифровых интеллектуальных активов, их оборот на платформах микрофотосток рассматривается в рамках концепции реальных опционов. Проанализирована специфика функционирования микрофотосток как генераторов цифровых опционов, обеспечивающих создание и реализацию инвестиционных возможностей для авторов, инвесторов и конечных пользователей. В ходе исследования установлено, что инвестиционные возможности цифровой платформы определяются текущим балансом цифровых опционов (активов) и цифрового долга (обязательств), которые формируются в процессе управления результатами интеллектуальной деятельности (РИД) участников платформенной экосистемы. При этом под РИД следует понимать не только цифровые интеллектуальные активы в виде креативного контента, но также элементы программной и информационной архитектуры цифровой платформы.

Ключевые слова: долг, инвестиции, ноономика, опцион, цифровая платформа, цифровой интеллектуальный актив, фотосток, экосистема.

Для цитирования: Воронов В.С., Смирнова В.Р., Чернявский С.В. (2026). Цифровая трансформация инвестиционных возможностей в эпоху нооперехода // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 5, № 3. С. 128–139. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-128-139

Victor S. Voronov

Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russia)

Veronika R. Smirnova

Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russia)

Sergey V. Chernyavsky

Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russia)

DIGITAL TRANSFORMATION OF INVESTMENT OPPORTUNITIES IN THE ERA OF NOOTRANSITION

Abstract. This paper examines the digital transformation of investment opportunities in the context of the transition to noonomy, taking into account the growing priority of exploiting the results of intellectual activity. Due to the extremely high uncertainty of investment returns on digital intellectual assets, their circulation on microphotostock platforms is examined within the framework of the concept of real options. The specifics of microphotostock platforms' functioning as digital option generators are analyzed, facilitating the creation and realization of investment opportunities for authors, investors, and end users. The study found that the investment potential of a digital platform is determined by the current balance of digital options (assets) and digital debt (liabilities), which are formed through the management of the results of intellectual activity (RIA) of platform ecosystem participants. RIA should be understood as not only digital intellectual assets in the form of creative content, but also elements of the digital platform's software and information architecture.

Keywords: debt, investment, noonomy, option, digital platform, digital intellectual asset, photostock, ecosystem.

For citation: Voronov V. S., Smirnova V. R., Chernyavsky S. V. (2026). Digital Transformation of Investment Opportunities in the Era of Nootransition. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 3, pp. 128–139. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-128-139

沃罗诺夫 V. S.

俄罗斯国立知识产权学院 (俄罗斯, 莫斯科)

斯米尔诺娃 V. R.

俄罗斯国立知识产权学院 (俄罗斯, 莫斯科)

切尔尼亚夫斯基 S. V.

俄罗斯科学院中央经济数学研究所 (俄罗斯, 莫斯科)

向智慧经济过度时期投资机会的数字化转型

摘要: 本文致力于研究向智慧经济过度条件下投资机会的数字化转型过程,并考虑到日益增长的利用智力活动成果的重要性。数字知识资产投资回报的不确定性极高,因此本文从实物期权理论的角度,探讨了其在微图库平台上的流通机制。文章分析了微图库作为数字期权生成器的运作特点,这些

期权为作者、投资者和终端用户创造了投资机会。研究发现,数字平台的投资机会由数字期权(资产)与数字债务(负债)的当前平衡决定,而这两者是在平台生态系统参与者管理其智力活动成果(RID)的过程中形成的。在这里,智力活动成果不仅指以创意内容形式存在的数字知识产权资产,还包括数字平台软件与信息架构的组成部分。

关键词: 债务、投资、智慧经济、期权、数字平台、数字知识产权、图片库、生态系统。

引用注释: 沃罗诺夫 V. S., 斯米尔诺娃 V. R., 切尔尼亚夫斯基 S. V. (2026). 向智慧经济过度时期投资机会的数字化转型//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 3, pp. 128–139. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-128-139

Введение

Наблюдаемая сегодня цифровая трансформация инвестиционных процессов охватывает, в том числе, возможности инвестирования в интеллектуальные активы, являющиеся, по определению, самыми перспективными ресурсами ноономики. В частности, такие возможности пользователям предоставляют современные цифровые платформы микротождествов (фотостоки), которые развивают гибкие бизнес-модели коммерческого оборота готовых цифровых изображений, видео, звуковых файлов и 3D-моделей [Воронов, Виктор, 2025, с. 89]. Фотостоки являются примером успешных представителей креативного сектора цифровой экономики, ускоренное развитие которого характерно для текущего состояния перехода к ноономике – нооперехода [Бодрунов, 2025, с. 26]. Тем не менее, теоретические основы инвестирования в цифровые интеллектуальные активы пока не сформированы, а бизнес-практика упомянутых цифровых платформ строится преимущественно на основе проб и ошибок.

По мнению авторов, в обширном потоке исследований, посвященных анализу деятельности современных цифровых платформ наиболее интересны подходы, в которых использованы элементы концепции реальных опционов. В одном из таких подходов, в соответствии с принципами двойной записи, цифровые (реальные) опционы, создаваемые в платформенной экосистеме (как активы) предлагается балансировать с помощью цифрового долга (как обязательства). При этом к пониманию сути цифрового долга авторы подходят, отталкиваясь от концепции технического долга, сформировавшейся в сфере программной инженерии и информационных систем [Rolland et al., 2018]. Однако следует отметить, что в указанном подходе проблемы управления цифровыми платформами рассматриваются безотносительно к экономическому обороту интеллектуальных активов в какой-либо форме.

В настоящем исследовании, в силу чрезвычайно высокой неопределенности инвестиционной отдачи цифровых интеллектуальных активов, предлагается рассматривать их в рамках концепции реальных (цифровых) опционов, экономический оборот которых обусловлен формированием ряда обязательств, характерных для инвестиционной среды современных цифровых платформ.

Результаты исследования и их обсуждение

Как известно, в теории финансов опцион представляет собой право на реализацию или отказ от инвестиционной возможности в будущем. Держатель финансового опциона получает преимущественное право выбора при осуществлении инвестиций [Black, Sholes,

1973]. Кроме того, концепция опциона была адаптирована также для процессов реализации стратегических возможностей организации или субъекта участвовать (или не участвовать) в будущих действиях посредством последовательных инвестиций в какие-либо ресурсы [Bowman, Hurry, 1993].

Опционное мышление в более широком понимании помогает менеджерам разрабатывать стратегии посредством генерации вариантов инвестирования, которые вытекают (1) из текущих возможностей, (2) будущих возможностей инвестиционной среды и (3) связанных с ними неопределенностей. Например, применяя эту концепцию к управлению возможностями информационных систем, Самбамурти с коллегами предположили, что инвестиции организации в информационные технологии вместе с изменениями в ее технологической среде можно рассматривать как *цифровые опционы* для конкурентных действий [Sambamurthy et al., 2003].

Таким образом, цифровое опционное мышление помогает менеджерам рассматривать инвестиции в информационные технологии без твердых обязательств по их реализации, разрабатывать и объединять варианты для оценки альтернативных инвестиций, и в конечном итоге осуществлять выборочные инвестиции в определенные информационные технологические возможности [Sandberg, Mathiassen, Napier, 2014]. В контексте цифровых платформ цифровые опционы представляют собой возможности для инвестирования в новые технические и информационные функции, которые увеличивают ценностное предложение платформы, как для партнеров по бизнесу, так и для конечных пользователей.

Современная цифровая платформа предлагает пользователям доступ к непрерывному потоку продуктов, услуг и приложений, которые производятся субъектами в экосистеме платформы. Каждое такое предложение помогает менеджерам понять, создаст ли принятие предложения выгоды для бизнеса организации. Таким образом, цифровые платформы можно трактовать как *генераторы цифровых платформенных опционов* в организационном контексте. Выявление вероятных цифровых опционов, по сути, подразумевает не что иное, как распознавание новых инвестиционных, информационных, технических и иных функций платформы. Разработка новых опционов включает, в том числе, оценку и объединение новых функций в желаемые и осуществимые конкурентные действия, а реализация выбранных опционов включает внедрение новых функций в инфраструктуру и рабочие процессы организации.

Цифровой интеллектуальный актив как реальный опцион

Фотостокковые компании предоставляют пользователям платформенные технологии, и обеспечивают с их помощью различные сервисы, с одной стороны – авторам/инвесторам, с другой стороны – покупателям лицензий. На продажу лицензий влияет множество факторов, включая художественную ценность изображения, тематическую направленность, сезонные и модные тренды, цветовую гамму, качество исполнения, физический размер, и даже имя автора. Перечисленные и другие факторы вносят чрезвычайно высокую неопределенность в процесс получения инвестиционной отдачи от активов. Эта неопределенность отражается не только на количестве проданных лицензий, но еще и приводит к тому, что некоторая часть активов вообще не находит спроса и не дает инвестиционной отдачи. Причем, это может продолжаться достаточно долго, иногда – многие годы.

В результате, практически в любом среднестатистическом портфеле имеются изображения, лицензии на использование которых никогда не продавались. Но и успешные изображения можно разделить на группы, в зависимости от того, были ли проданы одна-две лицензии (до десяти), или это были десятки лицензий (до ста), или же, наконец, многие сотни и тысячи, и это уже так называемые активы-рекордсмены, на которые обратил внимание глобальный рынок графического дизайна [Воронов, Виктор, 2024]. Очевидная вероятностная природа этого процесса позволяет рассматривать *цифровые интеллектуальные активы такого класса как реальные опционы*, которые дают возможность (1) авторам/инвесторам, (2) менеджерам платформы, и (3) конечным покупателям лицензий предпринимать определенные шаги, способствующие улучшению (изменению) условий исполнения таких опционов в будущем.

Например, фотосток предоставляет покупателям право самим выбрать тип лицензии, который им нужен: стандартный, расширенный, редакционный (editorial), и др. В свою очередь, приобретая лицензию, покупатель получает право, но не обязанность использовать все лимиты, установленные в ней. В частности, лимиты, касающиеся максимального тиража издания, в котором будет использовано изображение, в стандартной лицензии обычно составляют 250 тыс. единиц. С другой стороны, если покупателю требуется больший тираж, практикуется покупка двух или более лицензий на использование одного и того же изображения. Таким образом, опционная логика позволяет покупателям управлять своими производственными потребностями.

На стороне фотостока опционное мышление также заложено в предоставлении покупателям широкой линейки так называемых «подписок», которые позволяют, уплатив заранее (полный аналог опционной премии) получить право (но не обязанность) выгодно приобретать в следующем периоде фиксированное большое количество лицензий на любые изображения, например, 500 или 1000 штук ежедневно. Такие опционы чрезвычайно выгодны для профессиональных участников рынка графического дизайна, рекламы и маркетинга, т.е. всех тех, кто покупает готовые цифровые изображения изо дня в день в больших количествах, в рамках своей профессиональной деятельности.

Когда такие покупатели, вольно или невольно, выделяют какое-то изображение (видео, звуковой файл), то начинается лавинообразный рост продажи лицензий на его использование. В частности, известны факты рекордных продаж десятков тысяч лицензий на использование отдельных фотографий, видео роликов. В результате, инвестиционная отдача таких активов увеличивается лавинообразно, и дает возможность в какой-то мере или полностью компенсировать отсутствие отдачи от других активов в портфеле, как автора/инвестора, так и фотостока в целом.

Наконец, на стороне автора/инвестора подготовка и загрузка каждого актива на фотосток, с учетом предварительных затрат, по сути, представляет собой приобретение реального (цифрового) опциона на получение инвестиционного дохода от продажи фотостоком лицензий на его использование. С учетом рассмотренной выше вероятностной природы этого процесса несложно понять причины накопления сверхбольших портфелей активов фотостоками, особенно – лидерами отрасли (табл. 1).

Таким образом, в контексте микрофотостоков цифровые платформенные опционы могут представлять собой инвестиции в расширение платформы за счет:

– наполнения изобразительным, видео, звуковым и другим цифровым контентом;

Таблица 1

Ведущие микростокотки по состоянию на 2 квартал 2026 г.

№	Компания	Коллекция изображений и видео, млн. ед.	Биржевой тикер
1	Shutterstock	< 600	NYSE: SSTK
2	Adobe.Stock	< 900	NASDAQ: ADBE

Источник: составлено авторами по данным компаний

– интеграции приложений, связанных, например, с генерацией цифровых изображений, видео и звуковых произведений, 3D-моделей с помощью встроенной версии искусственного интеллекта;

– предложения других технологических или информационных ресурсов членами экосистемы платформы.

Инвестиции в функции платформы могут быть направлены на все уровни модульной архитектуры. Как определяют Йу с коллегами, «модульная архитектура представляет собой гибрид, в котором многоуровневая архитектура добавляет генеративность модульной архитектуре, образуя континуум» [Yoo et al., 2010].

Фактически, именно генеративность, присущая многоуровневой модульной архитектуре платформы потенциально обеспечивает изобилие цифровых опционов. Кроме того, важной характеристикой цифровых технологий является их самореферентная природа, которая подразумевает, что внедрение инноваций открывают дополнительные возможности для последующих инноваций [Kallinikos et al., 2013]. Таким образом, разработка и реализация каждого цифрового платформенного опциона может способствовать появлению дополнительных новых цифровых опционов.

С другой стороны, многочисленные опционы увеличивают управленческую сложность платформы. Это особенно актуально, когда инфраструктура компании включает несколько платформ. Например, у микростокотков инвестиционные возможности представлены отдельными платформами для цифровых изображений, видео и звука. Тем не менее, управление цифровыми платформами и инфраструктурой нельзя отделить от более широких экосистем платформ. Следовательно, автор/инвестор, использующий, например, сервисы компании Shutterstock, будет зависеть от того, как развиваются экосистемы ее платформ.

Цифровые обязательства (долг)

Концепция технического долга давно используется в практике программной инженерии. Она впервые была введена для условного (даже «метафорического») обозначения написания «быстрого, но не обязательно качественного» программного кода как принятия на себя обязательства (долга), которое придется выполнять позже [Tom, Aurum, Vidgen, 2013]. Интерес к техническому долгу в последнее время усилился, поскольку неспособность управлять им должным образом может отрицательно повлиять на долгосрочное развитие и качество любой программной системы. Хотя изначально техдолг был связан с кодом и программной архитектурой, его современное понятие было расширено и ныне включает также отсутствие тестирования, слабую документацию и другие артефакты разработки программного обеспечения [Li, Avgeriou, Liang, 2015]. Однако следует отметить, что техни-

ческий долг по своей сути не обязательно плох, т.к. принятие некоторого допустимого долга может ускорить разработку и позволить компании быстрее вывести новые услуги и продукты на рынок.

Многие исследователи расширили понятие техдолга, включив в него как проблемы развиваемости, связанные с технологическими пробелами в архитектуре и функциях программного обеспечения, так и проблемы обслуживаемости, связанные с качеством программного кода. Таким образом, техдолг – это не просто результат изначальных недоработок, а скорее результат эволюции контекста с течением времени, результат не совсем правильного выбора в ретроспективе. Технический долг в этом случае обусловлен внешними событиями:

- технологическим устареванием, появлением новых, более совершенных технологий;
- изменением среды;
- быстрым коммерческим успехом.

Особенно в контексте цифровых платформ понимание способности долга эволюционировать имеет огромное значение, поскольку успешные экосистемы платформ постоянно внедряют инновационные решения и возможности (опционы), в которые можно инвестировать ресурсы, если им не мешает существующий (накопленный) долг.

С учетом этих идей было предложено более широкое понятие *цифровых обязательств (долга)*, охватывающих накопление финансовых, юридических, технических и информационных обязательств, которые влияют на развитие платформы как части цифровой инфраструктуры пользователя. В совокупности эти обязательства повышают риски для отношений между платформой и другими участниками экосистемы, а также между элементами инфраструктуры и процессов, которые платформа обеспечивает. Таким образом, цифровой долг, по сути, олицетворяет обязательства, которые возникают в результате непрерывного внедрения платформой новых возможностей, а также инноваций в ее цифровую инфраструктуру и процессы.

Микрофотостоки не только поддерживают и развивают программное обеспечение, связанное с их цифровыми платформами, но также, как было отмечено выше, накапливают гигантские объемы креативного контента, поэтому множество обязательств связано с управлением, структурированием и хранением этого контента.

В частности, финансовые обязательства возникают по причине того, что стоимость лицензии на использование отдельного актива (например, цифрового изображения) составляет очень небольшую сумму. Выплачивать отчисления от нее автору/инвестору немедленно после продажи лицензии чрезвычайно невыгодно, поэтому все фотостоки накапливают отчисления до определенной суммы, обычно 100 долл., и лишь затем переводят получателю. В результате этого, суммарные текущие обязательства по невыплаченным авторским отчислениям могут составлять сотни миллионов долларов.

Юридические обязательства фотостоков связаны, во-первых, с необходимостью соблюдения авторских прав владельцев цифровых активов, загруженных на платформу. Во-вторых, фотостоки принимают на себя обязательства по контролю соблюдения покупателями условий лицензий на использование этих активов. Здесь большую роль играет высокая рыночная репутация лидирующих компаний-микрофотостоков.

Долг, связанный с информационными функциями, может быть результатом решений о структурировании контента в базах данных, а также о том, как пользователи взаимодей-

ствуют с этим контентом. С точки зрения многоуровневой архитектуры платформ, чисто технический долг относится к уровням обслуживания, сети и устройств, тогда как *информационный долг* (по сути – еще одна концепция) относится к уровню контента.

В соответствии с концепцией цифровых опционов, можно говорить о жизненном цикле практик, посредством которых цифровой долг проявляется и развивается в процессе управления цифровой платформой, начиная от создания, и далее до оценки и разрешения цифрового долга (см. табл. 2). Создание цифрового долга подразумевает формирование всех типов обязательств, которые должны быть выполнены в течение будущего функционирования, обслуживания и развития платформы. Оценка включает изучение и определение приоритетности обязательств. Наконец, разрешение (урегулирование) включает выполнение обязательств платформы по частичному или полному погашению цифрового долга.

Концепция цифрового долга также связана с концепцией установленной базы, т.е., совокупности развернутых систем и связанных с ними рабочих процессов цифровой инфраструктуры. В то время как установленная база относится ко всей совокупности ее разнородных систем и связанных процессов, понятие цифрового долга дает уточненную концептуализацию тех элементов, которые требуют значительных работ по обслуживанию и снижают способность к развитию в конкретных ситуациях. Более того, в соответствии с понятием цифровых опционов, разработка и использование платформы также могут привести цифровой долг в цифровую инфраструктуру в результате внутренних взаимозависимостей. В таблицу 2 сведены основные понятия, объясняющие идею цифровой трансформации баланса опционов и долга.

Влияние цифровых опционов и цифрового долга на управление платформой не является выражением дуализма, в котором опционы хороши, а долг плох. Некоторые опционы могут быть настолько сложными и неопределенными, что их исполнение будет маловероятным, тогда как цифровой долг может быть внедрен стратегически для улучшения управления платформой. Таким образом, цифровые опционы и цифровой долг взаимозависимы, хотя могут ограничивать друг друга в процессе управления платформой, но не обязательно находятся в оппозиции.

Остается подчеркнуть, что взаимодействие между опционами и долгом может происходить на различных фазах (1) выявления, разработки и реализации цифровых опционов, а также (2) внедрения, оценки и разрешения цифрового долга. Когда компания разрабатывает и реализует новые опционы, например, для обновления платформы, формирование цифрового долга может быть допущено для стратегического ускорения этого процесса. И наоборот, цифровой долг может препятствовать разработке и реализации опционов цифровой платформы. Например, он может сделать переход на новую версию программного обеспечения более дорогостоящим. С другой стороны, цифровой долг может позволить идентифицировать, разрабатывать и реализовывать новые цифровые опционы.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформировать подходы к комплексному пониманию процессов цифровой трансформации инвестиционных возможностей в сфере ноономики, как принципиально нового социального уклада, выходящего за рамки традиционной экономики знаний и основанного на приоритете разума, свободного распространения знаний и коллективной творческой деятельности.

Таблица 2

Опционы и обязательства, связанные с цифровыми платформами

№	Концепция	Определение	Примеры	Процессы
1	Цифровой опцион (актив)	Возможность инвестировать в новые активы, технические и информационные функции, которые повысят ценностное предложение платформы	Новые цифровые (интеллектуальные) активы. Улучшения за счет обновлений платформы. Разработка новых функций платформы.	<u>Выявление и разработка</u> новых опционов. <u>Реализация</u> : внедрение нового контента, технических и информационных функций в инфраструктуру и процессы платформы
2	Цифровой долг (обязательство)	Накопление различных типов обязательств, связанных с управлением, обслуживанием и развитием платформы. Увеличение рисков для ее функционирования	Финансовые обязательства по выплате отчислений авторам/инвесторам. Юридические обязательства по соблюдению авторских прав. Отсутствие обновлений в конфигурации платформы	<u>Планирование</u> различных типов обязательств, которые будет необходимо выполнить в будущем. <u>Оценка</u> : изучение и приоритизация по типам сформированного долга. <u>Разрешение</u> : выполнение обязательств для частичного или полного погашения цифрового долга
3	Управление платформой на основе баланса опционов и долга	Взаимодействие между цифровыми опционами и цифровым долгом в процессе использования цифровой платформы. При этом учитываются реакции на внутренние и внешние события	Цифровые опционы могут увеличить или уменьшить способность платформы разрешать цифровой долг. Цифровой долг может способствовать или затруднять реализацию цифровых опционов	Платформа может допустить цифровой долг для реализации привлекательных цифровых опционов. Платформа может использовать цифровые опционы для уменьшения цифрового долга

Источник: составлено авторами

В теории ноономики ноопереход трактуется как управленческая парадигма, в которой приоритет отдается человеческому решению, этическим нормам и общественному благу. В контексте нооперехода цифровые активы и платформы приобретают особое значение, т.к. они становятся инструментами коллективного созидания, а не только извлечения прибыли, требуют переосмысления критериев оценки, смещения акцента с краткосрочной финансовой отдачи на вклад в развитие коллективного интеллекта и устойчивое общественное благо. Цифровые платформы встраиваются в экосистемы, где знания и активы свободно циркулируют, а риски распределяются с учетом этических и социальных императивов.

Связь ноономики с цифровыми инвестиционными процессами проявляется в необходимости учитывать глобальный этический контекст (например, принцип «человек не вредит человеку и среде обитания»), и адаптировать модели управления активами к логике когнитивного сотрудничества, а не конкуренции. Необходимо интегрировать технологии (включая технологии искусственного интеллекта) в системы, ориентированные на справедливое распределение благ и минимизацию деструктивных последствий.

Исследование показало, что успешное развитие инвестиционных возможностей в эпоху нооперехода требует системного подхода к управлению цифровыми активами и обязательствами, учета специфики ноономики (свободное распространение знаний, приоритет творческой деятельности, этические императивы) и интеграции технологических, социальных и культурных аспектов в единую управленческую парадигму.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии методологии оценки инвестиционных возможностей цифровых платформ через призму опционного подхода, а также в концептуализации «цифрового долга» как совокупности финансовых, юридических, технических и информационных обязательств. Полученные результаты могут быть использованы, как в академической среде – для углубления теории ноономики и цифровой экономики, так и в практической деятельности – для оптимизации инвестиционных процессов на цифровых платформах с учетом глобальных вызовов и этических норм.

Перспективные направления дальнейших исследований включают разработку методов оценки рисков инвестирования в цифровые интеллектуальные активы с учетом принципов ноономики, изучение влияния технологических инноваций на динамику цифрового долга в условиях когнитивного сотрудничества, а также адаптацию предложенной концепции к другим секторам цифровой экономики с учетом этических рамок нооперехода.

* * *

Исследование проведено в рамках научно-исследовательской работы «Разработка концепции инвестиций в сферу интеллектуальной собственности на основе проектного, акционерного финансирования и налогового стимулирования», согласно Государственному заданию для ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (2-ГЗ-2025).

Список источников

- Бодрунов С.Д. (2025). Ноономика как парадигма глобального развития // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 4, № 2. С. 13–33. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-2-13-33
- Воронов В.С., Викторов Е.И. (2025). Цифровая инвестиционная среда платформенных экосистем как фактор трансформации содержания и роли труда в контексте ноономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 4, № 2. С. 85–94. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-2-85-94
- Воронов В.С., Викторов Е.И. (2024). Цифровая платформа как инструмент управления процессом коммерциализации портфеля интеллектуальных активов // Фундаментальные исследования. № 11. С. 10–14. DOI: 10.17513/fr.43706
- Black F., Scholes M. (1973). The pricing of options and corporate liabilities // Journal of Political Economy. Vol. 81(3). Pp. 637–654. DOI: 10.1086/260062
- Bowman E.H., Hurry D. (1993). Strategy through the option lens: An integrated view of resource investments and the incremental choice process // Academy of Management Review. Vol. 18(4). Pp. 760–782. DOI: 10.5465/amr.1993.9402210157
- Kallinikos J., Aaltonen A., Marton A. (2013). The ambivalent ontology of digital artifacts // MIS Quarterly. Vol. 37(2). Pp. 357–370. DOI: 10.25300/MISQ/2013/37.2.02

- Li Z., Avgeriou P., Liang P. (2015). A systematic mapping study on technical debt and its management // *Journal of Systems and Software*. 101 (March). Pp. 193–220. DOI: 10.1016/j.jss.2014.12.027
- Rolland K.H., Mathiassen L., Rai A. (2018). Managing Digital Platforms in User Organizations: The Interactions Between Digital Options and Digital Debt // *Information Systems Research*. Vol. 29(2). Pp. 419–443. DOI: 10.1287/isre.2018.0788
- Sambamurthy V., Bharadwaj A., Grover V. (2003). Shaping agility through digital options: Reconceptualizing the role of information technology in contemporary firms // *MIS Quarterly*. Vol. 27(2). Pp. 237–263. 263. DOI: 10.2307/30036530
- Sandberg J., Mathiassen L., Napier N. (2014). Digital options theory for IT capability investment // *Journal of the Association for Information Systems*. Vol. 15(7). Pp. 422–453. DOI: 10.17705/1JAIS.00365
- Tom E., Aurum A., Vidgen R. (2013). An exploration of technical debt // *Journal of Systems and Software*. Vol. 86(6). Pp. 1498–1516. DOI: 10.1016/j.jss.2012.12.052
- Yoo Y., Henfridsson O., Lyytinen K. (2010). Research commentary – The new organizing logic of digital innovation: An agenda for information systems research // *Information Systems Research*. Vol. 21(4). Pp. 724–735. DOI: 10.1287/isre.1100.0322

References

- Bodrunov S. D. (2025). Noonomy as a Paradigm of Global Development. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 4. No. 2. Pp. 13–33. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-2-13-33 (In Russ).
- Voronov V. S., Viktorov E. I. (2025). Digital Investment Environment of Platform Ecosystems as a Factor in Transforming the Content and the Role of Labor in the Context of Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 4. No. 2. Pp. 85–94. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-2-85-94 (In Russ).
- Voronov V.S., Viktorov E.I. (2024). Digital Platform as a Tool for Managing the Commercialization Process of an Intellectual Asset Portfolio. *Fundamental Research*. No. 11. Pp. 10–14. DOI: 10.17513/fr.43706 (In Russ).
- Black F., Scholes M. (1973). The Pricing of Options and Corporate Liabilities. *Journal of Political Economy*. Vol. 81. No. 3. Pp. 637–654. DOI: 10.1086/260062
- Bowman E. H., Hurry D. (1993). Strategy Through the Option Lens: An Integrated View of Resource Investments and the Incremental Choice Process. *Academy of Management Review*. Vol. 18. No. 4. Pp. 760–782. DOI: 10.5465/amr.1993.9402210157
- Kallinikos J., Aaltonen A., Marton A. (2013). The Ambivalent Ontology of Digital Artifacts. *MIS Quarterly*. Vol. 37. No. 2. Pp. 357–370. DOI: 10.25300/MISQ/2013/37.2.02
- Li Z., Avgeriou P., Liang P. (2015). A Systematic Mapping Study on Technical Debt and Its Management. *Journal of Systems and Software*. No. 101. Pp. 193–220. DOI: 10.1016/j.jss.2014.12.027
- Rolland K. H., Mathiassen L., Rai A. (2018). Managing Digital Platforms in User Organizations: The Interactions Between Digital Options and Digital Debt. *Information Systems Research*. Vol. 29. No. 2. Pp. 419–443. DOI: 10.1287/isre.2018.0788
- Sambamurthy V., Bharadwaj A., Grover V. (2003). Shaping Agility Through Digital Options: Reconceptualizing the Role of Information Technology in Contemporary Firms. *MIS Quarterly*. Vol. 27. No. 2. Pp. 237–263. 263. DOI: 10.2307/30036530

- Sandberg J., Mathiassen L., Napier N. (2014). Digital Options Theory for It Capability Investment. *Journal of the Association for Information Systems*. Vol. 15. No. 7. Pp. 422–453. DOI: 10.17705/1JAIS.00365
- Tom E., Aurum A., Vidgen R. (2013). An Exploration of Technical Debt. *Journal of Systems and Software*. Vol. 86. No. 6. Pp. 1498–1516. DOI: 10.1016/j.jss.2012.12.052
- Yoo Y., Henfridsson O., Lyytinen K. (2010). Research Commentary – The New Organizing Logic of Digital Innovation: An Agenda for Information Systems Research. *Information Systems Research*. Vol. 21. No. 4. Pp. 724–735. DOI: 10.1287/isre.1100.0322

Информация об авторах:

Воронов Виктор Степанович

Профессор кафедры управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС), доктор экономических наук, доцент (117279, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а)

E-mail: voronov.v@rgiis.ru

Смирнова Вероника Ремовна

Заведующая кафедрой управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС), доктор экономических наук, доцент (117279, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а)

E-mail: Smirnova@rgiis.ru

Чернявский Сергей Владимирович

Ведущий научный сотрудник ЦЭМИ РАН, доктор экономических наук, профессор (117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 47)

E-mail: vols85-85@mail.ru

About the authors:

Victor S. Voronov

Professor of the Department of Innovation Management and Intellectual Property Commercialization, Russian State Academy of Intellectual Property, Doctor of Economics, Associate Professor (55a Miklukho-Maklaya ul., Moscow, 117279, Russia).

E-mail: voronov.v@rgiis.ru

Veronica R. Smirnova

Chief of the Department of Innovation Management and Intellectual Property Commercialization, Russian State Academy of Intellectual Property, Doctor of Economics, Associate Professor (55a Miklukho-Maklaya ul., Moscow, 117279, Russia).

E-mail: Smirnova@rgiis.ru

Sergey V. Chernyavskiy

Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (47, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia)

E-mail: vols85-85@mail.ru

Рецензия на книгу «Nuovo ordine sociale. Conoscere e agire la noonomia»¹

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ НООНОМИКИ В СВЯЗИ С НАСЛЕДИЕМ ПРОФЕССОРА В. ОРТИ

«Новый общественный порядок» — это амбициозная и глубокая книга, предлагающая ясное, хорошо аргументированное переосмысление современных геополитических и экономических трансформаций. Сергей Бодрунов и Сергей Глазьев органично сочетают аналитическую строгость со стратегическим видением: их работа не ограничивается описанием симптомов глобального кризиса, а стремится выявить его структурные причины и наметить конкретные пути формирования более справедливого и устойчивого международного порядка.

К числу основных достоинств книги относятся:

- **Системный анализ.** Авторы предлагают целостную картину взаимосвязей между международной политикой, реальной экономикой и национальным суверенитетом, убедительно показывая, каким образом макроэкономические решения влияют на геополитическое равновесие (не случайно в академической среде используется понятие «политическая экономия»).

- **Практическая направленность предложений.** Помимо глубокого анализа существующих проблем, авторы предлагают конкретные решения — институциональные реформы, денежно-кредитные стратегии и промышленную политику, призванные укрепить устойчивость и экономическую самостоятельность государств.

- **Ясность и авторитетность изложения.** Несмотря на сложность рассматриваемых тем, книга написана доступным языком, не теряя научной строгости. Изложение подкреплено многочисленными фактами и ссылками, представляющими интерес как для академического сообщества, так и для представителей политических кругов.

- **Альтернативное видение.** Книга выступает необходимым противовесом господствующим концепциям, предлагая оригинальные, менее ортодоксальные, но потенциально более эффективные подходы к решению проблем неравенства, технологической зависимости и финансовой нестабильности — тех очевидных болезней, которыми страдает современный капитализм.

Размышления о ноономике и значении наследия XX века

Книга приобретает особую актуальность, если рассматривать её в свете концепции ноономики — знаниевой экономики, сетевых взаимодействий и высокотехнологичного производства. Бодрунов и Глазьев подчёркивают необходимость проведения политики, признающей и регулирующей ключевую роль нематериальных активов, цифровой инфраструктуры и критически важных технологических цепочек создания стоимости. Именно здесь концепция ноономики становится важнейшей теоретической основой для понимания того, каким образом сегодня переплетаются экономическая власть, технологический суверенитет и конкурентоспособность.

¹ Bodrunov S., Glazev S. Nuovo ordine sociale. Conoscere e agire la noonomia [Новое общественное устройство. Понимать и воплощать ноономику] / Bodrunov S., Glazev S. – Italy: Sandro Teti Editore, 2026. – 400 p. (прим. ред.: в России книга издана под названием «Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2023. – 340 с.)

Лично я (как сын профессора Витторанджело Орати¹) убеждён, что мой отец во многом с энтузиазмом поддержал бы изложенные в книге идеи — значительно в большей степени, чем те теории, за которые присуждались Нобелевские премии по экономике и которые, по сути, были созданы *ad hoc* для сохранения неизменного статус-кво (или, точнее, коматозного состояния) экономического и геополитического устройства моноцентричного мира.

Научное наследие профессора Орати, основанное на радикальном пересмотре фундаментальных положений современной экономической теории, — прежде всего на критике упрощённых моделей, сводящих экономический анализ к «миру одного блага», — также предоставляет важный теоретический инструментарий для понимания ноономики. Его многотоварная модель формирования стоимости и цен позволяет объяснить, каким образом технологические инновации и знания изменяют процессы накопления капитала, перераспределения ресурсов и системного риска.

Размышляя о прошлом столетии, книга и изложенная в ней концепция побуждают также к критическому переосмыслению экономической истории. Поспешное отнесение бывшего СССР и социалистических моделей к числу «проигравших» приводит к игнорированию их значительного вклада в мировой прогресс. Речь идёт о достижениях фундаментальной науки, масштабной электрификации огромной страны, создании крупных промышленных комплексов и космических программ — всего того, что сегодня, в контексте ноономики, вновь приобретает особую актуальность, поскольку демонстрирует способность государства или целой экономической системы целенаправленно развивать инновации и технологическое образование.

Если вы ищете книгу, которая побуждает к критическому осмыслению современных процессов и одновременно предлагает практические инструменты для переоценки экономической, промышленной политики и политики технологического суверенитета, то «Новый общественный порядок» станет для Вас по-настоящему ценным чтением.

В сочетании с идеями ноономики и теоретическим наследием Витторанджело Орати (в той интерпретации, которая предложена в данной рецензии) эта книга становится поводом для переосмысления не только национальных и международных стратегий развития, но и самой иерархии исторических нарративов, сопровождавших технологическое и экономическое развитие человечества.

Книга рекомендуется политикам и государственным деятелям, экономистам, специалистам по международным отношениям, а также всем, кто стремится добросовестно и с подлинно научным подходом познакомиться с альтернативным, аргументированным взглядом на ключевые вызовы современности.

Доктор Пьерлуиджи Орати

экономист, менеджер по управлению рисками и ESG

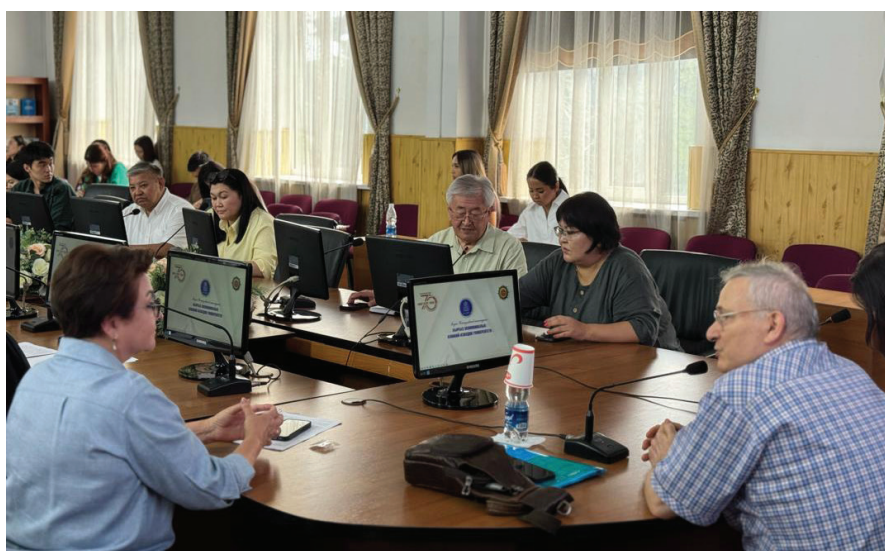
¹ Прим. ред.: профессор Витторанджело Орати — известный итальянский ученый. Автор известной работы «Аномалия стагфляции и кризис экономических парадигм» (1984). В. Орати читал лекции в университетах Ниццы, Лиссабона, Копенгагена, Йоханнесбурга, Болоньи, Бостона, Сан-Франциско. Совместно с лауреатами Нобелевской премии по экономике, Лоуренсом Кляйном и Робертом Солоу, Орати участвовал в подготовке первого выпуска журнала Международного института перспективных экономических и социальных исследований (PIAESS), посвящённого Полу Самуэльсону. Орати одним из первых глубоко проанализировал и объяснил противоречивую природу стагфляции.

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ИНИР ИМ. С.Ю. ВИТТЕ В КЫРГЫЗСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

30 июня 2026 г. в Кыргызском экономическом университете имени Мусы Рыскулбекова (КЭУ) состоялся выездной научный семинар, организованный Институтом ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (ИНИР), по проблемам теории ноономики на тему «Многополярность как новая парадигма международных отношений».

С основным докладом выступил президент ВЭО России, директор Института ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президент Всемирной Ассоциации Ноономики (WAN), член-корреспондент РАН **С.Д. Бодрунов**.

В работе научного семинара приняли участие ректор КЭУ, профессор **Г.Т. Супаева**, проректор по международным связям КЭУ, профессор **Т.Ю. Джолдошева**, представители профессорско-преподавательского состава КЭУ. В дискуссии приняли участие аспиранты КЭУ.

В рамках семинара состоялась презентация новых изданий ИНИР им. С.Ю. Витте. Были представлены курс лекций по общей теории ноономики «Глобальная трансформация: технологии, экономика, человек», вышедший в юбилейной серии «Фундамент будущего: Классический учебник МГУ», приуроченной к 270-летию МГУ имени М.В. Ломоносова; учебник «Трансформация общества: стратегия и ноономика» (авторы — Владимир Квинт, Сергей Бодрунов); книга «От экономического устройства — к неэкономическому обществу. Теория ноономики и практика нооперехода: мировой опыт и китайская модернизация» (автор — Сергей Бодрунов); сборник научных трудов Сергея Бодрунова «Политэкономические тетради». Издания были переданы в дар библиотеке КЭУ.

По итогам семинара было принято решение о создании под методическим руководством ИНИР им. С.Ю. Витте в КЭУ Центра ноономики Всемирной Ассоциации Ноономики, который станет базовым для Центрально-Азиатского региона. Среди задач Центра — подготовка курса лекций по теории ноономики, а также учебных модулей по теории ноономики для студентов и магистрантов КЭУ.

Всемирная Ассоциация Ноономики планирует провести на базе Центра ноономики КЭУ ежегодный научный Центрально-Азиатский конгресс по теории ноономики.

ЕЖЕГОДНЫЙ КОНГРЕСС ВСЕМИРНОЙ АССОЦИАЦИИ НООНОМИКИ (WAN)

16–19 сентября 2026 г. в Риме (Италия) состоится Ежегодный Конгресс Всемирной Ассоциации Ноономики.

Всемирная Ассоциация Ноономики (World Association of Noonomy, WAN) учреждена в 2026 году и является некоммерческой организацией, которая объединяет ученых и представителей научно-образовательных организаций из **52 стран**.

В программе Конгресса: Международная научная конференция на тему «Теория ноономики: новая парадигма цивилизационного развития», Ежегодная Ассамблея Всемирной Ассоциации Ноономики.

В числе ключевых направлений дискуссии Конгресса: ноономика как новая парадигма цивилизационного развития; фундаментальные теоретические основы ноономики; драйверы формирования нооценностного ядра и механизмы нооперехода; тренды глобальных трансформаций и структурные сдвиги в мировой экономике; роль ноономики в решении социально-экономических проблем развивающихся стран.

В Конгрессе принимают участие ведущие ученые, эксперты, представители общественных институтов и образовательного сообщества, государственные деятели из 35 стран, в том числе, Италии, Китая, России, Мексики, Чили, Великобритании, США, Бразилии, Индии, Греции, Лаоса, Уганды, Австрии, Кубы, Грузии, Колумбии, Боливии.

В числе хедлайнеров Конгресса: **Сергей Бодронов**, президент Всемирной Ассоциации Ноономики (WAN), директор Института ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (ИНИР), президент Вольного экономического общества России (ВЭО России); **Чен Эньфу**, председатель Всемирной ассоциации политической экономии (WAPPE); **Франсиско Рохас Аравена**, ректор Университета мира ООН; **Роберто Савио**, директор римского филиала Университета мира ООН; **Владимир Кузнецов**, руководитель группы учреждений ООН в России; **Серджио Беллуччи**, академический директор римского филиала Университета мира ООН; **Алан Фриман**, соруководитель Исследовательской группы по геополитической экономике Университета Манитобы; **Радика Десаи**, директор исследовательской группы геополитэкономии, профессор Университета Манитобы; **Владимир Квинт**, заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; **Джеймс К. Гэлбрейт**, профессор Техасского университета в Остине; **Александр Некипелов**, директор Московской школы экономики МГУ имени М. В. Ломоносова; **Алексей Громыко**, директор Института Европы Российской академии

наук; **Александр Широ́в**, директор Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук и др.

Конгресс призван консолидировать интеллектуальный потенциал ученых из разных стран для углубления знаний в области теории ноономики и поиска решений актуальных социально-экономических проблем на базе ноономики.

ТУНЧЖОУСКИЙ ФОРУМ ПО ГЛОБАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ

10-11 октября 2026 г. в Пекине состоится Тунчжоуский Форум по глобальному развитию. Организатор Форума – Китайский народный университет при участии Правительства района Тунчжоу города Пекина.

В прошлом, 2025 году Форум собрал свыше 400 участников из более чем 30 стран с призывом к совместной работе ради глобального развития и общего будущего.

В работе Форума-2026 примет участие российская делегация во главе с президентом Всемирной Ассоциации Ноономики (WAN), директором Института ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (ИНИР), президентом Вольного экономического общества России (ВЭО России), член-корреспондентом РАН, профессором С.Д. Бодруновым.

КНИГИ ПРОФЕССОРА С.Д. БОДРУНОВА НА КРУПНЕЙШЕЙ КНИЖНОЙ ВЫСТАВКЕ-ЯРМАРКЕ ИТАЛИИ

Сандро Тети, владелец издательства «Sandro Teti Editore» (Рим)

На прошедшей с 14 по 19 мая 2026 г. международной книжной выставке в Турине (Salone Internazionale del Libro Torino) были представлены книги директора ИНИР им. С.Ю. Витте, профессора С.Д.Бодрунова. Это крупнейшее литературное событие Италии, которое посетили более 240 тысяч человек.

По словам владельца издательства «Sandro Teti Editore» (Рим) С. Тети, несмотря на особую в настоящее время политическую обстановку в Италии и давление евроструктур после Венецианской биеннале, экспозиция вызвала большой интерес европейской научной общественности.

На выставке были представлены вышедшие на итальянском языке монографии: С.Д.Бодрунова «Ноономика», С.Д. Бодрунова и В.Л. Квинта «Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика», С.Д. Бодрунова, Р. Десаи, А.Фримана «По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономия», С.Д. Бодрунова и С.Ю. Глазьева «Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройств: знать и действовать» и другие.

Научное издание

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Том 5, №3 2026 Vol 5, No.3

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

В журнале используются материалы Института ноономики и Нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, которые докладывались на научных семинарах и конференциях ИНИР им. С.Ю. Витте, и представляют собой концентрированную подборку публикаций по концепции нового индустриального общества второй генерации и теории ноономики, развиваемых ИНИР им. С.Ю. Витте совместно с российским и международным научным сообществом

Адрес редакции и издателя:

197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: +7 (812) 313-82-68, e-mail: noonomy@inir.ru

Подписано к печати 11.08.2026 г.

Дата выхода в свет 25.08.2026 г.

Формат 60×84/8. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 17,21.

Тираж 1000 экз. Заказ 27

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью «Медиа Гранд»,
152900, Ярославская область, г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, 57